

A passion this tempting must be...

Strictly Forbidden

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR
SHAYLA BLACK WRITING AS
SHELLEY BRADLEY

Мисс Кира, Мельбурн мало похожа на обительниц богатых аристократических домов. Она — “белая ворона” в этом мире, тем более что ее мать иностранка, а саму Киру, жертву подлой лжи недоброжелателей, считают особой легкого поведения.

Как ей устроить свою судьбу? Разве что выйти замуж за сельского vicar...

Кузен новоиспеченного жениха, герцог Гевин Кропторн, считает своим долгом предотвратить нежелательный брак. Ради этого он готов соблазнить невесту и расстроить свадьбу.

Однако, оказавшись в объятиях Киры, Гевин забывает обо всем на свете...

Шелли Брэдли
Запретное влечение

Глава 1

Брэмли-Виллидж, Суррей, Англия

Апрель 1836 года

— Ты полюбишь мисс Мельбурн, — уверенно сказал Джеймс Хаулэнд, — это несомненно. Как только познакомишься с ней, так сразу и полюбишь.

Гевин Даггет, пятый герцог Кропторн, кивнул со сдержанным удивлением: его обычно невозмутимый кузен беззастенчиво болтал уже целых два часа.

По правде говоря, не имело почти никакого значения, понравится ли ему невеста Джеймса и полюбит ли он ее. Важно только, чтобы она подходила Джеймсу, имела хорошее воспитание и не становилась причиной скандалов.

Хотя Пасха была только вчера, солнце пекло необычайно сильно для весны, и Гевин пожалел, что Джеймс решил ждать приезда мисс Мельбурн снаружи: он уже начинал потеть в своем новом темно-красном сюртуке. Но раз такая мелочь приятна Джеймсу, который всегда был для него как брат, Гевин готов терпеть без всяких жалоб.

Прикрывая рукой глаза от ярких полуденных лучей, Гевин перевел взгляд с узкой пыльной дороги на Джеймса, нервно ерзавшего рядом с ним. Разумеется, он желал кузену счастья в браке, но в последнее время дела в Лондоне слишком часто занимали его и не давали возможности познакомиться с мисс Мельбурн. К тому же ее имя до последнего момента отсутствовало в письмах кузена и появилось всего две недели назад. Тем не менее, у него было чувство, что он знает эту девушку или недавно что-то слышал о ней...

Недостаток сна из-за строительства новой железной дороги, в конце концов, перепутал все его мысли, и Гевин непроизвольно потер усталые глаза.

Джеймс схватил его за рукав.

— Поверь, она хорошая, богобоязненная женщина.

Услышав в голосе Джеймса умоляющую нотку, Гевин повернулся к кузену:

— Если мисс Мельбурн удалось снискать твою любовь, у меня нет никаких сомнений, что она — само воплощение добродетели.

Джеймс повернулся и стал пристально всматриваться в обсаженную деревьями дорогу; легкий ветерок ерошил его пшеничные волосы, плечи напряглись. Даже священники могут волноваться по поводу супружества, усмехнулся про себя Гевин.

— Мисс Мельбурн очень хорошая, — наконец произнес Джеймс. — Очень добрая. Она обладает редким даром улыбаться всем лицом.

Если самое очаровательное, что мог Джеймс сказать о мисс Мельбурн, касалось ее улыбки, то у нее, скорее всего, нет красоты, которую оценило бы светское общество. Зато такая девушка прекрасно подойдет сельскому священнику вроде Джеймса, который в людях, прежде всего, искал не внешнюю красоту, а добродетель. Кроткий кузен Гевина жаждал искренности, уважал дипломатию и делал все возможное, чтобы понять перспективы каждого человека — иногда в ущерб себе.

С невзрачной, но доброй женой Джеймсу никогда не придется беспокоиться о том, чтобы контролировать печально известное сластолюбие Даггетов, как это пытался делать отец Гевина, многие другие Даггеты до него — и совершенно безуспешно.

Серьезное выражение лица Джеймса подсказало Гевину, что кузен ищет у него одобрения, и он улыбнулся:

— Похоже, она прекрасна. Ты уже сказал тете Кэролайн?

Джеймс помолчал, глядя вдаль, на дорогу.

— Мама еще в Лондоне. Я подумал, что лучше сообщить ей о моей женитьбе лично.

Гевин кивнул, признавая мудрость этой мысли. Когда дело касалось ее единственного сына, тетушка Кэролайн становилась чересчур впечатлительной.

— Верно. Ты сможешь поделиться с ней счастливой новостью сегодня вечером, после ее приезда.

Джеймс ответил решительным кивком. Заинтересовавшись, Гевин произнес наугад:

— Ты рассказал мне немного о мисс Мельбурн, но не говорил ничего о ее семье. Мы их знаем?

— Вообще-то нет. — Джеймс пожал плечами, словно загипнотизированный видом пустой дороги. — Они из Суффолка и возвращаются в провинциальном обществе. Отец мисс Мельбурн редко живет в Англии: он предпочитает путешествовать, и ее мать уехала за границу несколько лет назад.

Уехала за границу, от мужа и детей? Неужели они разошлись?

Прежде чем Гевин успел задать свой вопрос, из-за поворота донесся грохот лошадиных копыт и лязг упряжи. Простая черная карета приближалась по аллее, поднимая легкие облачка пыли.

— Это, должно быть, мисс Мельбурн с братом. — Джеймс сложил руки перед собой и стоял, выпрямив плечи и поджав губы, пока карета приближалась к Норфилд-Парку, загородному дому Гевина.

— Точно. — Гевин улыбнулся, забавляясь поведением кузена.

— Уверен, брат мисс Мельбурн тебе тоже понравится. Дариус отличный спортсмен.

— Надеюсь, он развеет нашу деревенскую скуку.

Когда экипаж, покачнувшись, остановился перед парадной лестницей, Джеймс бросил серьезный взгляд на Гевина:

— Спасибо, что вышел со мной приветствовать мисс Мельбурн. Я, правда, очень хочу, чтобы она тебе понравилась.

— Это мое самое горячее желание.

Когда Джеймс шагнул к карете, лакей спрыгнул и открыл дверцу. Пыль, плывущая в легком ветерке, словно туманом окутывала экипаж, как всегда бывало весной.

Первым из кареты вышел мужчина, и Гевин склонился в вежливом поклоне. Мужчина был одет в элегантный костюм для верховой езды и до блеска начищенные сапоги. Прежде чем он повернулся к карете и протянул руку, Гевин успел отметить его загорелую кожу и орлиный профиль.

Из экипажа показались тонкие женские пальцы в коротких шелковых перчатках кремового цвета, затем в солнечном свете блеснул золотой браслет. За ним последовал пышный поплиновый рукав приглушенно-синего цвета и, наконец, появилась светлая овальная шляпка на густых черных кудрях. Узкие плечи приехавшей дамы покрывала изящная накидка, ноги были обуты в изящные лайковые сапожки. Хотя девушка была на удивление высокой, в ее движениях сквозила грация.

Мисс Мельбурн подняла голову, и легкая улыбка тронула ее губы. Она действительно не была красавицей, в этом Гевин оказался прав, но столь удивительного создания он еще не видел в своей жизни.

Неужели это и есть нареченная Джеймса? Гевин замер, неотрывно глядя на твердый

изгиб ее скул и пухлые, чувственные губы. Он не мог найти слов. Вожделение словно кинжалом пронзило его.

Почему Джеймс, всегда такой сдержанный и к тому же священник, выбрал себе в невесты такую чувственную женщину, как мисс Мельбурн? Она не из тех, кто легко впишется в маленький деревенский приход, да, пожалуй, и в любое общество.

Неужели его кузен наконец-то почувствовал зов сладострастной крови Даггетов? Джеймса всегда больше интересовали вопросы духовные, нежели плотские — по крайней мере, до мисс Мельбурн.

Мисс Мельбурн повернулась к Джеймсу; ее глаза, обрамленные густыми угольно-черными ресницами, сияли целомудренной, живой синевой.

Само воплощение приличия, подумал Джеймс, склоняясь над рукой мисс Мельбурн и тихо бормоча слова приветствия. Он обнаружил, что каждый следующий вдох дается ему все труднее. По сути, чем больше Гевин смотрел на нее, тем более притягательной казалась ему мисс Мельбурн.

Утонченность ее лица, гладкая округлость щеки и идеальная, без единого изъяна кожа оливкового оттенка, на который не стала бы добровольно претендовать ни одна истинная английская роза, — все это не могло не восхищать.

Мужчина, первым появившийся из кареты, решительно шагнул к Гевину, словно пытаясь заслонить от него мисс Мельбурн, и Гевин понял, что это, должно быть, Дариус Мельбурн.

Джеймс, очевидно, выбрал жену из какой-нибудь далекой страны вроде Италии, Испании или даже Индии, но это казалось так не похоже на кузена.

Взяв мисс Мельбурн под руку, Джеймс подошел вместе с ней к кузену.

— Гевин, познакомься с мисс Кирой Мельбурн, моей невестой.

Его невеста! Гевин вздохнул. Да, ему лучше не забывать об этом факте. Было бы неумно и нечестно предаваться непристойным мыслям о невесте кузена. В конце концов, мисс Мельбурн вскоре разделит ложе Джеймса. Хотя и очень привлекательная, она была всего лишь женщиной, а Гевин уже вкусил прелести многих женщин.

Гостья присела в элегантно реверансе:

— Для меня большая честь познакомиться с вами, ваша светлость.

Гевин кивнул и поднес ее руку к губам. Проклятие, она пахла чересчур восхитительно — ванилью, смешанной с лунным светом. У него пересохло во рту.

— Мисс Мельбурн.

Заставив свои мысли оторваться от внешности, он попытался сосредоточиться на ее имени. Кира. Оно шло ей — такого экзотичного он никогда не слышал. От какой культуры она получила такое имя — и такие невероятные губы?

— А это ее брат, мистер Дариус Мельбурн, — продолжал Джеймс.

Мужчина протянул руку, и Гевин рассеянно пожал ее, не отрывая взгляда от его сестры.

Мгновение все стояли в молчании. Гевин, несмотря на годы, проведенные в свете, обнаружил, что ему приходится напоминать себе об обязанностях гостеприимного хозяина.

— Не пройти ли нам в дом? — наконец, предложил он. Но, как и почему мисс Мельбурн согласилась выйти за Джеймса — вот вопрос, который действительно занимал Гевина.

— Как вам нравится Норфилд-Парк? — поинтересовался Джеймс Хауленд часом позже, когда все четверо пили чай и Кира окинула взглядом элегантную гостиную герцога, замечая

все, от искусной лепнины на потолке, оттененной золотой краской, до пушистых ковров кремового, золотого и приглушенно-синего цветов.

— Признаюсь, я в восторге. — Она бросила укоризненный взгляд на жениха. — Он слишком великолепен, чтобы быть просто удобным.

Джеймс пожал плечами.

— Я провел здесь почти всю юность и счастлив, что вам он нравится.

— О, очень нравится. — Кира одарила жениха понимающей улыбкой. Как и всегда, Джеймс продемонстрировал все свое обаяние и доброту, чего она не могла сказать о его кузене, который казался ей не просто сдержанным, но даже высокомерным. Его манера держаться, его замкнутость говорили об этом, но Кира и ожидала именно такого поведения. Столь влиятельному человеку не может быть интересно знакомство с ней, дочь второго сына графа.

А вот чего она не ожидала, так это того, что герцог окажется изумительно красивым и ростом почти на целую голову выше кузена. Когда его бездонные темные глаза, не мигая смотрели на нее, ей хотелось, чтобы он перестал так смотреть. Кира боялась, что его светлость оценивает ее недостатки, в том числе и наполовину персидское происхождение, а затем составит список, который потом будет зачитывать мистеру Хауленду.

Сидящий рядом Дариус подтолкнул ее локтем, напоминая, что она должна преодолевать свое природное нежелание разговаривать с новыми знакомыми.

— Ваша светлость, надеюсь, вы не столь пресыщены, чтобы считать Норфилд-Парк обыкновенным.

Герцог еще внимательнее посмотрел на нее. Кира могла поклясться, что между ними существует невидимая нить, соединяющая их. Вероятнее всего, она была настроена на его гнев. Неужели он слышал сплетни о ее фиаско с лордом Венсом? Очень возможно. Тогда его, как и большинство добропорядочных семейств Англии, вряд ли обрадует то, что в его семью войдет полукровка с позорной репутацией.

Вздыхнув, Кира напомнила себе, что скоро обвенчается с Джеймсом и приверженцы грязных слухов переключатся на новую сплетню. Тогда, возможно, она, наконец, найдет покой и место, где люди примут ее такой, какая она есть, а не будут судить о ней по ее происхождению.

— Конечно, нет, — ответил герцог. — Я предпочитаю Норфилд любому месту на земле. Мне жаль, что дела так часто призывают меня в Лондон и поэтому приходится покидать эти места. Одних только здешних угодий достаточно, чтобы сказать, что Норфилд великолепен.

Что ж, его светлости не хватает не гордости за свое имение, а всего лишь непринужденных манер.

— Если хотите, завтра же я поведу вас с Дариусом на экскурсию, — предложил мистер Хауленд.

Кира улыбнулась:

— Я буду только рада.

Все же ее жених хороший человек, добрый, и он явно хочет помочь ей. Кира боялась, что, став его женой, она никогда не сможет отплатить ему за его доброту; но, возможно, со временем она полюбит его, как он заслуживает, и тогда...

— Превосходная идея, Джеймс. — Гевин кивнул. Затем наступила тишина, но герцог продолжал неотрывно смотреть на нее; взгляд его темных глаз был непроницаем.

Кира заговорила первой:

— Мистер Хаулэнд сообщил мне, что вы один из главных инвесторов новой железной дороги.

Темная бровь герцога Кропторна удивленно приподнялась.

— Да. Эта дорога откроет движение на участке Лондон — Бирмингем примерно через два месяца.

— И тогда у Гевина наконец-то появится время, чтобы найти своим сестрам богатых мужей, которые будут оплачивать счета их модисток, — смеясь, произнес Джеймс.

— Да уж, лучше пусть они будут богаты, учитывая вкусы Кейт и Энн. — К удивлению мисс Мельбурн, герцог даже слегка улыбнулся. При этом он продолжал смотреть на нее, и Кира отвела взгляд; но даже, несмотря на это, его красивое лицо стояло у нее перед глазами.

Это невидимое что-то, эта странная... осведомленность, которую она чувствовала между собой и Кропторном, не имела смысла. Его поведение говорило о том, что он не одобряет ее. И еще Киру смущали его аристократические манеры. Странно, однако, что она при этом ловила каждое его слово, замечала каждый жест.

Герцог Кропторн был мужчиной, которого трудно игнорировать.

И еще он был опасен — своим богатством, властью, влиянием на младшего кузена и открытым неодобрением по отношению к ней. По этой причине Кира поклялась пореже попадаться на пути его светлости.

Гевин не удивился, когда незадолго до полуночи, получил от тетушки Кэролайн приглашение немедленно зайти.

Мать Гевина умерла вскоре после его десятого дня рождения, и младшая сестра отца практически вырастила его. Кэролайн была ему как мать, и поэтому он очень хорошо ее знал. Когда после обеда Джеймс объявил о своей предстоящей свадьбе, Гевин понял, что тетя непременно захочет поговорить с ним.

Подойдя к двери Кэролайн, он негромко постучал, и дверь тут же распахнулась. Тетушка встретила его в длинном синем халате — лицо ее пылало, губы были поджаты.

— Остальные уже полчаса как разошлись. Меня удивляет, что вам понадобилось столько времени, чтобы послать за мной...

— Гевин, как ты можешь мучить меня в такое время? Это просто чудовищно!

— Поскольку погода последнее время стоит прекрасная, мне остается только предположить, что вы говорите о выборе, который сделал Джеймс.

— Ну конечно! Ты хотя бы представляешь, насколько она не подходит ему, да и любому мужчине хорошего происхождения? — Кэролайн возмущенно воздела руки к небу.

Поскольку тетя всегда очень легко доводила себя до экстаза, Гевин научился довольно ловко успокаивать ее.

— Признаю, она немного удивила меня; но Джеймс говорит, что мисс Мельбурн хорошая, добрая. Мы должны допустить, что он знает эту девушку гораздо лучше нас. Разве у нас есть причины сомневаться в его суждении?

Вероятнее всего, красotka так воспламенила Джеймса, что он забыл о здравом смысле, но Гевин оставил эту мысль при себе.

Вместо ответа Кэролайн посмотрела на него так, будто у него вдруг выросли рога:

— Страсть ослепила его! О, это так ужасно!

По дрожанию ее плеч Гевин понял, что тетушка готова вот-вот расплакаться, и успокаивающе обнял ее.

— Не расстраивайтесь так. Возможно, все не так уж плохо.

— Все очень плохо — гораздо хуже, чем ты думаешь. Она племянница графа Уэстленда.

Этого Гевин не знал, однако сразу вспомнил, что как раз перед отъездом из Лондона слышал какие-то сплетни о какой-то девушке... Впрочем, мысль тут же ускользнула от него.

— Такое низкое происхождение. А ее поведение! — Кэролайн чуть не задохнулась от отвращения. — Эта женщина уехала из дома на два дня, сказав, что собирается сбежать с лордом Венсом, как будто он и вправду женился бы на ней. И вдруг она возвращается, так и не обвенчавшись и без всяких объяснений. Ее репутация разорвана в клочья!

Гевин поморщился. Неужели мисс Мельбурн провела два дня и две ночи наедине с мужчиной, за которым не была замужем? Ни одна наследница из хорошей семьи не посмела бы себе так себя вести. Это было совершенно невероятно, это был скандал. А самым большим, что Гевин ненавидел в своей жизни, был именно скандал.

— Представляю, какие это вызвало толки. — Он вздохнул. — Так лорд Венс, сделав ей предложение и забрав из семьи, не выполнил своего обещания?

— Лорд Венс не делал ей никакого предложения. Девушка практически без средств и с матерью-персиянкой.

Персиянка! Так вот откуда эта смуглая кожа, экзотические черты, невероятно чувственный рот...

— Гевин! — Кэролайн щелкнула пальцами, пытаясь привлечь его внимание. — Что нам делать? Джеймс не может жениться на ней. Она само воплощение позора!

Герцог потер переносицу. Кэролайн права: мисс Мельбурн — само воплощение скандала, и он не может позволить, чтобы сплетни, пусть хоть отдаленно, коснулись его семьи. Проклятие! Неужели Джеймс в угоду своему вожделению готов подвергнуть всех их испытанию отвратительными сплетнями и позором, женившись на мисс Мельбурн? Очевидно, он собирается сделать именно это, что совершенно не похоже на него.

— И что же вам о ней известно?

— Что Кира Мельбурн — изворотливая шлюха и хочет подцепить себе богатого мужа. По словам лорда Венса, она проделывала все самые непристойные и шокирующие вещи, чтобы заставить его жениться на ней. Разумеется, он не захотел обзаводиться такой бесстыдной женой.

Гевин тоже не пожелал бы иметь жену вроде Киры, но у него возникло подозрение, что он с удовольствием наслаждался бы ее бесстыдным поведением...

Однако мог ли лорд Венс увести девушку из семьи фальшивыми обещаниями? Гевин недостаточно хорошо знал его, чтобы судить об этом, но Венс явно отказался жениться на ней, скорее всего решив, что Кира Мельбурн не та женщина, с которой мужчина его положения должен обращаться уважительно.

— И все же лорд Венс порвал с ней чересчур легко... — Гевин пожал плечами. — Как никак она родственница графа...

Кэролайн нервно взмахнула увешанной перстнями рукой.

— Уэстленд отрекся от своего брата, когда тот женился на персиянке. Сомневаюсь, что он вообще хоть раз видел мисс Мельбурн! Без его поддержки она, смею сказать, просто очередная деревенская мышка, плетущая интриги, чтобы выгодно выйти замуж. Теперь вот она запустила свои когти в моего дорогого Джеймса! — Кэролайн шмыгнула носом, словно собиралась расплакаться.

— Не расстраивайтесь так: возможно, мы сумеем найти способ успокоить слухи о падении мисс Мельбурн.

Почтенная леди встряхнула седеющими кудрями.

— Вот уж вряд ли! В свете почти ни о чем другом и не говорят!

У Гевина все сжалось внутри — он не зря смертельно ненавидел скандалы. Много лет назад его отец принес скандал в их семью. Воспоминания об ужасных сплетнях отравили все его детство. Отвратительные слухи привели к тому, что тетя Кэролайн целый месяц не вставала с постели из-за нервного расстройства, а вся семья стала объектом насмешек и порицания.

Разумеется, Джеймс все это знал и все же решился жениться на такой девушке.

Гевин невольно вспомнил, как выглядела мисс Мельбурн. Опозоренная или нет, но это была женщина, которую каждый бы хотел заполучить в постель. Однако у любого наверняка хватило бы ума оставить такую женщину любовницей и только. А вот легковверный Джеймс наверняка решил, что обязан жениться на ней.

— Просто отвратительно, что мисс Мельбурн могла сидеть за обедом с этой своей скромной улыбкой и в самом что ни на есть пристойном наряде, когда в ней нет и намека на невинность! — Кэролайн продолжала возмущаться.

Выслушав тираду тетушки, Гевин прошагал через пышно отделанную комнату к туалетному столику и уселся на изящный позолоченный стул. Так-то оно так, и все же что-то тут не сходится.

— Если мисс Мельбурн хотела выйти за графа, почему сейчас она готова удовлетвориться Джеймсом? Он всего лишь деревенский священник, который вряд ли осыплет ее золотом. Возможно, нам будет достаточно объяснить ей это.

Кэролайн драматическим жестом прижала руки к пышной груди.

— Теперь, когда она скомпрометирована сверх всякой меры, эта красотка вынуждена выйти замуж за любого, кто согласится жениться на ней.

Гевин понимал, что тетя права. Джеймс всегда хотел помочь другим. Мальчишкой кузен помогал заботиться о больных, лечил раненых животных и плакал вместе с теми, кто страдал. Джеймс не любил мисс Мельбурн; возможно, он даже не желал ее, зато жалел ее неудачное происхождение и погибшую репутацию.

— Я разговаривала с Джеймсом, прежде чем послать за тобой. — Кэролайн пожала плечами. — Его невозможно переубедить.

Гевин ничуть не удивился. Когда дело касалось помощи нуждающейся душе, Джеймса переубеждать было бесполезно. Кузен был из тех людей, кто отдаст незнакомцу последний кусок хлеба, даже если сам будет голодать, и кто не видит ничего зазорного в том, чтобы дать отчаявшейся женщине доброе имя.

— Как я смогу жить, имея в невестках проститутку?

Гевин не знал, что ответить тете, чем утешить ее, поскольку сам не разделял непомерной страсти Джеймса к благотворительности. К тому же, несмотря на грядущую катастрофу, ему было интересно узнать правду о невесте Джеймса — для себя. Даже если он и узнает ее, для высшего общества правда не имеет значения. Будь Кира Мельбурн невинна как монашка, ее уже признали распутницей — свет согласился с этим, и значит, девушка в его глазах окончательно погибла. Тем не менее, Джеймс сделал предложение, несмотря на беды, которые это принесет его семье.

— Что нам делать, Гевин? — услышал он голос тети.

Действительно, что они могут сделать? Если свет будет говорить о мисс Мельбурн в таком духе, скандал непременно заденет маленькую семью Гевина. На судьбу его сестер это

тоже повлияет. После позора, который обрушил на их семью отец почти двадцать лет назад, они просто не могут позволить навлечь на себя новые испытания. В тот первый раз тетя Кэролайн едва пережила унижение, и Гевин был полон решимости защитить ее и остальных.

— Пока вам нужно успокоиться. — Он поднялся на ноги. — А там я что-нибудь придумаю.

На следующее утро Кира вышла к завтраку очень рано, надеясь найти столовую пустой, но она ошиблась. Герцог Кропторн в одиночестве сидел во главе стола и просматривал бумаги, делая то там, то тут необходимые пометки. В левой руке он держал чашку с кофе, а у его правого локтя стояла тарелка с нетронутым омлетом. С откинутыми назад темными волосами и словно высеченным из камня профилем он выглядел необыкновенно красивым. Такой тип мужчин ей когда-то нравился — до того, как лорд Венс преподал ей урок.

Едва Кира появилась на пороге, герцог поднял глаза, и она нервно сглотнула. Разумеется, она не нравится ему, так же как и матери Джеймса; они без всяких слов ясно дали ей это понять. Миссис Хауленд она могла бы со временем переубедить, доказав, что ее невестка не является ни проституткой, ни язычницей. А вот Кропторн, похоже, был непреклонен в своих суждениях — но именно это и манило бросить ему вызов.

Тем не менее, поскольку Джеймс был очень высокого мнения о кузене, ей придется быть вежливой и ради жениха, и ради гармонии в семье.

— Доброе утро, ваша светлость. — Она улыбнулась. — Прощу прощения, если помешала вам. Я была уверена, что никого не застану здесь в столь ранний час.

— Вот как? Но я всегда встаю рано.

Задержавшись на пороге, Кира отметила про себя, что герцог не торопится пригласить ее присоединиться к нему за столом.

— Значит, вы так же, как и я, любите рано вставать, — сказала она. — Раннее утро кажется мне таким освежающим...

— Ну а я нахожу это удобным до полудня. Можно поделаться много работы.

— Действительно, вы правы. — Кира смущенно умолкла. Ей раннее утро всегда казалось безмятежным и спокойным, а Кропторн считал его подходящим для работы. Что ж, возможно, но такое отношение показалось ей довольно скучным.

— Почему бы вам не присесть? — наконец, произнес герцог и начал собирать бумаги.

— Пожалуйста, не прерывайтесь из-за меня. Я с удовольствием выпью чаю в тишине. — Кира прошла мимо ряда фамильных портретов к буфету с едой.

— Так случилось, что сегодня утром я должен на несколько дней уехать в Лондон, куда меня зовут дела. А вы можете позавтракать в тишине, так, как вам нравится.

Бесцеремонный — самое вежливое слово, чтобы описать герцога, решила Кира и положила себе на тарелку лепешку. О, она предполагала, что человек его ранга привык обращаться с нижестоящими с большой долей снисходительности. И все же хотя Гевин Даггет и казался надменным, он имел влияние на мягкосердечного Джеймса и, возможно, мог даже заставить его отказаться от свадьбы. Герцог явно из тех, чье неодобрение нельзя недооценивать, если она хочет выйти за Джеймса, утихомирить скандал с лордом Венсом и найти место, которое сможет назвать домом.

— Счастливого вам пути, — сказала Кира, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно любезнее, и села за стол.

Гевин холодно поклонился и направился к выходу, но, оказавшись рядом с ее стулом, остановился.

— Мне сообщили, что вы племянница графа Уэстленда.

Чашка Киры замерла в руке. Она осторожно взглянула в сторону герцога и заметила в его глазах любопытство. Вероятно, он уже слышал и о скандале, и о ее происхождении. Его неодобрение по отношению к ней стало глубже, чем вчера; пристальный взгляд ясно показывал это. Попытка защититься от скандала не приведет ни к чему хорошему. И что она может сказать о своей смешанной крови? Кира была не больше рада этой реальности, чем он.

Персы избегали ее; англичане глазели на нее и перешептывались. Всю жизнь ей не хватало общества людей, пусть и немногих, которые принимали бы ее просто как человека.

Очевидно, что Кропторн не из их числа.

— Да, — сказала она, опуская чашку. — Но я почти не выезжала из деревни и никогда не встречалась с ним.

Кропторн задумчиво кивнул, как будто осмысливая ее слова. Вероятно, ему также известно, что несколько лет назад ее отец был изгнан из семьи, но если он предпочел изображать вежливое неведение, она поддержит его игру.

Темные глаза герцога блуждали по лицу Киры, как будто выискивая все новые доказательства ее персидской крови.

— Жаль. Я считаю его в высшей степени достойным джентльменом.

Конечно, герцог не может не восхищаться человеком, который судит о женщине по ее происхождению, подумала Кира. Он и сам сейчас делает именно это. Но неужели он действительно думает, что она невосприимчива к взглядам, любопытным и распутным одновременно? Кира знала, что люди перешептываются, когда она входит в комнату, и в глубине души не могла побороть смущение. Ей отчаянно хотелось, чтобы на нее смотрели, как на любую другую женщину и добропорядочную прихожанку. Увы, из-за одной только внешности она всегда будет не такой, как все. Четыре года детства, проведенные в Персии, оставили слишком глубокий след в ее душе. Как ни старалась Кира забыть те бурные времена, огненное солнце, пылающее над Каспийским морем, и растущие повсюду дикие тюльпаны, они все время жгли ее разум. Она вспоминала, как бегала за пищухами — зверьками с маленькими пушистыми хвостами, как искала крошечных крабов, живущих в холодных заводях. Англия была подлинным садом зеленой красоты, но воспоминание о суровом великолепии Загросских гор, возвышающихся над распростертой внизу бескрайней пустыней, никогда не покидало ее. Кира по-прежнему любила свою мать, и отрицание персидской крови было бы равносильно отказу от нее.

Выйти замуж за Джеймса и стать частью его маленького деревенского прихода, как понимала Кира, — это теперь единственная возможность для нее зажить нормальной жизнью. Если даже ей придется сразиться с Кропторном, чтобы добиться своего, она готова.

— Но признаюсь, больше всего я хочу после свадьбы зажить тихой жизнью в Танбридж-Уэллсе с мистером Хаулендом. Я не предполагаю поездку в Лондон в обозримом будущем. — Кира невольно вздохнула.

Брак и маленький деревенский приход, которым будет руководить Джеймс, дети и тихая сельская жизнь — это все, что ей нужно. Надежное противоядие от скандала. Бальзам, который поможет ей, в конце концов, найти свое место в обществе.

— Семья очень важна — ее с полным правом можно назвать краеугольным камнем нашего общества. Чего бы я не сделал, лишь бы увидеть своих родных счастливыми и благополучными.

В тоне герцога Кира уловила предупреждение. А вдруг он попытается расстроить ее свадьбу? Нет, он не посмеет!

Слова возмущения рвались с ее языка, но она сдержала их.

— Можете быть уверены, я всегда буду ставить комфорт и благополучие вашего кузена выше всего остального.

Герцог молчал, делая вид, что стряхивает пылинку с рукава своего бутылочно-зеленого сюртука. Когда он снова посмотрел на нее, Кира увидела плохо скрываемое раздражение в суровом взгляде его темно-карих глаз.

— Ваши намерения достойны восхищения, — произнес он, хотя явно не находил в ее словах ничего восхитительного. — Но при этом вы не должны совершенно отвернуться от своего дяди.

Очевидно, Гевин хотел, чтобы она возразила, испытала неловкость от его совета; но Кира не собиралась доставить его светлости такое удовольствие. Вместо этого она улыбнулась своей самой ослепительной улыбкой.

— Знаете, я обдумываю ваши мудрые слова. Очень мило с вашей стороны интересоваться моими родственниками. Ну а у вас есть две сестры, не так ли?

Как она и ожидала, лицо герцога стало непроницаемым, как будто ставни закрыли наглухо перед надвигающейся бурей.

— Да.

— Когда мы познакомимся? Скоро они станут частью моей новой семьи, и я жду не дождусь встречи с ними, — подавляя улыбку, произнесла Кира.

Удивление на его лице было так забавно! Очевидно, герцог не ожидал, что над ним возьмет верх падшая простолюдинка.

Лицо Гевина снова стало бесстрастным.

— В настоящее время мои сестры в Лондоне готовятся к предстоящему сезону и не скоро вернутся в деревню. Желаю вам удачного дня.

С этими словами герцог удалился. Кире хотелось одновременно плакать и смеяться. Она была рада, что одержала верх над этим самодовольным типом, но боялась, что их битва еще не закончена. Он не одобрял ее, и она подозревала, что смешанная кровь еще доставит ей немало хлопот.

Все же Кира надеялась, что дела надолго задержат герцога в Лондоне, и они с Джеймсом успеют тихо обвенчаться. Тогда Кропторн может хоть повеситься на своем самомнении, ей уже будет все равно.

Глава 2

В лондонских джентльменских клубах к раннему утру сплетни, как правило, становились все развязнее — после многих партий в карты и бесчисленных напитков, и все же, глядя через стол на лорда Венса, Гевин надеялся, что сегодня все будет как обычно.

— Ваша светлость, — окликнул его один из джентльменов за столом.

Гевин взглянул на свои карты, как раз когда пробило три часа. Никаких надежд на выигрыш, но теперь это вряд ли имело значение. Он мог себе позволить проиграть ради того, чтобы получить нужные сведения о мисс Мельбурн.

Улыбаясь, он бросил на кон несколько банкнот.

— Господа?

Сидящий слева от него щеголь присвистнул.

— Леди Удача явно сидит сегодня на ваших коленях, не на моих, — сказал он, бросая карты на стол и вставая. — Доброй ночи.

— Я тоже пас. — Молоденький денди, случайный знакомый, вежливо кивнул Гевину.

Вот и хорошо, пусть эти двое уходят. Остались только он, лорд Венс и еще сын барона, чье имя он забыл. Если повезет, через полчаса он и вовсе останется с Венсом наедине и тогда сможет задать несколько прямых вопросов о мисс Мельбурн и об их... отношениях.

Весь день невеста Джеймса скользила где-то на окраине его сознания, словно улыбающаяся сирена со страстными глазами, — предмет, о котором он не имел права думать и все же никак не мог забыть о ее красоте.

Она была умна; их словесный поединок в утро его отъезда из Норфилда доказал, что эта женщина обладает больше чем просто хорошеньким личиком. Кира удивила его своей силой духа и умом, и она превзошла его.

С того момента, как он увидел ее четыре дня назад, его вожделение ни на мгновение не притупилось, а ее живой ум сделал ситуацию еще более интригующей.

Гевин глотнул бренди. Желать невесту кузена было глупо и в то же время опасно. По похождениям отца он слишком хорошо знал, что когда мужчина дает волю таким склонностям, он забывает о всякой осмотрительности.

— Лорд Венс, — произнес сын барона, поднимая бокал. — Я слышал очень пикантную сплетню о вас и некой мисс Мельбурн. Неужели это правда? Прошу вас, расскажите мне все. Она действительно так распутна, как говорят?

Гевин едва не выругался. Вот тебе и осмотрительность! Хотя он и хотел узнать о женщине и связанном с ней скандале, новые сплетни ему уж точно ни к чему, особенно если станет известно о помолвке с ней Джеймса или, того хуже, если кузен действительно женится на ней. Все это потом непременно отразится на их семье.

— Лорд Венс, разве мы здесь не за тем, чтобы играть в карты? Что у вас на руках? — попытался Гевин переменить тему.

— Я — пас. — Венс бросил карты на стол, и на его лице появилась похотливая улыбка. — Мисс Мельбурн так распутна, как говорят, и даже больше. Она — настоящая богиня секса.

— Сэр, а какие у вас карты? — спросил Гевин молодого человека.

Сын барона даже не взглянул в его сторону.

— Вы выиграли, ваша светлость.

Великолепно. Он сорвал банк, хотя на руках у него были такие карты, которыми в обычной ситуации он даже играть бы не стал. Такое отсутствие интереса к деньгам и картам не сулило ничего хорошего его попыткам уйти от темы.

И что же ему теперь делать? Он молча сгреб деньги.

Юный сын барона наклонился над столом:

— Я слышал, мисс Мельбурн чрезвычайно привлекательна.

— О, несомненно, — заверил Венс.

— Надеюсь, она была... сговорчива?

— Сговорчива? — Венс насмешливо вскинул бровь. — Она была ненасытна. Я рухнул в изнеможении после того, как всю ночь ублажал ее в постели, и когда на рассвете проснулся, все еще был глубоко внутри ее. Она овладевала мной снова и снова, так что мы даже пропустили завтрак. И это был всего лишь первый день нашего знакомства.

Гевин поморщился. Хотя у него не было причин сомневаться в словах Венса, слышать такие откровения оказалось куда как неприятно. Хуже того, слова Венса создали в его мозгу картину, мгновенно воспламенившую его. Он сделал резкий вдох, заставляя свои мысли оторваться от мисс Мельбурн.

— Та же игра, джентльмены? — спросил Гевин, молясь, чтобы они согласились и сменили тему, но оба партнера дружно проигнорировали его.

— Похоже, вам крупно повезло, — благоговейно произнес сын барона. — Так вы снова взяли ее?

Венс улыбнулся еще шире, открывая белые зубы, как человек, привыкший владеть своим очарованием.

— И не раз. Я еще никогда не был так изнурен после двух дней в постели!

Лицо сына барона горело от возбуждения. Ему было не больше двадцати, и он выглядел так, будто собирался испытать оргазм от одних только намеков Венса.

— Я хочу услышать о ней все! — выдохнул он.

Честно говоря, Гевин тоже все хотел услышать. Хотя он с первого момента знакомства подозревал в мисс Мельбурн сладострастную натуру, ему хотелось окончательно убедиться, насколько неподходящей она является для Джеймса.

Венс застонал:

— О, у нее совершенно невероятная грудь, очень отзывчивая к мужскому прикосновению. Мне достаточно было только провести по ней пальцем, и я сразу видел, как она набухает и поднимается. Ну а ее тонкую талию особо подчеркивает совершенная линия бедер. Что касается ног... — Он вздохнул, с наслаждением вспоминая. — Ноги достаточно длинные, чтобы обхватить мужчину, и к тому же она их с готовностью раздвигала по первому моему желанию.

— Ну-ну, и что еще? — торопил его молодой человек, исходя слюной.

— У нее на бедре есть маленькое и очень экзотическое родимое пятно. — Венс на себе показал, где именно. — По форме почти как сердцу. Оно заставляет опускать взгляд ниже, туда, куда мужчина хочет погрузиться — в ее тесный “футляр”.

Оба молодых человека расхохотались, а Гевин стиснул зубы. Ему хотелось, чтобы Венс был менее красноречив — и для пользы Киры, и для его собственной. Против воли Гевин представил ее обнаженной и почувствовал ответ своего тела.

— Но лучше всего, — прошептал лорд Венс, наклоняясь вперед, — когда ставишь ее на колени. У нее такой талантливый рот...

— Мы играем в карты или нет? — прервал его Гевин, и в его голосе зазвучал металл. Он услышал достаточно — и даже больше.

Партнеры повернулись к нему с одинаково ошеломленными лицами, а у Венса даже хватило приличия немного смутиться.

— Конечно. Но нельзя винить мужчину за желание вспомнить о таком наслаждении, не так ли?

Гевин перетасовал карты и начал сдавать.

— Вам бы следовало подумать о женитьбе на женщине, которую вы находите такой привлекательной, особенно если прежде она была невинна.

Лорд Вене отпрянул.

— Жениться на полукровке, шлюхе? Она красива и хороша в постели, но на самом деле... Полагаю, мисс Мельбурн не более невинна, чем любой из здесь присутствующих.

Гевин смотрел на молодого повесу, которого, казалось, раздирали противоречия. С одной стороны, Венс, похоже, сказал правду о Кире Мельбурн; вероятно, она раздвигала ноги для него и для других до него. И хотя информация беспокоила его, эта особа скорее всего заслужила свою презренную репутацию. Но он считал, что никакая женщина не заслуживает сплетен о себе, особенно произнесенных с таким откровенным неуважением. К сожалению, Вене ничуть не заботился о том, как плохо люди подумают о мисс Мельбурн после его слов.

Несмотря на отвращение, Гевин знал, что должен каким-то образом получить подтверждение похотливым заявлениям Венса и побыстрее представить доказательства Джеймсу, чтобы мальчик мог действовать соответственно реальности. Иначе скандал снова поглотит его семью и, что не менее печально, Гевин будет продолжать страдать от желания, а эта женщина останется для него недостижимой.

— Вы, похоже, не в духе?

Не зная, как ответить, Гевин повернулся к Корделии Дарроу, вдовствующей графине Литчфилд.

После секундного раздумья он решил не откровенничать и тепло улыбнулся ей.

— Я просто устал.

Они с Корделией прошли по элегантному бальному залу, украшенному драпировками из золотой парчи. Белые лепные арки изобиловали танцующими херувимами, аромат цветов, смешиваясь с духами дам, наполнял воздух. Здесь собрался весь цвет Лондона, и дамы щеголяли в платьях всех мыслимых цветов.

Гевин чувствовал, что все взгляды устремлены на них с Корделией. По-видимому, забывшись, она взяла его под руку и бросила задорный взгляд в его сторону.

Высокая, со светлыми волосами, убранными в элегантную прическу, в изящном синем с кружевами платье, Корделия выглядела почти величественно — впрочем, она всегда выглядела так. Это была одна из многих причин, почему Гевин восхищался ею. Богатая вдова двадцати четырех лет, Корделия являлась самой популярной в свете хозяйкой салона и желанной целью неженатых мужчин.

Он и Корделия когда-нибудь поженятся. Все предполагали это, даже сам Гевин. Хотя ему не нравилась ее склонность к сплетням, во всем остальном Корделия была просто идеальна для него — из хорошей семьи, очаровательна, умна, она умело играла роль друга, хотя он никогда раньше не смотрел на женщин с этой точки зрения. Она отлично понимала,

что брак — это деловое предприятие. Занятый заботами о будущем сестер и партнерством в строительстве железной дороги, Гевин просто не мог найти время, чтобы должным образом сделать предложение, но он все равно его сделает.

— Кажется, вы устали, а? — В глазах Корделии плясало озорство. — Что ж, игра почти до рассвета в карты с лордом Венсом утомит кого угодно.

Гевин повернулся к ней с сардонической улыбкой. Конечно, он ожидал, что Корделия в конце концов узнает об этом случае, но не думал, что на это потребуется чуть больше восемнадцати часов.

— Не смущайтесь, дорогой, у меня есть свои способы узнавать о таких вещах. Как я поняла, Венс сообщил вам — и всем, кто хотел слушать — кучу сплетен о скандально известной мисс Мельбурн.

Гевин почувствовал, что ему следует быть осторожнее. Никто вне семьи еще не знал о неподходящей — и, надо надеяться, крайне временной — помолвке Джеймса. Он боялся, что если о ней узнает Корделия, к утру весь Лондон будет гудеть от этой новости. Нужно оттянуть это весьма неприятное событие, пока он не решит, как справиться с имеющей дурную репутацию красоткой.

— Да, я слышал чуть больше, чем хотел.

И более чем достаточно, чтобы прошлую ночь провести без сна из-за видений обнаженной Киры Мельбурн с набухшими сосками, пылающими от возбуждения щеками, раскинувшей ноги, извивающейся в его постели.

— Но вы ведь хотели услышать эти сплетни? — Она оценивающе посмотрела на него. — Все выглядит так, будто вы искали лорда Венса ради разговора с ним. Зачем еще вы вдруг зачастили в его клуб, который ненамного лучше обычной пивной?

Гевину следовало заранее подготовиться к такому вопросу, но у него на этот раз не нашлось правдоподобного ответа.

— То был просто мой каприз. — Он пожал плечами. Корделия с сомнением посмотрела на него, потом отвернулась и с полуулыбкой стала наблюдать за толпой.

— Вы никогда не потакали капризам. Поскольку в данный момент у вас нет любовницы, должна ли я предположить, что вы изголодались по разным мрачным историям?

Гевин едва сдержал вздох. Корделия могла быть ужасно прямолинейной — и очень бесстыдной. Когда никто не мог услышать, она с удовольствием подшучивала над его благопристойным поведением. К счастью, к ним приближались его кузина леди Мэдлин и ее муж, мистер Брок Тейлор, партнер Гевина по строительству железной дороги, они-то и спасли его от ответа на скандальный вопрос Корделии.

— Кузен Гевин, здравствуйте. — Мэдлин улыбнулась, и ее золотисто-каштановые волосы заблестели в свете свечей. Затем она повернулась к Корделии: — Леди Литчфилд, рада видеть вас.

— Леди Мэдлин! — Корделия бросила равнодушный взгляд на Брока. Гевин наблюдал, как она рассматривает бывшего слугу, ставшего богатым предпринимателем. Хотя она признавалась, что Брок ей нравится, Гевин знал, что Корделия наслаждается своей социальной властью. Облаченный в превосходно сшитый смокинг, Брок ждал с понимающей улыбкой. Корделия поздоровается с ним — теперь она всегда это делала, — но только когда сама того пожелает.

— Мистер Тейлор! — Корделия протянула руку в перчатке. Брок взял ее пальцы и

склонился над ними — само воплощение вежливости. — Как поживают мои инвестиции?

— Великолепно, миледи. — Брок повернулся к Гевину, явно готовый говорить о делах. — У меня хорошие новости для всех инвесторов, которых мы пригласили сюда сегодня. Мы готовы открыться тридцатого мая, почти на семь недель раньше намеченного, не говоря уже о восьми тысячах фунтов ниже бюджета. Считайте это собрание официальным празднованием!

Гевин знал, что Брок великолепен в бизнесе, но это превзошло даже его ожидания.

— Неужели все готово?

— Осталось только несколько финальных штрихов. Мы с Мэдди посетим отели вдоль дороги, чтобы убедиться, что все они соответствуют стандарту. — Он повернулся к Корделии: — Естественно, мы бы хотели получить и ваше одобрение, мадам.

Наверняка Брок хотел настолько поразить Корделию, чтобы она рассказала об этом в свете, и Гевин невольно улыбнулся столь умной тактике партнера.

В душе Корделия, несомненно, была довольна, но в ответ просто грациозно склонила голову.

— Как инвестор я с удовольствием сделаю это.

— Мой поверенный пришлет вам описание всех деталей проекта. — Брок обернулся к Гевину. — Надеюсь, дамы нас извинят. Нам нужно еще немного поговорить о делах.

— Развлекайтесь, а мы скоро к вам присоединимся, — добавил Гевин, предполагая, что Брок в своей обычной манере хочет поговорить об их совместном предприятии, его любимом детище.

Корделия с вызовом взглянула на Гевина.

— Возможно, в ваше отсутствие я буду танцевать с лордом Тотом.

Лорд Тот преследовал Корделию с того самого дня, как она официально сняла траур по мужу два года назад. Титулованный и весьма приятный, хотя и не слишком богатый, Тот не делал секрета из того, что хочет жениться на Корделии, и Гевин знал, что ей нравится дразнить его этим. Наверное, это должно бы его беспокоить, но...

— В случае если ему удастся убедить вас убежать с ним сегодня в Гретну, заранее примите мои поздравления, — поддразнил он.

Губы Корделии сжались в тонкую линию, но Гевин видел, что она прячет улыбку.

— Вы не слишком-то галантны.

— И все же я вам нравлюсь. Неужели ваша терпимость не знает границ?

— Боюсь, я как раз достигла их. — Корделия рассмеялась его шутке. — Ладно уж, идите. Скоро увидимся.

Гевин с удовольствием смотрел на удаляющихся дам. Когда знакомый Корделии, лорд Дархерст, встал прямо у них на пути, так что ей было бы затруднительно сделать вид, что она не заметила его, Корделия остановилась на значительном расстоянии и подняла глаза, чтобы ответить на настойчивый взгляд молодого графа. Коротко кивнув, она уже хотела идти дальше, но Дархерст бесцеремонно поднес ее руку к своим губам.

Корделия отдернула руку, и Гевин нахмурился. Что она имеет против этого человека? И почему всегда избегает его?

Брок легонько тронул Гевина за плечо, и герцог, обернувшись, увидел выжидательное выражение на лице друга. Он смущенно пожал плечами:

— Извини, ты, кажется, хотел поговорить со мной? Что-то насчет железной дороги?

Брок покачал головой:

— Нет, тут все в порядке. А вот ты выглядишь так, будто с тобой что-то неладно. Может, что-то с Джеймсом или твоей тетей? А может, с сестрами?

Бросив внимательный взгляд на Брока, Гевин задумался. За время планирования и строительства железной дороги он научился доверять Броку больше, чем любому другому человеку, несмотря на не слишком гладкое начало их знакомства.

— Они все в добром здравии. — Это по крайней мере было правдой.

— Значит, дело в женщине.

Гевин вскинул глаза:

— Почему ты говоришь мне это?

— Каждый мужчина, когда-либо имевший затруднения с женщиной, знает выражение, которое сейчас застыло на твоём лице. Попроси леди Литчфилд выйти за тебя замуж. По моему, она только этого и ждет. На прошлой неделе она отклонила три предложения, включая поступившее от лорда Тота. Что до Дархерста, он выглядит так, словно готов проглотить ее целиком.

Взглянув через плечо, Гевин увидел, что граф все еще преследует Корделию, сияя соблазнительной улыбкой, которая была известна во всех бальных залах и почти во всех спальнях. Хотя это удивило Гевина, он ничуть не встревожился. Корделия нравилась всем и везде, где бы ни появлялась. Конечно, другие мужчины могли иметь на нее виды, особенно охотники за приданым вроде Тота и ловеласы вроде Дархерста.

— Корделия равнодушна к Тоту, а Дархерст ясно дал понять, что больше никогда не женится. Они не представляют для меня никакой угрозы. Вероятнее всего, я сделаю ей предложение после того, как будет пущена железная дорога, и она ясно дала мне понять, что примет его.

Брок взял бокал шампанского с подноса, и Гевин последовал его примеру.

— Итак... вовсе не леди Литчфилд занимает твой ум.

Гевин помедлил. Если хочешь получить ответы, неминуемо придется отвечать на вопросы. К тому же Брок был осмотрителен во всем: до женитьбы он несколько лет делил с Мэдди постель, и об этом не появилось ни единого шепотка. Этот человек умел хранить секреты.

— Полагаю, ты слышал о скандально известной мисс Мельбурн...

— А кто не слышал? — Брок сопровождал свой вопрос ироничной улыбкой.

— К сожалению, ты прав, — хмыкнул Гевин.

— Так ты встречал ее?

— А ты?

— Да, но несколько месяцев назад. Еще до скандала.

Гевин прищурился.

— И каково твое мнение?

— Нас не представили... но ее было трудно не заметить. Ты знаешь, что я люблю твою кухню больше, чем любой здравомыслящий человек любит свою жену, но признаюсь, мисс Мельбурн была сногшибательна. Впрочем, раз ты сам встречался с ней в Лондоне...

Если бы все было так просто.

— Она гостит в Норфилд-Парке. Я покинул ее общество всего пять дней назад.

— О, ты взял ее в любовницы? — На лице Брока было написано удивление.

— Дело гораздо хуже, друг мой. Кузен Джеймс хочет жениться на ней.

Хотя они говорили тихо, Гевин оглянулся, чтобы увериться, что никто их не

подслушивает. Слава Богу, оркестр сегодня играл громко, и скрипки старательно выводили свой напев.

Казалось, Брок вот-вот задохнется.

— Жениться на ней? Но скандал...

— Вот именно. Я почти не сомневаюсь: все, что лорд Венс говорит о ней, правда...

— Возможно. — Брок пожал плечами. — Но возможно, нет.

Что-то вроде надежды вспыхнуло в душе Гевина. Хотел ли он, чтобы Кира Мельбурн оказалась невинной? И если да, то почему? Разумеется, ее целомудрие — или отсутствие его — не имело для него никакого значения. Значит, он хотел этого только ради Джеймса — никакого другого разумного объяснения не существовало.

— Она исчезала с Венсом на два дня. После такого вопиющего происшествия как ты думаешь, кому поверит общество — ей или ему?

— Я не могу объяснить ее... необычное отсутствие, но у меня есть кое-какие сведения о лорде Венсе, и они вызывают любопытство. — Брок еще больше понизил голос. — Ты знаешь, что три года назад он был почти без гроша? Да-да, — заверил Брок, увидев, как вытянулось лицо Гевина. — И вдруг теперь у него более чем достаточно средств. Я несколько месяцев пытался узнать, какие вложения он сделал, что вознесло его от разорения к богатству, но не смог найти ничего — ни здесь, ни на континенте.

Вот это было действительно странно. Брок знал все о любых инвестициях. Он знал, как каждая новая богатая фамилия сделала свои деньги и как в свете восстанавливаются состояния. Брок вменил себе в обязанность все это знать. Но действительно ли отсутствие у него информации о Венсе могло иметь нечто общее с мисс Мельбурн?

Гевин глотнул шампанского и хмуро посмотрел на Брока.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У меня все еще сохранились контакты в определенных кругах: через них я узнал, что его деньги происходят из предосудительных источников. Если предположения верны, возможно, он совсем не заслуживает доверия. Не исключено, что мисс Мельбурн поверила ему и убежала с ним, не зная его характера.

Герцог закусил губу. Если теория Брока правильна, лорда Венса можно с уверенностью считать худшим из подлецов. И все же, если распутник обманом заставил мисс Мельбурн поверить, что собирается жениться на ней, разве не будет эта история весьма любопытной для любого, кто готов слушать?

Он вздохнул:

— Даже если ты прав, это вряд ли поможет восстановить ее репутацию.

— Тогда подумай вот о чем: один из приятелей Венса по визитам в трущобы намекнул, что он... обычно не интересуется представительницами пола, к которому принадлежит мисс Мельбурн.

Теперь Гевин действительно был потрясен. Венс говорил так, будто в самом деле наслаждался сладострастными забавами в постели с мисс Мельбурн.

— Так он содомит? Если это правда, зачем ему было бежать с мисс Мельбурн — женщиной, у которой нет ни денег, ни связей? Если он польстился на ее женские чары...

— То зачем ему нужна вся эта история? — Брок пронзительно посмотрел на него. — Вот это действительно хороший вопрос.

Еще в детстве Гевин обнаружил в Норфилд-Парке пыльные тайные коридоры, ведущие из спальни хозяина во все другие спальни дома. Коридоры, вероятнее всего, построил кто-то

из предков, которым, как и отцом Гевина, управляло вожделение.

Много лет назад отец поймал его в этом коридоре или, правильнее сказать, юный Гевин наткнулся на отца, подглядывающего за одной молоденькой гостьей.

Больше он никогда не осмеливался войти в этот коридор, потому что не хотел стать таким, как отец. Он не искал наслаждения в любом попадающемся на пути отверстии, и у него сейчас даже не было любовницы, на что так прямолинейно указала Корделия.

И все же Гевин не мог отрицать, что хотел увидеть Киру Мельбурн обнаженной. По пути в Норфилд он постоянно представлял ее себе сидящей на нем верхом, а когда попытался соединить страстные видения вместе, то вспомнил слова Венса о том, что у Киры есть родимое пятно. В то же мгновение он понял, что у него есть средство доказать или опровергнуть заявления мерзавца. Сейчас Кира уже наверняка проснулась и одевается, так что он сможет узнать правду.

Бледные утренние лучи осветили южную сторону усадьбы, когда Гевин со свечой в руке отодвинул гобелен, скрывающий дверь в тайный коридор, и, сделав глубокий вдох, поднял щеколду.

В тоннеле было темно и пахло плесенью. Стены сомкнулись над ним, перейдя в низкий потолок и заставив его наклоняться, когда он шел по узкому проходу. Подняв свечу, Гевин старался разглядеть пометки у каждой спальни, сделанные рукой его отца. Хорошо, что дорогой папочка так основательно подготовился, следуя своим порочным наклонностям.

Наконец он дошел до Розовой комнаты, в которой жила Кира Мельбурн и где она сейчас наверняка совершала утренний туалет.

Соблазнительница Кира или нет?

Хотя правда не имела значения, когда дело касалось света, он искал ответов ради Джеймса. Если женщина так распутна, как заявлял лорд Вене, он без всяких сомнений устранил Киру из жизни своего кузена. Она была само воплощение скандала, отщепенка и, уж конечно, неровня семье Даггетов.

Однако отчего-то Гевину вовсе не хотелось найти родимое пятно в форме сердца на ее левом бедре, которое лорд Вене так похотливо описывал. Прикрывая мерцающее пламя свечи влажной ладонью, он наклонился к стене Розовой комнаты и осторожно отодвинул дощечку за портретом какой-то давно умершей дамы из рода Даггетов, которая наверняка перевернулась бы в гробу, если бы увидела его сейчас. Не обращая внимания на отчаянно колотящееся сердце, герцог заглянул в два маленьких отверстия для глаз.

Кира Мельбурн в ночной рубашке стояла перед зеркалом, купаясь в нежных золотых лучах, льющих в комнату сквозь прозрачные занавески. Высоким чистым голосом она напевала какой-то знакомый мотив, который Гевин никак не мог определить. Ее лицо выглядело нежным после сна, блестящие черные волосы она заплела в простую косу, спускающуюся по спине. Кончик толстой косы касался изящного изгиба наверху ее ягодиц. Гевину захотелось прикоснуться к ней там, где ее плоть была такой округлой...

Через мгновение Кира плеснула в таз воды из кувшина, стоящего перед зеркалом на туалетном столике, и потянулась к пуговицам на вороте рубашки. Все еще напевая, она медленно расстегивала пуговицы одну за другой, открывая нежные ключицы, верх округлых грудей, соблазнительную ложбинку между ними.

С каждым новым дюймом ее тела Гевину становилось все труднее сделать следующий вдох. Вожделение внутри его нарастало, сердце билось чаще. Он напомнил себе, что находится здесь только затем, чтобы узнать правду — ради Джеймса, и стал повторять это

снова и снова, как молитву.

Нагнувшись, Кира взялась за подол рубашки. Одним свободным движением она сбросила ее, открыв матовую поверхность своего тела.

У Гевина перехватило дыхание. Жар вожделения пробежал по его ногам и вспыхнул пламенем в паху. Он покрылся потом. Нестерпимое желание дотронуться до нее, исследовать каждый ее изгиб овладело им.

Он хотел, чтобы она открылась ему и была готова принять его глубоко внутрь себя.

К черту манеры! Почувствовав, что во рту пересохло, Гевин сглотнул. Когда он в последний раз чувствовал такое неистовое желание? Теперь уже и не вспомнить. Время от времени у него были любовницы, которых он находил довольно приятными, но ему никогда не встречались женщины, которые делали бы его страстным и безрассудным, каким когда-то был его отец, и даже если бы какая-то женщина произвела на него такое впечатление, как Кира, он бы держался от нее подальше.

Теперь у него не было такого шанса. Неприкосновенность имени семьи зависела оттого, сможет ли он дискредитировать Киру.

Рассеянным движением запястья Кира бросила тонкую ночную рубашку на пол, и Гевин испустил дрожащий вздох. Воздух показался ему чертовски горячим. Наблюдательный пункт, который его извращенный отец устроил двадцать лет назад, позволял ему видеть Киру в профиль, с правой стороны, но он не мог видеть ее левое бедро. Вместо этого в солнечных лучах, льющих из окна, он прекрасно видел ее тугую грудь с затвердевшими от утреннего холодка сосками и легкие тени, ложившиеся на ее гибкий торс.

Гевин чуть не застонал вслух, когда его взгляд спустился к плоскому животу девушки, гибким бедрам и нежным округлостям ягодиц, которые покрывала кожа экзотического цвета свежесваренного чая с молоком.

Внезапно Кира потянулась, словно довольная кошка, и тело Гевина напряглось еще сильнее. Как, ради всего святого, он сможет теперь смотреть на нее в обществе? Гевин вдруг представил себя на свадьбе Джеймса и Киры готовым и жаждущим сделать гораздо больше, чем просто поцеловать невесту...

Что, черт возьми, случилось с ним? Он был уже на расстоянии многих лет от безудержных видений юности и научился контролировать себя, а обнаженных женщин видел с тех пор не одну дюжину. Почему же Кира Мельбурн так действовала на него?

Гевин закрыл глаза и снова сделал глубокий вдох, но в своем воображении все еще видел Киру восхитительно обнаженной, разглядывающей собственное отражение в зеркале. Стараясь овладеть собой, он сосчитал до десяти, потом до двадцати и, наконец, выругался.

— Вот дьявол, это же просто смешно, — негромко прошептал он, — всего лишь женщина, а я... — Подглядывающий Том? Вуайерист? Нет, человек, готовый пойти на все, чтобы спасти свою семью от скандала и позора.

Твердо держа в голове свою цель, Гевин снова открыл глаза. Он не станет смотреть на ее грудь... и не будет думать, какими эти спелые плоды окажутся на вкус, когда он прикоснется к ним губами, если она, приглашая, проведет ими по его лицу. "Смотри ниже", — приказал он себе. Удивительно, но его глаза подчинились, на этот раз они остановились на соединении стройных бедер и аккуратном треугольнике темных волос, покрывающих лобок. Он представил, как Кира откроется для него, приглашая войти в нее, дразня его своей влажной вульвой... и в тоннеле вдруг стало жарче, чем в аду.

Через несколько мгновений Гевин заставил свой взгляд опуститься еще ниже, к самым

ее стопам. Прекрасно. В стопах нет ничего сексуального, если не считать того, что они узкие и изящные, соединены со стройными лодыжками и очаровательно округлыми икрами, и о, эти ее полные бедра, ведущие к ее...

Нет. Он здесь ради Джеймса, чтобы узнать правду. Если бы Кира хоть чуть-чуть повернулась, Гевин смог бы в зеркале увидеть ее левый бок. Как только он увидит родимое пятно, описанное Венсом — или отсутствие его, — то сможет опустить на место пластинку и вернуться в свою комнату. Все очень просто.

К несчастью, определенная часть его тела никак не хотела согласиться с ним.

С отвращением встряхнув головой, Гевин пожелал, чтобы Кира как можно скорее повернулась и он смог прекратить эту пытку.

Увы, она не сделала ничего подобного. Взяв лоскут ткани, она намочила его в тазу и стала умывать лицо, а затем перешла к плечам, рукам, пальцам, протирая их неторопливыми движениями, так что Гевин невольно позавидовал этому лоскутку.

Прежде чем он успел отвернуться, Кира взяла в ладонь одну грудь, приподняла ее и поднесла к ней влажную ткань. Она мыла грудь очень тщательно, каждое ее движение было таким чувственным... Гевин готов был поклясться, что очень немногие дамы из света когда-либо смотрелись в зеркало, будучи совершенно обнаженными, и все же Кира, похоже, чувствовала себя в высшей степени уютно в своей наготе.

Она оставила одну грудь и проделала то же самое с другой, еще раз набрав свежей воды из таза. Слово околдованный, Гевин смотрел, как напрягаются и темнеют ее соски от прохладного утреннего воздуха. О нет, его сердце больше не выдержит...

“Да повернись же, черт возьми!”

Но мисс Мельбурн оставалась непреклонной: медленными круговыми движениями она водила влажной материей по животу, а потом опустила ниже и раздвинула ноги. Гевин закрыл глаза и застонал. Такая пытка уж точно выходила за все пределы семейного долга.

И все же он должен дать ответ тетушке Кэролайн, заменившей ему мать, от которой в его памяти остался только сиреневый запах кожи и солнечная улыбка. Он также должен дать ответ Джеймсу. Тетя и кузен — это его семья, почти все, что у него осталось; как он может не узнать правду? Гевин представил себя пытающимся объяснить, что его победил его же возбужденный член...

Из комнаты донесся плеск воды, а затем босые шаги Киры по мягкому ковру. Теперь девушка стояла к нему спиной, и герцог мог любоваться совершенным изгибом ее бедер, сужающихся к привлекательно тонкой талии, узкой безупречной спиной и элегантными плечами.

Кира взяла что-то слева от себя в ящике комода красного дерева, стоящего у стены, выкрашенной в нежный розовый цвет, а когда встряхнула, предмет оказался чистой сорочкой. Набросив ее на голову, Кира медленно повернулась, потом просунула руки в рукава. Она слегка покачнулась, и Гевин увидел, как рубашка медленно покрывает прекрасный профиль ее груди и скользит по животу.

Прежде чем рубашка окончательно опустилась, Кира повернулась в его сторону, достаточно для того, чтобы он увидел красноватое родимое пятно слева. Пятно было в форме сердца — точно такое, как описывал лорд Венс.

Гевин выругался про себя. Разочарование и вожделение одновременно струились по его венам, когда он поставил на место пластинку и, стиснув зубы, прислонился к стене темного тоннеля.

Итак, информация Брока неверна. Венс не был содомитом — по крайней мере не совсем. Возможно, ему просто все равно, с представителем какого пола развлекаться. Так однажды в его постели оказалась Кира Мельбурн — иначе каким образом он мог узнать о ее уникальном родимом пятне?

Пока Гевин шел в свою комнату, горячий воск свечи капал ему на пальцы. Что он скажет тете Кэролайн? И что ему сказать Джеймсу?

И почему какая-то часть его несчастлива из-за того, что Кира Мельбурн все-таки оказалась женщиной легкого поведения?

— Гевин, наконец-то ты вернулся! — приветствовал его Джеймс из утренней гостиной. — Но в чем дело — твое лицо похоже на грозовую тучу...

На самом деле Гевин чувствовал себя больше похожим на торнадо — туго закрученным и готовым к битве или сексу. Последнее было предпочтительнее, но он знал, что сегодня выбирать не придется. Вернувшись из Лондона всего три часа назад, он уже видел в высшей степени соблазнительную обнаженную женщину, а теперь ему предстоял спор из-за этого с кузеном.

— Джеймс, в Лондоне я слышал очень тревожные слухи о твоей невесте. Ты действительно хочешь жениться на этой женщине?

Лицо Джеймса побледнело.

— Заклинаю тебя не верить всему, что ты слышишь о мисс Мельбурн. Эти сплетни — откровенная ложь.

Гевин сжал зубы. Умоляющее выражение, на лице Джеймса еще больше затрудняло его миссию — заставить кузена отказаться от Киры Мельбурн. Как может Джеймс не понимать, что его женитьба на Кире равносильна социальному самоубийству всей семьи? Что, если новая паства в Кенте узнает о скандале и будет избегать их обоих, а она однажды предаст его и причинит ему боль?

— Лорд Венс говорит, что имел половые сношения с твоей невестой. Разумеется, ты понимаешь...

— Он лжет, я уверен в этом! Понятия не имею, зачем ему выдумывать такие оскорбительные вещи. Кира говорит, что он попросил ее сбежать с ним, а поскольку она любила его и считала джентльменом, то согласилась. Ей пришлось очень болезненным способом узнать, что Венс не человек чести. — Джеймс поморщился. — Возможно, эта история выглядит надуманной, но я в нее верю и знаю, что она невинна.

Гевин нетерпеливо дернул плечом.

— Венс знает детали. Например, он заявляет, что у мисс Мельбурн есть характерное родимое пятно на ее... теле, и теперь мне стало известно из очень надежного источника, что это правда. Есть только один способ, каким он мог узнать об этом.

По выражению лица Джеймса Гевин понял, что его разоблачение ничуть не обескуражило кузена.

— Мне остается только предположить, что ты получил такую информацию от ее горничной. Если это сделал ты, лорд Венс с легкостью мог сделать то же самое.

Гевин невольно задумался. Не заплатил ли и в самом деле Венс за эти сведения? Но зачем ему это? Пока что мерзавец добился только того, что погубил репутацию девушки не слишком высокого происхождения. Гевин не видел в этом для Венса никакой выгоды.

— Мисс Мельбурн добрая и честная; я знаю, она не совершила бы такой грех.

Ну вот, опять! Джеймс должен был стать для Киры Мельбурн всего лишь средством

достижения уважаемой и обеспеченной жизни, как он не понимает этого?

— Почему ты веришь женщине, которую знаешь всего каких-то три недели? Ты что, в самом деле любишь ее?

— Я люблю всех божьих детей.

Вздыхнув, Гевин призвал себя сохранять терпение.

— Ты любишь ее, как мужчина любит женщину — так, что не можешь жить без нее?

Джеймс помедлил.

— Я очень высоко ее ценю.

Странное облегчение охватило Гевина.

— Так ты не любишь ее! — Прежде чем он успел почувствовать себя вполне довольным, еще одна неприятная мысль поразила его. — Ты... ты ведь не скомпрометировал...

— О, небеса, нет! — Джеймс в волнении схватился за лацканы сюртука. — Я бы никогда не унизил ее таким отвратительным способом, а она бы никогда не позволила ничего подобного. — Он вздохнул. — Гевин, я могу спасти мисс Мельбурн от дальнейшего позора. Мне нужна жена, которая будет так же предана моему делу, как и я. Она горит желанием питать души моих новых прихожан вместе со мной, и мы проживем наши жизни вместе, служа Господу.

Гевин усмехнулся про себя. Женщина, мывшая грудь перед зеркалом каких-то три часа назад, не выглядела так, будто готова посвятить всю жизнь служению Богу.

— Брак защитит ее от отвратительных сплетен, но не заставит злые языки замолчать.

— Мы планируем провести скромную церемонию здесь, а потом удалимся в мой новый приход, где будем вести очень тихую деревенскую жизнь. Со временем слухи утихнут, я уверен в этом.

— Для тебя и мисс Мельбурн — да, возможно. Но не в Лондоне. Как же мои сестры? Энн там, где вы будете жить, — предстоит ее первый сезон. И что будет с твоей матерью? Не думаю, что она перенесет еще один громкий скандал.

— В Послании к римлянам, глава пятая, стих третий, говорится: “И не сим только, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение”. Мама сильная. — Джеймс посмотрел на Гевина так, будто тот сам был заблудшей душой. — Я уверен, что все это пройдет, и тогда наступит общее спокойствие и умиротворение.

— Так ли? Как глава этого дома я могу потребовать, чтобы ты отказался от Киры.

— Гевин, нет! Дай себе шанс лучше узнать мисс Мельбурн, прошу тебя. Мне бы ужасно не хотелось терять кузена, которого я всегда считал своим братом. Это принесет мне неизлечимую боль!

Так вот оно что! Тихоня Джеймс готов предпочесть сладострастную проститутку своей собственной семье? Такое заявление было потрясающим, нет — невероятным!

Лицо Гевина окаменело.

— Что ты сделаешь, когда однажды, вернувшись домой, застанешь другого мужчину в постели своей жены?

— Мисс Мельбурн никогда не допустит этого! Она всегда будет верна нашему общему делу. Боюсь, ты составил ошибочное мнение о моей невесте, — покачал головой. — Мое высшее призвание служить Господу — и это единственная часть моей жизни, в которой я уверен. Я знаю, что поступаю правильно.

— Итак, ты собираешься представить расставание с холостяцкой жизнью как величайшую жертву Господу?

Джеймс отбросил прядь светлых волос со лба, его голубые глаза были одновременно печальны и решительны.

— Я верю, что Господь послал мне мисс Мельбурн, чтобы я мог спасти ее, и именно это я собираюсь сделать.

— Этот наглец зашел слишком далеко!

Услышав возбужденный голос, Кира обернулась. Дариус шел широкими шагами по зеленой лужайке Норфилд-Парка. Солнце скрылось за серыми облаками, предвещая дождь, и как будто в согласии с погодой его лицо выглядело столь же мрачным.

— Доброе утро. — Девушка остановилась, чтобы подождать брата, — глядя на него, она надеялась, что это погода испортила его настроение, а может быть, и холодная неприветливость миссис Хауленд. Но предвещающее бурю лицо Дариуса оставляло ей мало надежды.

— К черту утро! — огрызнулся он. Кира вздохнула:

— Дариус, не надо...

— Не надо что? Защищать тебя, когда люди говорят о тебе плохо? — Он нахмурился. — Джеймс хороший человек, и ты заслуживаешь его нежного внимания и заботы, но клянусь тебе, его кузен заслуживает того, чтобы как следует дать ему по физиономии.

— Полагаю, его светлость действует довольно...

— Заносчиво? Самонадеянно? Или он недостаточно проницателен?

Кира подавила улыбку, зная, что не должна поощрять Дариуса в его гневе. Ветер бросил прядь волос на ее губы, и она откинула волосы в сторону.

— Я хотела сказать, — бесцеремонно.

Дариус фыркнул.

— Только что я слышал, как этот надутый осел разговаривал с Джеймсом.

— О, так герцог уже вернулся из Лондона?

Это известие заставило кровь Киры быстрее бежать по венам. Вообще-то она надеялась, что герцога не будет как минимум еще неделю и у нее окажется достаточно времени, чтобы наладить отношения с матерью Джеймса. Миссис Хауленд хотя и разговаривала с ней, но в ее глазах читалось откровенное презрение. Еще она надеялась, что будет больше времени решить, что делать с Кропторном и тем беспокойством, которое он вызывал в ней. Странная реакция на него тревожила девушку — этот человек влиял на нее таким образом, которого она не могла понять.

— Вот именно, — не унимался Дариус, — и, судя по его словам, в столице он копался в этом отвратительном скандале. Этот болван дошел даже до того, что пытался убедить твоего жениха расторгнуть помолвку.

Кира сглотнула, ее вдруг охватил страх. Джеймс настоял на том, чтобы познакомить ее с семьей до их свадьбы, и она боялась, что ее возненавидят, будут насмехаться над ее смешанной кровью, а заодно поверят в самое худшее о ней. С самой первой встречи Кира подозревала, что герцог попытается убедить Джеймса разорвать помолвку. Но сообщение об этом как о свершившемся факте лишило ее присутствия духа.

— И что сказал мистер Хауленд?

— К счастью, он остается преданным тебе, сестра, но я не думаю, что герцог так просто согласится с решением кузена. Ты еще не слышала последних обвинений Кропторна. Очевидно, он узнал о родимом пятне на твоем теле из рассказней Венса и затем сказал Джеймсу, что имел возможность убедиться в его существовании. Могли он заплатить твоей горничной...

— Но, я совершенно уверена в преданности Китти. Возможно, герцог солгал, чтобы убедить кузена.

— Возможно. Или, может быть, кто-то из слуг герцога узнал об этом. — Дариус расстроено провел рукой по лицу. — Почему ты вообще решилась бежать с Венсом, не сказав ничего мне?

Молчание будет лучшим ответом, решила Кира; в этот момент она чувствовала себя полной дурой. Как можно было позволить лорду Венсу убедить себя в том, что тайная помолвка и венчание окажутся очень захватывающими и запомнятся на всю жизнь? Впрочем, последнее было совершенной правдой. Какой наивной, должно быть, он считал ее. Но хуже всего то, что такой она и была. Почему она вообще решила, что любит этого человека?

Дариус с досадой вздохнул:

— Проклятие! Ты скажешь мне по крайней мере, как Венс узнал о твоём родимом пятне?

Кира сглотнула. Нет, никогда. Если она расскажет брату, что лорд Венс отвез ее в Лондон — не в Гретна-Грин, как обещал — и набросился на нее, сорвал с нее одежду, прикасался к ней и... Она содрогнулась, не желая вспоминать ту ужасную ночь. Если Дариус узнает всю правду, он не остановится ни перед чем, чтобы убить негодяя. Поскольку Венс был известен как великолепный стрелок, Кира боялась, что брат напрасно потеряет жизнь, пытаясь защитить ее погубленную репутацию. Если Дариус умрет, отец будет убит горем, а она никогда не смирится с такой потерей.

— Не важно, как лорд Венс узнал о моем родимом пятне. Физически он никак не повредил мне, об этом я тебе уже говорила.

— Да, положим, он не изнасиловал тебя, но этот человек каким-то образом причинил тебе боль. Ты уже больше не улыбаешься, Кира, ты боишься его и поэтому не позволяешь мне поймать и наказать негодяя!

Закрыв глаза, Кира пожелала, чтобы брат с легкостью победил мерзавца. Но что, если вместо этого Дариус, поддавшись праведному гневу, станет вести себя безрассудно, неосторожно и, в конце концов, однажды падет жертвой Венса? Она не могла вынести такой мысли. Вытерпеть сплетни было гораздо легче. Отец слишком часто уезжал из страны, гоняясь за своей душой по всему свету, словно ветер, и Дариус был всей ее семьей, единственным человеком, на которого она могла рассчитывать. Что она будет делать без него?

— Пожалуйста, давай не будем больше говорить об этом. — Кира умоляюще посмотрела на брата. — Мистер Хауленд на моей стороне, несмотря на неодобрение своей семьи. Когда мы поженимся, они увидят, что я могу быть хорошей женой священника, что я не скандалистка и не похотливая шлюха.

Дариус посмотрел на нее с сомнением, и Кира вздохнула:

— Время, пусть пройдет время. Разговоры сойдут на нет, свет займется другим скандалом, и я перестану интересоваться кого бы то ни было. Поскольку я никогда не стремилась занять значительное место в обществе, мнение лондонских богачей для меня не имеет значения. Как только я выйду замуж и мы устроимся в новом приходе Джеймса, я уверена, мне уже не придется сталкиваться с отвратительными сплетнями. — Она взяла брата за руки. — Я готова все забыть. Разве ты не можешь сделать то же самое?

Дариус выругался и отвернул лицо, но Кира только крепче сжала его пальцы.

— Пожалуйста...

— Если бы ты только знала ту ужасную ложь...

— Я знаю.

Она действительно знала, хотя не понимала, по какой причине Венс говорил такие вещи каждому встречному. Однако в этом случае причины вряд ли имели значение.

— Я не могу сделать ничего, чтобы остановить его ложь, так что лучше просто забыть о ней.

— Но я не могу!

Привстав на цыпочки, Кира положила руки на плечи брата.

— Постарайся, ради меня.

Дариус стоял неподвижно почти целую минуту, но, наконец, он вздохнул, словно сдаваясь. Страх, сжимавший сердце Киры, немного ослабил свою хватку. Возможно, теперь лорд Вене не убьет ее брата. Она просто обязана была защитить его.

— Я попробую, — тихо произнес Дариус. Нежно обняв брата, Кира отпустила его и отошла.

— Спасибо.

— Я сказал только, что попытаюсь. — В голосе Дариуса сквозил вызов.

Кира улыбнулась: в этот миг она чувствовала себя больше матерью, чем сестрой.

— Постарайся как следует; большего я у тебя не прошу.

— Ты заслуживаешь гораздо лучшей доли, а вовсе не того, чтобы твое имя болталось на языке каждого распутника в Лондоне.

— Я понимаю и согласна с тобой, но не каждое желание человека может осуществиться. Нам просто придется подождать, а там посмотрим, что будет.

Вскоре после полудня в дверь кабинета Гевина постучали.

— Войдите! — крикнул он, уже догадываясь, кого сейчас увидит.

— Итак, ты вернулся. — Тетя Кэролайн закрыла за собой дверь. Мрачное выражение ее лица никак не сочеталось со светлыми седоватыми кудряшками, обрамляющими ее лицо, в голубых глазах застыла тревога. — И что ты узнал?

— Все о похождениях мисс Мельбурн с лордом Венсом — они действительно так скандальны, как вы и говорили.

— И у меня нет причин полагать, что впечатление о ней изменится при более близком знакомстве. — Кэролайн уселась на диван напротив стола Гевина. — Впрочем, она изображает из себя почти святую невинность!

— Я также разговаривал с Джеймсом. Все как вы говорили: он не желает избавляться от этой девицы. Упрямый, наивный дурак.

— Вот именно! — сразу согласилась Кэролайн. — Боюсь, у меня есть еще плохие новости. Сплетни могли распространиться здесь, в Брэмли-Виллидж. Только вчера эта не в меру любопытная миссис Бейклиф спрашивала, не гостят ли у нас мисс Мельбурн с братом. Можно только догадываться, что миссис Бейклиф узнала об их присутствии от слуг. — Кэролайн фыркнула. — Я вряд ли смогу представить их соседям.

Гевин нахмурился. Сплетни легко помогут слухам о помолвке Джеймса достичь Лондона.

— Как вы ей ответили?

— К сожалению, я не смогла придумать ничего лучшего, как только сказать, что Джеймс и мистер Мельбурн знакомы и что он и его сестра здесь всего лишь проездом. Не

думаю, что миссис Бейклиф поверила. Что нам делать, Гевин? — Кэролайн заломила руки. — Всего несколько лет назад я почувствовала, что тень скандала, вызванного твоим отцом, исчезает, и вот теперь оказаться перед лицом новой напасти...

Гевин потер переносицу, пытаясь успокоить нарастающую головную боль. Что станет с ними, если еще один скандал появится на их пороге? Тетя Кэролайн была всего лишь юной новобрачной, когда ее брат шокировал свет и подверг унижению всю семью. Теперь ее возраст приближается к сорока, и наверняка переживания окажутся для нее гораздо более тягостными. Гевина пронзила боль, когда он вспомнил то ужасное утро, в которое весь Лондон узнал отвратительную правду.

Сам он ненавидел слухи и не был настолько наивен, чтобы верить, будто годы нравственной жизни — годы сдерживания вожделения — помогут сохранить его статус в обществе. Вне всякого сомнения, его и — что еще хуже — сестер станут судить по действиям Джеймса и признают недостойными.

Кэролайн посмотрела на него умоляющими глазами: — Я также боюсь за Джеймса. Мисс Мельбурн не сможет заботиться о нем, как должна заботиться жена, — она слишком опытна для моего милого мальчика. Боюсь, однажды она жестоко его разочарует.

С этим Гевин не мог не согласиться. Когда-нибудь мисс Мельбурн наскучит тихая деревенская жизнь и скромное положение Джеймса. Она из тех женщин, кому нужны волнение, приключения, страсть. Когда она не найдет этого со своим скромным мужем, то скорее всего станет искать развлечений где-нибудь еще. Джеймс, ожидающий от жены верности, будет сломлен; вероломство Киры опустошит его, не говоря уже о вреде, который предстоящие скандалы нанесут его положению в конгрегации. И тут неожиданно Гевин окончательно понял, что ему следует делать.

— Надо позволить Джеймсу жениться на ней. Я придумаю какой-нибудь способ и предотвращу их брак. — Он поцеловал тетю Кэролайн в щеку, надеясь стереть озабоченное выражение с ее любящего и такого знакомого лица. — Не волнуйтесь и предоставьте все мне.

Войдя на следующее утро в музыкальный салон, Кира внимательно огляделась. Эту довольно маленькую, в ярких цветах, комнату посещали редко, но, даже несмотря на это, ей не хотелось играть на фортепьяно.

Вместо этого она села на уютный диван, поджала ноги и взяла томик стихов Перси Биши Шелли и Роберта Саути. Кира была удивлена, найдя эту книгу здесь, в Норфилд-Парке поскольку герцог отнюдь не был похож на человека, любящего поэзию.

Вздохнув, девушка открыла книгу. В камине весело трещал огонь, умиротворение исходило от пейзажа за окном, где все еще было мокро от всего час назад прошедшего дождя. Это было идеальное время для отдыха.

И все же ее терзала тревога. Она знала, что ей следует беспокоиться о будущем. Дариус хотел сразиться с гнусным лордом Венсом; миссис Хауленд не одобряла ее и не высказывала свое мнение только потому, что не хотела расстраивать Джеймса. Герцог смотрел на нее проницательным, приводящим в замешательство взглядом. Однако Кира не желала сегодня думать о таких неудобствах. Через несколько недель они с Джеймсом поженятся, и все проблемы останутся позади. Они уедут жить в Танбридж-Уэллс в Кенте, где ее никто не знает, а когда она станет миссис Джеймс Хауленд, можно надеяться, что никто и не узнает о несчастном происшествии с лордом Венсом, и не будет интересоваться ее происхождением.

Вдали от света она наконец найдет покой.

Зевнув, Кира поудобнее устроилась на диване и прикрыла глаза, но тут же услышала стук дверной щеколды.

Кто мог прийти сюда, после того как комната простояла пустой столько дней? Джеймс и Дариус договорились поехать кататься верхом, как только прекратится дождь. Поскольку миссис Хауленд пожаловалась на головную боль и удалилась к себе, оставался только...

Неужели герцог?

Взгляд через плечо подтвердил, что именно он стоит в дверях и смотрит на нее своими темными решительными глазами. Пришел ли он сюда в поисках уединения или в поисках ее?

— Ваша светлость, — поприветствовала она хозяина дома.

Гевин кивнул, потом с решительным видом закрыл за собой дверь.

Сердце Киры забило сильнее. Зачем он так демонстративно закрыл дверь? Она все еще была незамужней дамой, а он — холостым мужчиной, которому она не является родственницей. Таким способом была погублена не одна репутация.

Но возможно, этот человек был уверен, что ее репутации уже нельзя повредить?

Кира осторожно поднялась на ноги и положила книгу на стол перед собой.

— Если вы хотите остаться здесь один, я, разумеется...

— Сядьте!

Это был приказ, а не просьба, и Кира мгновенно разозлилась. Он что, считает ее послушной как собака? Девушка с вызовом посмотрела на герцога.

— Пожалуйста, — пробормотал он сквозь стиснутые зубы.

Кира помедлила. Она сомневалась, что Кропторн часто произносит слово «пожалуйста». Скрестив руки на груди, она решила считать это достижение победой и села.

— Я бы хотела открыть дверь, с вашего позволения...

— Нет. Нам лучше поговорить наедине.

Герцог явно старался, чтобы его слова прозвучали угрожающе, и это ему удалось. Теперь Кира не сомневалась, что он намеревался стать ее возмездием. Он выглядел усталым, с темными тенями под глазами.

Гевин, избавившись от сюртука, остался в бриджах и крахмальной белой рубашке, которая подчеркивала его широкие плечи и узкий торс. Кира заметила, что он очень коротко подстриг волосы. Она помнила, что до этого у него на затылке был намек на кудри, но теперь они исчезли. Интересно, зачем Кропторну понадобилось так старательно истреблять нечто столь естественное?

— Мисс Мельбурн! — Герцог прошел между двух мягких кресел и уселся в то, которое стояло ближе к ней. В его движениях прослеживались одновременно и военная четкость, и уверенность, как будто он точно знал, что делает. — Вы не можете испытывать иллюзий относительно мнения моей тети и моего. Разумеется, мы не одобряем вашу помолвку с Джеймсом.

Кира боялась этих слов, даже ожидая, что они будут сказаны, — и все же Кропторн ошеломил ее. Он говорил прямо, грубо, его тяжелый пристальный взгляд ни на секунду не отрывался от нее.

И все же девушка не собиралась сдаваться.

— Ваше мнение ничего не меняет, хотя я и надеялась на дружеские отношения с родственниками. Время покажет, что я действительно хочу и могу быть хорошей женой

вашему кузену.

— А я подозреваю, что вы не любите его, и он тоже не любит вас.

Кропторн рассуждает о любви? Кира и представить не могла, что такое возможно. До сих пор герцог ничем не показывал, что у него есть сердце и тем более что он верит ему.

— Любовь никогда не была необходимым условием для брака.

— Возможно, но если вы хоть немного заботитесь о Джеймсе, вам лучше прекратить этот фарс.

И тут Киру охватил гнев. Как смеет этот напыщенный гусь указывать ей, что она должна делать!

— Я испытываю глубокую привязанность к вашему кузену — он именно такой джентльмен, за которого я всегда мечтала выйти замуж: чуткий, воспитанный...

— Вот именно. А что вы можете дать ему взамен? Смешанную кровь? Испорченную репутацию? Вы правда надеетесь, что все эти качества помогут моему кузену продвинуться на церковном поприще?

— У Джеймса нет подобных амбиций.

Герцог усмехнулся:

— Он намерен спасти вас, сделать это актом милосердия. Вряд ли он станет рассказывать вам о своих амбициях, зная, что вы, вероятнее всего, разрушите его будущее.

Напрасно он старается причинить ей боль. Кира не сомневалась, что для Джеймса она не просто объект благотворительности; их соединяют взаимное уважение и дружба. День за днем она видела доказательства безграничной доброты его сердца. Джеймс полностью принимал ее такой как есть, верил в ее невинность вопреки ужасным заявлениям лорда Венса. Он действительно был лучшим человеком, которого она встречала в своей жизни.

— Я буду каждый день заботиться о нем, буду готовить ему еду, следить за его одеждой и растить его детей. Я постараюсь стать именно такой женой, какая нужна священнику. Джеймс это знает и именно поэтому хочет жениться на мне. Почему для вас этого недостаточно?

— Кузен заслуживает большего. — Кропторн чуть наклонился в кресле. — Женщину, от которой не отвернутся его прихожане, которая сможет отдать ему все свое сердце, а не просто принять его милосердие. Джеймс заслуживает женщину, которая придет к нему незапятнанной и сможет оставаться верной...

— Как вы смеете! — Жар и холод одновременно пронзали ее. Кира вскочила на ноги, возмущенно глядя на него, ее грудь тяжело вздымалась.

Кропторн встал и, шагнув вперед, теперь почти нависал над ней. Лед в его глазах вдруг растаял. В темных глубинах, где раньше были только холод и неодобрение, появилось новое, пугающее выражение. Гнев, разочарование... и еще что-то. Кира отчетливо ощутила его близость, его мускусный запах...

Не выдержав напряжения, она отвернулась.

— Я смею, потому что знаю, кто вы и что собой представляете. — В каждом его слове звучало презрение.

Киру буквально взорвало.

— Вы ничего не знаете обо мне!

Герцог презрительно поднял бровь.

— Вы, мисс Мельбурн, женщина, которая однажды начнет искать более зеленые пастбища и разобьет Джеймсу сердце.

— Никогда!

— Раньше чем через год, я уверен. Вы не для таких мужчин, как Джеймс, мужчин кротких и великодушных в своем служении Богу. Каждый из его прихожан будет знать о вас все, особенно мужчины. Он не сможет служить своей общине, потому что...

— Что бы вы ни думали, я не шлюха!

Ее темперамент выплеснулся наружу. Кира знала, что ей следует сдержаться, но не могла больше терпеть. Ее возмущала позиция Кропторна и люди вроде него — те, кто считал, что если женщина наполовину персиянка, то она обязательно должна быть шлюхой.

— Не судите обо мне по сплетням! Я не сделала ничего из того, что лорд Венс изрыгает из своего грязного рта, хотя и не удивлена, что ограниченные люди вроде вас скорее поверят словам подлеца, чем простой женщине. Я ничем не запятнаю Джеймса и его прихожан, и это все, что вам нужно знать. — Она сделала глубокий вдох, приказывая себе успокоиться. — Всего хорошего.

Пройдя мимо герцога, Кира направилась к двери, но Кропторн неожиданно схватил ее за руку. Она набрала воздуха, собираясь протестовать, и в этот момент его пальцы скользнули по ее груди. Потрясение от прикосновения пронзило ее, словно молния, и Кира с трудом подавила вздох. Ее взгляд метнулся к лицу герцога: в его глазах она прочла ярость и понимание.

Ощущая бесконечно тягучие удары сердца, Кира смотрела на своего противника, утопая в бурлящем жаре и ледяной насмешке его бездонных темных глаз. Он, казалось, был в разладе с самим собой, и она ощутила триумф.

Его пальцы крепче сжали ее руку. Он хотел привлечь ее ближе, возможно, даже поцеловать.

Сердце Киры бешено колотилось в груди. Она придвинулась ближе...

Однако, к удивлению и разочарованию девушки, Кропторн отпустил ее.

— Подумайте о Джеймсе, а не о себе. Вы не подходите ему.

Его слова прозвучали как пощечина, и Кира намеревалась ответить ему тем же.

— Также, как и вы. Он взрослый мужчина и способен принимать собственные решения. Если бы вы действительно любили его, вы бы это поняли.

Прежде чем герцог успел ответить, Кира подобрала юбки и подбежала к двери, но на пороге остановилась. Она знала, что не должна оборачиваться, и все же...

Герцог смотрел на нее неподвижно, сжав кулаки, глаза его горели.

Встревоженная этим взглядом даже больше, чем разговором, Кира выбежала из комнаты.

Два дня спустя, в час, едва ли подходящий для утренних визитов, миссис Бейклиф и ее бледная дочь посетили Норфилд-Парк. Гевин подозревал, что назойливая соседка явилась только затем, чтобы поглазеть на их скандальную гостью. Какую бы неприязнь он ни испытывал к миссис Бейклиф, Гевину еще омерзительнее было то наслаждение, которое она получала, заставляя тетю Кэролайн чувствовать себя униженной, поэтому он, оставшись в гостинной рядом с тетей, мрачно смотрел на соседок.

— Харриет, как приятно видеть вас! — с натянутой улыбкой произнесла Кэролайн.

— Да-да, мы ведь не виделись целую вечность. Поскольку мы обе ненадолго вернулись в деревню, я решила нанести визит, вместе с Гонорией, разумеется. — Миссис Бейклиф с умилением взглянула на свою младшую дочь и тут же нахмурилась. — Выпрямись!

Ее вполголоса произнесенный приказ заставил девушку вытянуться по стойке “смирно”. Довольная собой, миссис Бейклиф снова улыбнулась и повернулась к Гевину:

— Ваша светлость!

Герцог ответил ей вежливым поклоном:

— Миссис Бейклиф!

— Вы, конечно, помните мою дочь, Гонорию?

Гевин перевел взгляд на стоящую рядом с миссис Бейклиф девушку, которой в ее пятнадцать все еще предстояло много приобрести в части женственных округлостей. Долговязая девица фигурой пошла в отца, который как будто состоял из одних рук и ног, в то время как в миссис Бейклиф преобладали живот и грудь.

— Разумеется, помню. — Гевин улыбнулся робкому светловолосому созданию. — Добрый день, мисс Бейклиф.

Его внимание заставило юную гостью покраснеть до корней волос.

— Ваша светлость.

— Разве она не выросла с тех пор, как вы видели ее в последний раз? — гордо спросила миссис Бейклиф. — Уже очень скоро моя красавица дебютирует в свете и сможет выйти замуж.

Как обычно, Харриет проявила утонченность кузнечного молота. Гевин приложил все усилия, чтобы кивнуть и вежливо улыбнуться. Он неплохо относился к девушке, но о женитьбе на ней не могло быть и речи. В то время как другие мужчины женились на женщинах вдвое моложе себя, Гевин не чувствовал желаний следовать их примеру. Гонория слишком походила на ребенка, однако еще более пугающей являлась сама мысль породниться с семейством Бейклифов. Одно это вызывало у него желание напиться до бесчувствия.

— Не присесть ли нам? — наконец предложила Кэролайн. Не дожидаясь ответа, она жестом пригласила всех на синий дамастовый диван, залитый лучами полуденного солнца, струящимися в просторную комнату сквозь огромные окна, и Гевин обрадовался, что никто, похоже, не заинтересовался розовым плюшевым креслом в дальнем углу комнаты.

По дороге к дивану Харриет остановилась и оглядела обстановку критическим взглядом.

— Я знаю, что вы обожаете эту комнату, Кэролайн, но не понимаю почему. Как вы выдерживаете такое яркое солнце по утрам?

— О, мне это очень нравится.

— Нравится? Но как же это неблагоразумно! Я уверена, ваша мебель уже выгорела, на солнце. — Миссис Бейклиф посмотрела на диван, ища подтверждения своим словам. — Вы должны всегда помнить о таких вещах.

Кэролайн опустила взгляд на синий диван, и Гевин последовал ее примеру, но не нашел ничего, что бы его огорчило.

— Мы прикажем задернуть занавеси, если вы предпочитаете полумрак, — не смог сдержаться он.

Небрежно махнув рукой, миссис Бейклиф кивнула:

— Это было бы нелишне. Такая яркость не полезна для глаз.

Улыбка Кэролайн стала еще напряженнее.

— Хорошо, я позвоню и велю слугам заняться этим, а заодно и принести нам чай.

— Видите ли, я пришла пригласить вас на вечер в следующий четверг. — Харриет замаялась. — Э-э, ваши... гости уже уедут к тому времени?

Кэролайн тревожно улыбнулась.

— Я не уверена.

Внезапно Гевин задумался над тем, как можно объяснить столь длительный визит мисс Мельбурн, не раскрывая намерения Джеймса сделать ее частью семьи, но в голову ему ничего не приходило.

Миссис Бейклиф, видимо, тоже находилась в затруднении. Было бы невежливо исключить Мельбурнов из приглашения, которое она послала в Норфилд-Парк, но ей явно не хотелось, чтобы Кира и ее брат присутствовали на вечере.

Надеясь сгладить создавшуюся неловкость, Гевин в конце концов пригласил Бейклифов сесть на синий диван, а затем вернулся к тете, чтобы провести ее к ее месту.

Пока они шли, он заметил маленький разрыв шва на ярко-зеленом шелковом платье Кэролайн, прямо между лопаток. Когда она сделала шаг, разрыв немного удлинился. Еще шаг, и шов начал расползаться...

Герцог нахмурился. Как такое могло случиться? Впрочем, теперь это вряд ли имеет значение; он должен придумать какой-то способ не дать миссис Бейклиф, увидев этот беспорядок, высказать тетушке кучу замечаний на тему ленивых горничных, стесненных финансов или слова сожаления. Подумать только, родственница герцога вынуждена покупать платья худшего качества! Любое из этих замечаний наверняка вызовет у тети Кэролайн либо приступ раздражения, либо слезы — никогда нельзя предугадать, что именно, — и это произойдет сразу, как только за Бейклифами закроется дверь.

Прежде чем все расселись, вошел Джеймс, одетый в черное, как и положено священнику. Мисс Мельбурн стояла рядом с ним и, несмотря на свой скромный наряд, выглядела больше как женщина, способная согреть постель грешника, нежели как мадонна, собирающаяся украсить собой церковную скамью.

Гевин закрыл глаза, чувствуя, как желудок нырнул куда-то в пятки. Теперь, когда Джеймс появился вместе с Кирой, как он сможет не позволить кузену представить мисс Мельбурн и объявить ее своей невестой?

Стоя рядом с Гевинем, тетя Кэролайн тоже невольно напряглась, и шов на ее спине разошелся еще сильнее.

“Сплетни распространяются быстро и, как все прискорбные слухи, вскоре достигнут Лондона”, — подумал Гевин. События развивались от плохого к худшему, и он вздохнул,

сдаваясь этому трудному утру.

Как и следовало ожидать, Кира выглядела не так, как бы ей следовало, и больше напоминала падшего ангела, прильнувшего к своему спасителю, даже несмотря на то что нежный желтый муслин, вышитый по подолу цветами, делал ее вид почти скромным — настолько, насколько может выглядеть женщина с чувственным лицом и фигурой. Шелковая шаль кремового цвета накрывала ее узкие плечи, что могло бы быть убедительно, если бы герцог меньше знал о ней — и если бы от одного ее взгляда у него не загоралась кровь. Ее чувственный рот возбуждал его, так же как и тайна в синих глазах, обрамленных густыми черными ресницами. Проклятие, она опять пробуждает в нем похотливое животное!

Внезапное появление, очевидно, было способом кузена вопреки сопротивлению родственников исподволь ввести свою невесту в местное общество. Если так, Джеймсу следовало десять раз подумать, прежде чем начинать со злобной миссис Бейклиф.

Гевин едва не выругался. Зачем Джеймс делает себя предметом жалости и насмешек ради женщины, которую не любит и которая не любит его? Как никак она отказалась разорвать помолвку, хотя Гевин объяснил, какой вред Джеймсу принесет предстоящая женитьба.

— Доброе утро, дамы, — поздоровался Джеймс.

— И вам доброе утро, мистер Хауленд. — Миссис Бейклиф адресовала свои слова Джеймсу, но ее пронзительный взгляд не отрывался от Киры.

— Как приятно видеть вас. Полагаю, вы обе в добром здравии?

— Несомненно. — Выдавлив эти слова, Харриет поджала губы.

— Великолепно, — подвел Киру к миссис Бейклиф. — Разрешите представить вам мисс Киру Мельбурн, мою невесту.

Веки миссис Бейклиф чуть дрогнули, глаза расширились, и тут же, как будто осознав свой промах, она откашлялась и высокомерно посмотрела на Киру.

— Гонория, — произнесла миссис Бейклиф, не отрывая неодобрительного взгляда от Киры, — выйди и подожди меня снаружи.

Девушка смущенно заморгала, глядя на мать. — Но...

— Сейчас же.

Тайком бросив взгляд на Киру, мисс Бейклиф встала и, опустив плечи, направилась к выходу из комнаты.

Гевин сам едва рискнул взглянуть на Киру. Она словно окаменела, лицо ее стало мертвенно-бледным от потрясения. Он сделал глубокий вдох, внезапно пожалев, что не может оскорбить миссис Бейклиф в такой же манере.

— Мисс Мельбурн, — холодно произнесла Харриет, — вы понимаете, что моя младшая дочь не может заводить знакомства с дамами вроде вас?

Кира сглотнула, но ничего не ответила.

Между тем Кэролайн смотрела на Джеймса так, будто у него вдруг выросли рога, и Гевин поморщился, представляя, какая “семейная гармония” ждет их сегодня за обедом.

Потом он заметил, что шов на спине Кэролайн разошелся еще больше. Теперь разрыв заметен любому, кто видит ее спину. Фиаско будет комичным... если оно не доведет тетю до слез и не сделает ее посмешищем для всех в Брэмли-Виллидж.

— Джеймс, возможно, было бы лучше, если бы вы с мисс Мельбурн прогулялись по галерее, — внезапно предложила Кэролайн.

Итак, Кира была изгнана. Кэролайн отказалась встать на сторону сына в выборе жены

— свидетельство этому не могло быть более явным. Сцена из безобразной превратилась в отвратительную.

Гевин видел, что Кира гордо подняла голову, но при этом ее губы задрожали.

— Ваша матушка права, мистер Хауленд, — спокойно сказала она. — Старым друзьям нужно о многом поговорить без нас.

То, как элегантно она вышла из щекотливого положения, удивило Гевина. Как бы ему хотелось, чтобы она не входила в эту комнату и вообще в его жизнь, особенно как невеста Джеймса. Он не желал видеть ее в своей семье вечный скандал, вечное искушение. Стоит только протянуть руку...

Но ему было отвратительно видеть, что миссис Бейклиф оскорбила Киру даже более жестоко, чем тетя Кэролайн. Действительно, презренная женщина оговорила девушку будто ненароком, как если бы это было ее правом. Гевин нахмурился. То, как миссис Бейклиф обошлась с Кирой Мельбурн, почему-то причинило ему боль. Возможно, дело в самой мисс Мельбурн. Может быть, он на мгновение стал жертвой ее кажущейся невинности. Хотя невинность скорее всего была отрететированной, безыскусственность в ее манере делала такое обращение более чем несправедливым.

Глаза Джеймса молили Гевина сделать что-нибудь, и герцог стал лихорадочно перебирать в голове способы, которыми можно было бы разрешить сложившуюся неприятную ситуацию, вот только направленный на него взгляд мисс Мельбурн отвлекал его, словно призывая накрыть губами ее рот...

Прежде чем он смог что-то сказать — хотя так ничего и не успел придумать, — тетя Кэролайн с усилием сжала руки. Платье натянулось, и шов на ее спине окончательно разошелся. Если она повернется, все увидят корсет из китового уса, и тогда...

Дьявол! Как не позволить миссис Бейклиф увидеть этот проклятый разрыв? Взгляд Гевина метался по комнате в поисках хоть чего-нибудь — одеяла, куска ткани, даже свежей газеты, — чем можно было бы заслонить открывшееся белье и спасти достоинство тети...

— Миссис Хауленд! — Кира шагнула вперед, на ходу снимая шелковую шаль со своих плеч. — Вы продрогли. Моя шаль вас согреет.

Тетушка Кэролайн воззрилась на Киру со всем недоверием, на которое только была способна. Впечатление было таким, будто она услышала, как пьяница объявил себя вторым Христом.

— Послушайте, юная леди...

— О, спасибо за вашу заботу, мисс Мельбурн. — Гевин поспешил вперед и, взяв у Киры шаль, укрыл ею плечи тетушки: — Действительно, вы что-то побледнели. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

Его многозначительный взгляд сразу убедил тетю Кэролайн, что спорить бесполезно.

— Пожалуй, я сегодня не совсем здорова.

— Это все из-за солнца, будьте уверены. — Миссис Бейклиф покровительственно фыркнула, как будто разрешила запутанную головоломку.

— Ну конечно, вы правы. — Гевин кивнул.

— Несомненно. Что ж, мне пора. — Харриет взяла свой ридикюль и направилась к герцогу. — Вы будете милым мальчиком и проводите меня? Уверена, Гонория будет очень расстроена, если не попрощается с вами.

Гевин знал, что Гонорию этот вопрос интересует гораздо меньше, чем ее мать, но, чтобы помочь тете Кэролайн, он, так и быть, проводит девушку к выходу с улыбкой.

— С удовольствием. — Он любезно кивнул.

Когда они достигли двери гостиной, Гевин оглянулся и увидел Джеймса, осматривающего разорванный шов, и тетю Кэролайн, страшно испуганную — ведь она только что едва избежала ужасного конфуза.

Кира стояла в нескольких шагах от них и молчала.

Гевин нахмурился. Она помогла его тете, спасла ее от позора. Почему? Почему не позволить женщине, которая всего несколько минут назад публично унизила ее, испытать то же самое?

Ему вспомнились слова Джеймса: Кира добрая и честная...

Вздор, подумал он, провожая миссис Бейклиф к экипажу. Вероятно, мисс Мельбурн сделала это только для того, чтобы заслужить благосклонность семьи. И все же она придумала, как спасти ситуацию, когда сам Гевин не знал, что делать. Она предложила помощь без малейшего промедления, а теперь, когда подвиг совершен, стоит в стороне от семьи, очевидно, не ожидая благодарности за свой жест.

Гевин был откровенно озадачен. Так почему же все-таки Кира пришла на помощь тете Кэролайн?

Гевин шел по землям Норфилд-Парка, окруженный буйной растительностью. Предзакатные солнечные лучи золотили землю. На западе два горных пика, которых он никогда раньше не замечал, лежали под самым солнцем, маня его исследовать их тенистые возвышенности. Неужели они всегда были там?

Он неторопливо пошел в ту сторону, наслаждаясь совершенством природы. Что-то в холмах подзадоривало его взобраться на них.

Он наклонился, чтобы провести рукой по мягкой зеленой траве. Нежный ветерок приносил опьяняющие запахи. Что-то сродни умиротворению наполнило его. Здесь можно остаться навсегда, решил он, делая следующий вдох.

Мгновение спустя Гевин обнаружил себя в неизвестном туннеле, жарком и почти черном. Где-то в отдалении звенела капель, вода струилась вокруг его сапог, доходя до щиколоток.

Кто-то ждал его. Он не был уверен, откуда знает это, но этот кто-то был очень важен для него.

Напряжение нарастало. Гевин сделал шаг в густой жидкости, покрывающей дно туннеля, потом другой, третий, с трудом пробираясь по темному сужающемуся каналу. Оступившись, он оперся рукой о стену, которая оказалась теплой и влажной.

Температура нарастала с каждой минутой. Он сорвал с себя рубашку и отбросил ее в сторону. Кто-то позвал его по имени. Голос принадлежал женщине, и он побежал.

Тьма сомкнулась вокруг него, и вот уже он не мог видеть в туннеле ничего, кроме самого себя. Его сердце билось быстро, словно отбивая каждый шаг, кожа стала влажной, ноги налились свинцом, но все это не имело значения; он должен был добраться до голоса.

Вдруг он начал падать, падать... и закричал, молотя руками по воздуху.

Так продолжалось до тех пор, пока он не оказался в Розовой комнате Норфилд-Парка, причем не один: Кира Мельбурн стояла всего в нескольких дюймах от него в облаке аромата ванили и специй, обнаженная, с упругой, без малейшего изъяна, кожей.

Гевин сглотнул, и когда Кира поманила его согнутым пальцем, он покорился. С каждым его шагом она отступала назад, и он ощутил неистовое желание побежать за ней.

Кира дотронулась спиной до туалетного столика и осторожным движением присела на

него. Она призывно улыбалась ему, вытаскивая шпильки из волос. Густая черная масса упала на ее торс, один дерзкий локон оказался на обнаженной груди, обрамляя туго натянутый сосок.

Потом она положила руки на колени и медленно развела ноги в дразнящем танце. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что она уже влажная и готова его принять.

Как будто по волшебству, словно достаточно было лишь пожелать этого, Гевин почувствовал, что его панталоны расстегнулись. Теперь он тоже был полностью обнажен.

Еще шаг, и он достиг Киры, введя свои бедра между ее бедер. Вожделение вспыхнуло в нем, когда она раскрыла ему свои объятия. Сердце яростно забило в его груди. Гевин почувствовал, как ее тонкие руки обнимают его. Она придвинулась ближе и нежно поцеловала его в щеку. Желание снова пронзило все его тело, соединяясь с каким-то странным чувством умиротворения.

Кира глубоко вздохнула. Ее груди поднялись, упираясь в него, побуждая к более интимным прикосновениям. Он наклонился, взял грудь в ладонь и поднес темный сосок к губам. Ее мускусный запах обвевал его, смешиваясь с другими запахами. Гевин узнал аромат, который уже уловил недалеко от Норфилда, и погрузился в это дивное благоухание.

Его губы сомкнулись на ее соске, затвердевшем от первого прикосновения его языка. Она была как подарок, и он наслаждался этими, казалось бесконечными, мгновениями. Кира откинула голову назад, у нее перехватило дыхание, она снова и снова повторяла его имя с каждым движением его губ.

Вожделение умножилось, лишив его способности дышать. Гевин снова вспотел, когда выпрямился и обхватил руками ее бедра. Ее глаза, такие синие под черной бахромой полуопущенных ресниц, приглашали его. Приготовившись войти в нее, он бросил взгляд на зеркало за ее спиной и застонал. Туалетный стол был идеальным местом, чтобы взять такую женщину, как Кира, потому что спереди она была открыта его голодному взгляду, а ее округлый зад был виден в зеркале позади нее. Погружаясь в нее, он сможет видеть почти все восхитительное тело.

— Кира, — произнес он ее имя. Пряный запах ее кожи, слившийся с острым запахом возбуждения, был ответом на его зов.

Умирая от желания войти в нее, он двинулся вперед...

И вдруг проснулся, обнаружив себя в полном одиночестве. Гевин лежал неподвижно, весь мокрый от пота. Он тяжело дышал, один торопливый вдох следовал за другим. Каждый нерв натянулся в возбуждении. Он не помнил, когда был так возбужден.

Не понимая, где находится, он вгляделся в окружающую темноту и с удивлением обнаружил, что лежит в своей спальне. Со стоном поднявшись на ноги, он молился только, чтобы пронзительный весенний ветер, влетая в открытые окна, поскорее охладил его разгоряченное тело.

Стянув с себя смятую и мокрую насквозь ночную рубашку, Гевин с проклятием швырнул ее в дальний угол спальни и начал ходить по комнате из угла в угол. Ему было все равно, что он совершенно голый и кто-то из сада внизу может увидеть его через открытое окно — слишком опасным оказалось то, что его влечение к невесте Джеймса все больше возрастало.

Да что с ним такое? Это странное влечение нужно прекратить, иначе вожделение начнет влиять на его решения. Многие мужчины страдали от такого безумия. Бог свидетель,

его отец неделями планировал, как завлечь в постель очередную женщину. Увлеченный этим, он забывал о жене, о долге, о детях, о репутации — обо всем, что имело значение, но Гевин не желал вести себя как идиот, только для того, чтобы удовлетворить похоть.

Честно говоря, он не понимал, откуда у него такая реакция на Киру. Его никогда не тянуло к иностранкам. В поездках на континент он, разумеется, отдавал им должное. Италия, Испания, Португалия — везде были красивые женщины. Но он не хотел их так отчаянно, чтобы видеть во сне.

Кричаще безвкусные женщины, особенно с таким позорным прошлым, также никогда не привлекали его; он всегда старался выбрать правильный и добродетельный путь.

Кира была умна, но он знал многих других умных женщин. Корделия, например. Как он ни восхищался ею, Гевина никогда не охватывало непреодолимое желание увлечь ее на ближайшую кровать и овладеть ею.

Что же в Кире Мельбурн так влечет его? Неужели это осознание того, что она принадлежит Джеймсу?

Гевин тряхнул головой и запустил пальцы в короткие влажные волосы. Никогда раньше запретное не было для него соблазнительным. Разумеется, если бы кузен выбрал женщину с очарованием и живостью, скажем, Гонории Бейклиф, Гевин сомневался, что стал бы метаться по комнате как мартовский кот.

Значит, это что-то в самой Кире влечет его. Но что?

Мозг услужливо представил ему ее изображение: нерешительная улыбка в первый день их знакомства; гневная поза, когда он спросил ее о дяде, которого она никогда не видела; вдруг ожившее лицо, когда его пальцы случайно прошли по ее груди; невинное выражение лица, когда он наблюдал за ней за обедом; забота в глазах, когда она подавала свою шаль тете Кэролайн, чтобы прикрыть разорванный шов. У этой женщины было слишком много граней.

До того как она появилась, Гевин просыпался каждое утро уверенный, что его не ждут какие-либо перемены. Стабильность — вот что он всегда ценил. Перемены приносят слишком много головной боли. Временами он отказывался от нового просто потому, что старое нравилось ему слишком сильно, чтобы пробовать что-то еще. Так почему же женщина столь изменчивая и многоликая, как Кира, теперь привлекает его?

Выругавшись, Гевин вернулся к кровати и поднял с пола простыни. Все аргументы просто смешны. Он пытался и не смог найти в них хоть какой-нибудь смысл. Кира нравится ему не из-за ее изменчивого настроения. Она вообще ему не нравится. У нее привлекательное тело, так что его желание вполне объяснимо. Такое отношение мешает, да: он хотел ее слишком сильно и слишком часто. И все же он найдет способ сдержать свое обещание, данное тете Кэролайн, и изгнать мисс Мельбурн из их жизни. Он должен. А когда она уйдет, Гевин забудет ее, и жизнь вернется в обычную предсказуемую колею.

Кира едва успела закончить одинокий завтрак в своей комнате, когда горничная, постучав в дверь, сообщила, что герцог желает немедленно встретиться с ней в его кабинете.

Ах, он желает? А вот у нее нет ни малейшего желания угождать ему. Ничего хорошего не случается, когда они остаются наедине. Обычно он оскорбляет ее — и все время смотрит чересчур пристально. Она многое читала в его взгляде, но чаще всего это было неодобрение. Особенно ее раздражал момент, когда он вдруг схватил ее за руку и привлек к себе — от шока и трепета единения, которые она почувствовала тогда, ее гнев вдруг улетучился. Хуже того, по его взгляду было видно, что он чувствует то же самое. Эти безжалостные темные

глаза не отрывались от нее, говоря о чем-то столь неистовом, что Кира будто приросла к полу.

Уставившись в окно на пышные пестрые цветы под пасмурным небом, Кира поймала себя на том, что определяет сорта цветов — плетистые розы тут, розовый кизил там, львиный зев рядом с фонтаном — все, что угодно, лишь бы избавиться от Кропторна. Он не нравился ей, она не доверяла ему и не хотела снова оставаться с ним наедине.

Решив, что этот одиозный человек может подождать, Кира достала томик стихов, который принесла из библиотеки, и стала читать. Она уже потеряла счет страницам, которые перевернула, когда услышала настойчивый стук в дверь.

— Да?

— Мисс Мельбурн, я бы хотел поговорить с вами.

Итак, герцог сам пришел к ней. Она спокойно отметила про себя, что он определенно недоволен.

— Вы имеете сообщить мне что-то новое, помимо нашего последнего разговора в музыкальной комнате? Если нет, должна признаться, у меня нет желания снова выслушивать ваши оскорбления.

Герцог молчал. Кира представила, как по ту сторону двери он скрипит зубами от злости, и улыбнулась.

— На самом деле мне есть что сказать. Надеюсь, мы можем поговорить об этом в более приватной обстановке?

Кира посмотрела на прочную белую дверь, отделяющую ее от герцога. Ей в самом деле не хотелось видеть его. Он ясно дал понять, что презирает ее, но если ему действительно хочется сказать что-то новое, что-то доброе, возможно, она должна выслушать его, в то время как открытое пренебрежение уж точно не поможет убедить герцога принять ее брак с Джеймсом.

Она вздохнула, уступая.

— Я спущусь через несколько минут.

— Я буду ждать вас в моем кабинете.

Звук удаляющихся шагов сказал ей, что он отошел от двери, и Кира закрыла глаза. Почему она позволяет такому ограниченному, такому неприятному человеку расстраивать себя? Почему вообще обращает на него внимание?

Понимая, что не может больше оттягивать неизбежное, девушка отложила книгу и направилась в логово герцога.

Когда в ответ на короткий стук герцог пригласил ее войти, Кира неохотно открыла дверь. Она никогда не была в этой комнате, весьма подходившей ему: темной, но с намеком на элегантность и богатство. Ореховые панели покрывали стены, массивный письменный стол красного дерева возвышался, как барьер между посетителем и хозяином кабинета. Аккуратные ряды полок закрывали стену за спиной герцога, обрамляли тяжелые зеленые драпировки, которые были задернуты и пропускали лишь узкую полоску утреннего солнца.

— Прошу вас, садитесь. — Герцог указал на кресло в стиле Георга Третьего, стоявшее перед его столом.

Кира села и посмотрела ему в лицо. Она не доверяла закрытому, властному выражению, постоянно сохранявшемуся на нем. Что бы он ни хотел сказать, это, без сомнения, будет неприятно.

— Ваша светлость, я...

Герцог поднял свою большую руку, останавливая ее.

— Во-первых, позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы вчера сделали. Вы пришли на помощь моей тете, и за это я перед вами в долгу.

Слова были добрыми, и они удивили Киру, но почему-то она сомневалась, что он позвал ее сюда только чтобы поблагодарить.

— Рада была помочь.

Кропторн ответил ей легким кивком.

— Есть еще одно важное дело, которое мы должны обсудить. Я понимаю, что обидел вас во время нашей последней встречи. Уверен, вы сочтете это странным, но я не имел в виду ничего личного. Как глава семьи я защищаю тех, кого люблю, и все еще не верю, что Джеймсу будет полезна женитьба на женщине, о которой станут перешептываться его прихожане.

Кира попыталась возразить, но он остановил ее кивком головы.

— Поверьте, я не осуждаю вас...

В этом Кира очень сомневалась.

— Циркулирующие о вас сплетни, не важно, правдивы они или нет, немедленно нанесут моей семье вред, вы должны понимать это. Уверен, вы станете совершенно очаровательной женой — для кого-нибудь другого.

Кажется, он полагает, что выразил свои мысли, не оскорбив ее. Какой болван! И конечно, он поверил сплетням о ней. Раньше это просто злило Киру, но теперь стало причинять ей боль, возможно, потому, что дурное мнение о ней герцога было единственным, что могло встать между ней и одобрением, которое сулил ей брак с Джеймсом. Она так хотела, чтобы он поверил в ее невиновность! Увы, герцог был не из тех, кто способен доверять другим людям.

— Рискую повториться, но я уже говорила вам раньше, что стану образцовой женой вашему кузену. Со временем злобные сплетни прекратятся, и тогда прихожане Джеймса поймут, что...

— Что вы образец английской добродетели? — Герцог с вызовом поднял бровь. — Позвольте мне не согласиться.

В груди Киры снова закипел гнев.

— Я ничуть не меньше люблю Англию, чем вы.

Кропторн с сомнением посмотрел на нее, затем молча достал из ящика стола лист бумаги и, взглянув на него, удовлетворенно кивнул. Потом он положил бумагу на стол передней.

Кира помедлила, неуверенно глядя на герцога: его лицо казалось холодным, словно вырезанным из камня... и все же она не могла отрицать, что он был воплощением мужского совершенства. Его глаза казались мрачно непроницаемыми, полные губы были плотно стиснуты.

Их взгляды встретились. И время как будто остановилось, Кире показалось, что дыхание покинуло ее тело. Она услышала один удар своего сердца, потом другой. В его глазах пылал огонь; она была почти уверена в этом и густо покраснела, но герцог тут же отвел глаза.

— Прошу вас, взгляните на это. — Едва заметным поворотом запястья он указал на бумагу, лежащую перед ней на полированном столе.

Со странным трепетом Кира подчинилась. Развернув прямоугольный листок бумаги, она увидела, что это банковский чек, выписанный на ее имя на сумму в десять тысяч фунтов.

Деньги?

Боясь, что она слишком хорошо его поняла, Кира подняла глаза на герцога.

— В этом мире каждый чего-то хочет. Чего бы вы ни захотели, этого должно быть достаточно, чтобы удовлетворить ваши желания. Взамен я прошу вас сегодня же оставить Джеймса.

Боль пронзила Киру. Оказывается, герцог думает о ней настолько плохо, что предлагает ей целое состояние, только чтобы предотвратить ее свадьбу с его кузеном. Что ж, по крайней мере, он не солгал, с иронией подумала она, не повторил свои прошлые оскорбления. Теперь он оскорбил ее гораздо сильнее. Вместо того чтобы считать ее просто распущенной полукровкой, на что намекал раньше, теперь он считал ее еще и вымогательницей.

Слезы жгли ей глаза, комом стояли в горле, но она проглотила их. Его светлость не разрушит счастье, которое уже так близко. Низкое мнение одного человека — не важно, насколько он красив и как сильно она реагирует на него — не имеет для нее значения. Его успех означал бы ее неудачу, но она зашла слишком далеко и слишком сильно хотела не позволить этого.

Медленно поднявшись, Кира взяла в руки чек и разорвала его пополам.

— Своим подкупом вы только еще сильнее оскорбили меня. Так знайте: у вас не хватит денег, чтобы вычеркнуть меня из жизни вашего кузена, потому что нет такой цены, которой можно перекупить достойное будущее.

В этот момент лицо герцога показалось бы ей комичным, если бы она не была так разъярена.

— Никогда не поверю в это. — Герцог резко поднялся, и Кира тоже встала, вызывающе глядя на него.

— Попробуйте поверить. В таком случае, когда завтра в церкви объявят о моем браке с вашим кузеном, вы не будете чересчур удивлены.

На следующий день действительно состоялось церковное оглашение помолвки. Кира была довольна, даже несмотря на то что никто из прихожан после церковной службы не заговорил с ней, — ее мечта осуществится, когда они с Джеймсом придут в Танбридж-Уэллс как муж и жена. Однако то, что Кропторн и миссис Хауленд после службы держались в стороне, расстроило ее — больше из-за Джеймса, чем из-за себя. Они ведь все равно не смогут вечно отрицать реальность. Кира понимала, что думает семья ее жениха; герцог ясно выразил их мнение. А вот Джеймс, хотя и ненавидел распри почти так же сильно, как она, изо всех сил старался защитить ее от отвратительных сплетен. Он действительно оказался хорошим 74 другом.

— Сделайте глубокий вдох и верьте — все будет хорошо. — Внимательный взгляд Джеймса коснулся ее, когда он помогал ей выйти из экипажа в благоуханную ночь.

Кивнув, Кира взяла его под руку, и они пошли к величественному дому Бейклифов. Дариус шел позади, и его молчаливое присутствие поддерживало ее. Впереди них герцог, элегантно и в то же время пугающий в своем черном фраке, ведя под руку тетюшку.

Страшный вечер ассамблеи у Бейклифов наступил. Кира всегда признавала, что боится оказаться в центре всеобщего внимания, и вот теперь, когда состоялось объявление о ее свадьбе, ей предстоит стать предметом обсуждения для всех собравшихся. Зная это, она хотела остаться вечером в Норфилд-Парке, но Джеймс и Дариус убедили ее, что ей нельзя не присутствовать, поскольку она должна показать всем и каждому, что ей нечего стыдиться.

Оказавшись внутри, Кира поняла, что они приехали довольно поздно. Танцы уже начались, и запах духов и напитков висел в тяжелом, влажном воздухе, несмотря на открытые ночному бризу окна. Гости собрались в Голубой комнате и обмахивались веерами, пока чья-то молоденькая дочь играла на фортепьяно.

Когда Кропторн и миссис Хауленд вошли, шум голосов превратился в негромкое гудение. У Киры сжалось сердце, но Джеймс почти втолкнул ее в комнату вслед за ними. Как она и ожидала, как только они переступили порог, все разговоры словно по команде прекратились.

Тем не менее Джеймс тут же как нив чем не бывало представил ее мистеру Бейклифу, смешно одетому мужчине, который, видимо, был много добрее, чем его жена. Девушка закрыла глаза, жалея, что ей негде спрятаться.

— Мисс Мельбурн, попробуйте расслабиться, — подбодрил ее Джеймс. — Помните, ваша доброта сияет в вашей улыбке. Улыбнитесь, и люди увидят в вас свет.

Ах, если бы она могла быть хотя бы в половину так оптимистична, как Джеймс! Вот только вряд ли кто-либо здесь забудет о ее репутации. Однако ради Джеймса она все же постарается выглядеть счастливой.

— Да, так гораздо лучше. Успокойтесь, и все будет хорошо. — Джеймс тоже улыбнулся и, положив руку Киры себе на локоть, повел ее к миссис Бейклиф, стоявшей неподалеку от них в пышно украшенном кружевами платье. Кира поморщилась.

— Я бы предпочла не давать вашей соседке возможности снова меня оскорбить, — прошептала она.

— Мисс Бейклиф хозяйка этого вечера. Мы должны поприветствовать ее.

Судя по взгляду, которым Кира посмотрела на Джеймса, она была не вполне согласна с

ЭТИМ.

— Я понимаю ваши чувства. — Джеймс вздохнул. — В жизни нам придется встретиться с другими такими же, как она, кто еще не обрел в себе христианскую терпимость. Тем более мы должны быть стойкими.

И все же тревога пересилила самообладание Киры.

— А нам обязательно быть стойкими именно сейчас?

Во взгляде Джеймса проскользнул мягкий упрек, когда он подвел ее к хозяйке.

Украшенная оборками и кружевами, подчеркивающими ее пышный бюст, миссис Бейклиф держала в одной руке кружевной платок, а в другой бокал шерри. Когда она обернулась, ее взгляд наткнулся на Киру и Джеймса.

Они приблизились к ней, и гостеприимное выражение сразу исчезло с лица почтенной дамы; она опустила глаза, потом посмотрела в сторону и устремила в другой конец зала, делая вид, что спешит к Гонории и ее партнеру по танцу.

Унижение удушливой волной окутало Киру. Быстрый взгляд по сторонам подтвердил ее худшие опасения — все присутствующие заметили то, что сейчас произошло. Каждая пара глаз, казалось, сверлила ее, унижая и осуждая. Кровь прилила к лицу девушки. Согласие бежать с лордом Венсом, разумеется, было ошибкой, но почему никто не может поверить, что она извлекла из этого урок?

— Миссис Бейклиф, вероятно, не увидела нас. — Джеймс обратился к ней тем же добродушным тоном, которым он разговаривал с обеспокоенными прихожанами у нее дома, в Суффолке. Но вместо того чтобы, как тогда, несколько недель назад, успокоить, теперь его голос раздражал ее. Она ведь не просто еще одна ждущая утешения душа, а его невеста. В этот момент Кире хотелось чего-то большего, чем призыв ничего не замечать вокруг. Она хотела утешения и еще... хотела уйти.

— Кира, ты хорошо себя чувствуешь? — Брат, выйдя из угла, в котором находился с момента их приезда, заботливо смотрел на нее.

— Я считаю, что мне лучше уйти. Миссис Бейклиф...

— Пожалуйста, — попросил Джеймс, — подождите еще немного. Вы только что приехали, и миссис Бейклиф — это еще не весь свет. Не позволяйте ей испортить вам вечер.

Джеймс всегда был оптимистом, и Кира уважала его за это, но сегодня она не могла согласиться с его идеализмом. И все же ради Джеймса она попытается.

— Хорошо, я останусь.

— Ты уверена? — Дариус беспокойно смотрел на нее.

Кира неуверенно кивнула.

Замечательно. Джеймс улыбнулся:

— Вот и славно! У меня такое чувство, что все у нас получится. Надеюсь, матушка поможет нам сгладить неловкость. — Джеймс повернулся, но Кира поспешно схватила его за руку.

— Нет!

— Да, — возразил он, и светлые волосы по-мальчишески упали на его лоб. — Она не захочет, чтобы с вами так плохо обращались теперь, когда все знают, что я намереваюсь сделать вас частью ее семьи.

Но Кира знала, что миссис Хауленд не оценит и не выполнит такую просьбу, так же как и Кропторн, поэтому сильнее сжала его руку.

— Пожалуйста, не вовлекайте в скандал вашу семью. Оставьте все как есть.

Джеймс медлил, его голубые глаза испытующе смотрели на нее. Наконец он со вздохом уступил:

— Как пожелаете. Тогда я представлю вас некоторым другим нашим соседям.

Удовлетворенный тем, что напряжение начало спадать, Дариус опять удалился в свой угол, где несколько местных девушек разглядывали его с явным любопытством. Тем не менее он едва смотрел в их сторону и даже не думал поощрять краснеющих девиц улыбкой. Кира было больно за него. Опыт научил их обоих, что людей со смешанной кровью не принимает ни та, ни другая культура, и она понимала, что связанный с ней скандал никак не поможет Дариусу чувствовать себя более комфортно в будущем. Как бы она хотела изменить все это — хотя бы для него...

Когда они с Джеймсом шли по залу, Кира чувствовала, что все взгляды устремлены на нее, и поэтому вздохнула с облегчением, когда они, наконец, добрались до соседней комнаты, заполненной играющими в карты и весело смеющимися гостями.

Кира остановилась на пороге позади Джеймса и, заглянув через его плечо, увидела примерно пятнадцать человек, сидящих небольшими группками за многочисленными столами. Найдет ли она здесь друзей?

— Вы видели ее? — спросила сидящая по соседству рыжеволосая матрона в шляпке с павлиньим пером. — Неужели она действительно считает, что помолвка с мужчиной, даже таким прекрасным, как мистер Хауленд, заставит нас поверить, что она не распутница?

Этот вопрос потряс Киру.

Другая дама, высокая узколицая брюнетка за тридцать в светло-коричневом платье, бросила карту на стол.

— Я скорее поверю, что Георг Четвертый все еще жив.

Услышав это, две другие женщины за карточным столиком весело расхохотались.

Кира не верила своим ушам. Они что, думают, что у нее совсем нет чувств? Или им просто все равно?

— Их мнение не имеет для нас значения, мисс Мельбурн, — прошептал Джеймс ей на ухо. — Они не понимают...

— Когда я смотрю на нее, у меня нет сомнения, — прошептала рыжеволосая, — что она, безусловно, способна провести два дня в постели с лордом Венсом — или с любым другим лордом, который этого захочет. Лорд Венс описывал моему мужу все неделикатные вещи, которые делала мисс Мельбурн! И она выглядит именно как женщина, которой нравятся такие вещи.

Кира вспыхнула. Ложь лорда Венса, все ее оскорбительные детали достигли даже этого уголка Англии; теперь она не могла делать вид, что это незначительные сплетни или что миссис Бейклиф просто настроена против нее. В глазах всей Англии она была падшей женщиной.

Примет ли ее кто-нибудь в Танбридж-Уэллсе? И что она будет делать, если этого не случится? Кира схватилась за плечо Джеймса, словно ища поддержки.

Женщины не видели ее, но было ясно, что им все равно, что их могут услышать, и они так жестоко поносят ее, на самом деле даже не зная, о ком говорят.

— Вот именно, сестра. — Маленькая брюнетка в оранжевом платье решительно закивала. — Я ничуть не удивлюсь, если узнаю, что она скакала с лордом Венсом, как обыкновенная проститутка. Думаю, этого следовало ожидать. Ее мать, вероятно, выросла в гареме и многому научила ее.

Боже, при чем тут мать? К тому же в Раване не знали гаремов.

В следующее мгновение Кира почувствовала на себе тяжелый взгляд и, подняв глаза, увидела, что герцог внимательно наблюдает за ней, сидя за столом неподалеку от четырех женщин с картами в руке и стоящим около локтя бокалом. Его лицо казалось мрачным, и между темными бровями залегла глубокая складка.

Оказывается, он слышал все эти инсинуации, видел ее жестокое унижение! О, как он, должно быть, злорадствует! Кира почувствовала, что ненавидит его за это, она с трудом боролась с нахлынувшими слезами.

Джеймс обернулся к ней и попытался увести ее, но Кира не могла двигаться.

— Идемте со мной, мисс Мельбурн. — Джеймс потянул ее за руку. — Мы найдем кого-то другого, с кем можно общаться.

— Нет, — прошептала она, ощущая одновременно и гнев, и боль, и стыд.

— А этот рот! — Узколицая женщина за столом застонала, как будто испытывала отвращение. — Она словно рекламирует свой товар каждый раз, когда улыбается.

— И даже когда дышит, Господи прости! — воскликнула другая.

— Их мнение ничего не значит. Они не знают вас. Подставьте другую щеку. — Тон Джеймса был так же настойчив, как выражение его лица.

Когда женщины рассмеялись, Кира взглянула на Кропторна и увидела, что он все еще смотрит на нее. В его лице она не смогла найти ничего человеческого — ни жалости, ни удивления, ни хотя бы снисхождения. Боже, какое унижение! Ну нет, она не позволит каким-то ничтожествам безнаказанно оскорблять себя.

Изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, Кира вырвала свою руку из руки Джеймса и подошла к столу злобной четверки.

— Добрый вечер, дамы!

Сплетницы вмиг замолчали и вскинули на нее глаза, но только у одной хватило совести отвести взгляд. Комната вокруг них, казалось, замерла; все внимание сосредоточилось на предмете последних сплетен.

Кира сделала глубокий вдох.

— Кажется, вас неверно информировали обо мне, так что надеюсь, вы уделите мне минуту. Все-таки жаль, что умные, хорошо воспитанные женщины могут поверить мерзкой лжи, которую наглый повеса рассказывает своим ничего не подозревающим слушателям.

— Послушайте, вы... — прошипела рыжеволосая.

— Да, что там еще, гарем? — Кира рассмеялась. — Уверяю вас, в Загросских горах нет ни одного дворца, в котором имелся бы гарем. Народ моей матери проводит гораздо больше времени в поисках воды, борясь с силами природы, чтобы прожить еще один день. Меня никогда не учили быть распутной, наоборот, исламские законы не позволяют женщинам даже показывать лицо на публике, не говоря уже о самой малой части груди. — Она многозначительно посмотрела на опасно глубокое декольте брюнетки.

Джеймс уже был около нее и, взяв за локоть, попытался увести. Поблизости Кропторн бросил карты и стоял, готовый к любым действиям. В его темных глазах горело предостережение, но Киру уже ничего не могло остановить. Раз он разделяет их мнение, пусть теперь хоть повесится.

— Что касается моего рта — неужели вы считаете, что черта, данная мне от рождения, действительно может определять склонность к распутству? Столь образованные дамы должны бы лучше разбираться в таких вещах.

Рыжеволосая встала и вытянулась в полный рост, оказавшись на добрых шесть дюймов ниже Кириных пяти футов шести дюймов. Лицо ее с поджатыми губами было полно ненависти.

— Лорд Венс — богатый, уважаемый аристократ, и не пристало женщине сомнительного происхождения использовать свою так называемую добродетель, пытаясь обманом заполучить мужа настолько выше себя по положению. Для всех уважаемых людей вы грубы и невоспитанны. Никто, и в том числе миссис Бейклиф, не хочет, чтобы вы присутствовали здесь.

Кира знала это, еще когда переступила порог, и все же ей было больно слышать правду, высказанную так резко и так публично. Новая волна унижения пронзила ее, и все же она гордо подняла подбородок.

— Тогда пусть каждый найдет для себя счастливый компромисс, потому что у меня нет желания находиться в обществе таких ограниченных невежд. — Не обращая внимания на возмущенный вздох рыжеволосой, Кира развернулась и вышла из комнаты. Позади она слышала потрясенную тишину, за которой тут же последовал гул возбужденных голосов.

С трудом одолев маленький бальный зал, Кира нашла задрапированную стеклянную дверь и вышла в прохладную ночь.

Умиротворяющие звуки ночи не успокоили ее. Сад внизу был совершенно свободен от гостей и манил своей пустотой. Она вняла его зову и пошла по петляющей дорожке в изобилие весенних цветов, остро пахнущих в темноте. Наткнувшись на скамью, Кира упала на нее и закрыла лицо руками.

О, она поступила очень плохо. Наверное, Джеймс был прав; ей следовало подставить другую щеку, но она оказалась не в силах выносить столько ложных обвинений, сыплющихся на нее день за днем, от соседей в Суффолке, от миссис Бейклиф, от миссис Хауленд и, что хуже всего, от самого герцога. Ей досталось гораздо больше, чем могли вынести ее нервы, и сегодня она отказалась делать вид, что ничего не слышит и не видит.

Из глаз хлынули слезы, и она позволила им пролиться горячими потоками по щекам. Сегодня она уступит боли, но завтра снова поднимется и найдет способ победить несправедливость лжи лорда Венса и... своей персидской крови...

Гевин заметил, что Кира ушла в сад Бейклифов, и направился к двери. Джеймс последовал за ним.

Герцог был чертовски зол. Теперь, когда все знали, что Кира — невеста Джеймса, это могло плохо отразиться на всей семье. Вспышка Киры только ухудшила дело.

И все же главной причиной его ярости было выражение боли на ее прекрасном лице.

Дойдя до двери, Гевин решил, что он вряд ли поступает правильно. Наверняка мисс Мельбурн действительно так распутна, как и объявила всем леди Беккер в карточном салоне, поэтому очень глупо развивать в себе симпатию к врагу. Из-за Киры Мельбурн соседи сегодня холодно приняли тетю Кэролайн. Он должен сконцентрироваться только на этом — и на действиях, необходимых, чтобы убрать Киру из Норфилд-Парка и их жизни.

— Гевин, почему ты медлишь? — окликнул его Джеймс. — Если ты не собираешься пойти на улицу и утешить мисс Мельбурн, тогда уйди с дороги и позволь это сделать мне.

Но если красавицу утешить, она только больше укрепитя в желании остаться. Этого он не мог допустить.

— Нет, Джеймс, лучше мне пойти одному. Подумай, если ты, ее жених, пойдешь в сад, чтобы поговорить с ней, это вызовет только еще больше пересудов. Я могу привести ее к

кажете, если ты вызовешь экипаж и найдешь свою мать, — тогда мы сможем уехать меньше чем через четверть часа. Согласен?

Кузен колебался, и для этого была причина: аргументы Гевина звучали не слишком логично. Гевин был уверен, что злые языки еще больше разойдутся, если он проведет время наедине с Кирой Мельбурн.

Но у него была совсем другая цель, а не утешение Киры. Он должен был использовать любую возможность, чтобы заставить ее исчезнуть.

— Ну... если ты так считаешь. — Джеймс с нерешительным видом пожал плечами.

— Да, я так считаю. Найди тетю Кэролайн.

Прежде чем Джеймс успел сказать что-то еще, Гевин вышел наружу и направился по извилистой дорожке среди буйно цветущих кустов в глубину сада, составлявшего предмет гордости и удовольствия миссис Бейклиф.

Он шел медленно, прислушиваясь, и скоро услышал тихие всхлипы.

Еще несколько шагов привели его к витой железной скамье рядом с бронзовой статуей полуобнаженного купидона. Кира сидела там одна.

Облака над ними разошлись, и лунный свет серебром хлынул на нее. Она, казалось, сама излучала сияние. Его кровь закипела. Что же в этой женщине заставляет его так отчаянно желать ее?

Когда Гевин увидел, что ее, плечи дрожат, и снова услышал ее плач, у него сжалось сердце. Он мог поклясться, что в ее слезах слышал одиночество.

Решимость вдруг покинула его. Он здесь затем, чтобы воспользоваться моментом слабости Киры и убедить ее, что жизнь не станет для нее легче, если она сделается женой Джеймса.

И все же он медлил. Проклятие, но почему же?

Кира снова всхлипнула, обнимая себя руками, как будто никто в целом свете не обнял бы ее, и, с заплаканным лицом, подняла голову, чтобы вытереть слезы. И тут она увидела его.

Мгновенно выражение ее лица сменилось с несчастного на обвиняющее. Гевину не понравилось, что девушка закрылась от него так быстро, так легко. Конечно, после того как он изо всех сил старался изгнать ее из семьи, трудно было бы ожидать чего-то другого, но...

— Вы пришли, чтобы позлорадствовать? — с вызовом спросила Кира.

— Нет.

“Давай. Скажи это сейчас! Скажи, что ей здесь не место”.

И все же он молчал.

Кира стерла слезу со щеки и вопросительно посмотрела на него:

— Чего вы хотите?

Ну, вот еще одна возможность, даже лучше, чем предыдущая, убедить упряmicу отказаться от помолвки и уехать. Пора, наконец сказать хоть что-нибудь!

И все же, когда Гевин заглянул в ее покрасневшие глаза, он просто не смог причинить ей новую боль — и не просто потому, что хотел ее. Леди Беккер и ее сестра уже сделали достаточно. Несмотря на идеальную возможность довести до конца свою линию, ему казалось несправедливым, даже отталкивающим, причинить ей сейчас еще больше боли.

— Джеймс беспокоится о вас, — наконец выдавил из себя Гевин, когда смог разжать зубы. — Он распорядился подать карету к подъезду, чтобы мы могли уехать.

Подозрение и удивление одновременно отразились на ее прекрасном лице.

— Благодарю вас.

Кира выглядела как смуглая богиня, посланная на землю, чтобы искушать его, и в это мгновение Гевину мучительно захотелось коснуться ее, коснуться нежной кожи ее шеи, ее щедрого рта, пленительной пышности ее груди. Он сжал кулаки, чтобы удержать руки при себе. Ему определенно следовало перестать быть чертовым дураком; но он был и оставался дураком во всех смыслах.

Одно он знал точно: ему надо поскорее убраться отсюда. Чем дольше он остается в саду наедине с Кирой, тем больше у него возникает неуместных мыслей.

Гевин так ничего и не сказал ей. Он просто коротко кивнул и ушел, проклиная себя при каждом шаге.

Во время напряженного возвращения в Норфилд-Парк Дариус смотрел на сестру, из всех сил старавшуюся выглядеть так, будто события этого вечера никак не задели ее, но то, как она сжимала губы и с какой силой сцепила пальцы на коленях, говорило ему, что она борется со слезами.

Никто в карете не заговаривал с ней. Округлый подбородок миссис Хауленд заострился от гнева. Джеймс казался удивленным неожиданной вспышкой Киры. Дариус знал, что такие происшествия редки, но у его сестры сильный характер, особенно если на нее надавить.

Герцог продолжал в задумчивом молчании наблюдать за мисс Мельбурн; его взгляд ни на мгновение не отрывался от нее, и Дариусу это не нравилось. Герцог может не одобрять его сестру как невесту своего кузена, но он явно хочет ее для себя. Дариус читал вожеление в темных глазах Кропторна и знал, что герцог поверил всему самому худшему о Кире, и боялся, что она не имеет защиты перед ним. Что-то в ее взгляде, когда она смотрела на герцога, говорило ему это.

Карета остановилась перед Норфилд-Парком, и Дариус, выйдя вслед за миссис Хауленд, повернулся, чтобы помочь Кире. Прежде чем Джеймс — или, того хуже, герцог — вызовется проводить ее внутрь, Дариус решил сделать это сам. Им нужно поговорить.

Джеймс выглядел так, будто хотел обратиться к невесте, но Дариус не подпустил его к ней, ничуть не чувствуя себя виноватым и считая, что защищает свою мягкосердечную сестру.

В конце концов, они остались наедине в ее комнате, отделанной в элегантных и в то же время женственных тонах розового, кремового и золотого. Кира заслуживала того, чтобы ее окружал такой комфорт. Он надеялся, что брак с Джеймсом когда-нибудь даст ей это и невзгоды однажды покинут ее.

Кира села на обитый бархатом табурет перед туалетным столиком и подавленно посмотрела на него.

— Что ж, это определенно был веселый вечер.

Дариус пожал плечами.

— Но ты еще перед отъездом знала, что тебя ждет.

— Верно. — Девушка нахмурилась. — Я наговорила слишком много. Мне следовало уйти.

— Что сделано, то сделано. С одной стороны, я даже рад, что ты сказала хоть что-то в свою защиту. — Дариус криво усмехнулся. — Однако я бы предпочел сказать это чуть более деликатно.

Кира улыбнулась:

— Да, но ты гораздо более благоразумен, чем я. — Ее улыбка тут же померкла, и она

посмотрела на него умоляющими глазами. — Я чувствую себя такой несчастной; их слова были так ужасны и так незаслуженны. Это все чрезвычайно несправедливо, и я просто не смогла больше выносить их болтовню.

— Да, я знаю.

Вздохнув, Кира наклонилась и сняла туфли. — Он считает, что я должна была подставить другую щеку.

Боль в глазах Киры разозлила Дариуса.

— Это всего лишь его мнение. Кроме того, как священник он должен поступать именно так.

— Верно. — Ее опущенный взгляд словно прилип к цветистому ковру под ногами. — Думаю, когда мы поженимся, мне тоже придется научиться подставлять другую щеку.

— Видимо, придется. Но ты, возможно, ожидала большего от мистера Хауленда?

Кира помедлила.

— Да. Конечно, это глупо. Джеймс считает, что было бесполезно возражать этой рыжей ведьме и ее подругам, но мне хотелось, чтобы он сказал что-нибудь в мою защиту.

— Я понимаю.

— А я нет. Я такая неблагодарная, что говорю это. — Девушка вздохнула. — Джеймс готов жениться на мне, чтобы исправить вред, нанесенный лордом Венсом моей репутации, а это большой риск для его профессионального статуса. Он ни разу не спросил меня, действительно ли я делила постель с Венсом, а просто решил, что нет, потому что я, как он выражается, “хороший человек”. И вот теперь я спрашиваю, почему он не защитил меня от кучки сплетниц, которые так старались причинить мне боль. — Кира закрыла глаза рукой и заплакала.

Учитывая, что живущая в Персии мать не интересовалась своими христианскими детьми, а отец постоянно путешествовал по всей земле — сейчас он был на Цейлоне, если верить его последнему письму, — всю семью Дариуса и Киры составляли только они сами, и Дариус был полон решимости защитить сестру. Говоря по правде, он хотел спасти ее, доказать ее невинность, если это еще возможно.

Дариус встал и, подойдя к сестре, опустился перед ней на колени. Взяв ее ладони, он почувствовал, что она дрожит.

— Все кончится хорошо. Вот увидишь.

Кира с благодарностью посмотрела на него, в ее синих глазах стояли слезы. Вот и Дариус опять страдает из-за нее.

— Думаешь, это когда-нибудь станет возможно?

Молодой человек кивнул.

— Я знаю это. А теперь постарайся уснуть. Завтра все будет казаться не таким мрачным. Так всегда бывает.

— Ты прав. Спасибо. — Она улыбнулась брату дрожащей улыбкой, и он поцеловал ее в лоб. — Завтра мы поговорим еще, если захочешь.

Сказав это, он вышел и направился в комнату для гостей, где, закрыв дверь, начал ходить взад-вперед по сине-зеленому ковру, иногда взглядывая в ночь за окном, снова и снова продумывая путь, который приведет сестру к счастью, а лорда Венса — к гибели.

— Что происходит? — спросила тетя Кэролайн Гевина через минуту после их возвращения домой с вечера у Бейклифов. — Есть ли у тебя прогресс с этой... женщиной? Сегодняшний вечер был просто убийственным, а она, похоже, все так же полна решимости

выйти за Джеймса, несмотря на то что этим втопчет его имя в грязь. И зачем? Она ведь не любит Джеймса.

Тут тетушка упала на диван и разрыдалась. Гевин смотрел, как оранжево-золотые отблески огня играют на ее чуть тронутым морщинами лице. Вздохнув, он потер ладонью лоб, чтобы избавиться от боли, и, сев рядом с ней, неподвижно уставился на огонь.

— Мисс Мельбурн тверда в желании выйти за Джеймса. Я приложил все усилия, чтобы показать ей тот вред, который принесет ему их союз.

“Но сегодня вечером я не смог воспользоваться ее моментом слабости. Почему?”

Тетя Кэролайн округлила глаза.

— Вряд ли ее это волнует. Она совсем не заботится о нем!

Гевин вздохнул. Тетя, конечно, говорила немного театрально, но он понимал, какие чувства владеют ею: страх за сына, за семью и за то, что сплетни скоро поглотят их, если не удастся как-то убедить Киру Мельбурн разорвать помолвку. Он хотел, чтобы она уехала, и по своим собственным причинам, желая рассеять чары вожделения, охватившие его, как лихорадка.

— Я даже предложил ей десять тысяч фунтов за то, чтобы она уехала, — признался он.

На лице Кэролайн отразилось удивление.

— Мисс Мельбурн не взяла их?

— Она категорически отказалась от денег.

Гевин был вынужден признать, что это все еще удивляет его. Каждый хочет денег; почему мисс Мельбурн должна быть другой? И все же она была другой. Она продолжала снова и снова потрясать его этим.

— Наверное, она отказалась, чтобы потребовать больше, — с горечью произнесла тетушка.

— Вовсе нет. Она заявила, что никакие деньги не заставят ее покинуть Джеймса.

— Правда? — Кэролайн удивленно заморгала. — Полагаю, она считает, что брак с таким благородным человеком, как мой сын, каким-то образом искупит ее прискорбное поведение с лордом Венсом. Только это может быть причиной.

Гевин кивнул. Предположение тети Кэролайн довольно разумно, но только если мисс Мельбурн настолько наивна, чтобы считать это возможным.

— А ты разговаривал с Джеймсом? — спросила тетушка.

— Как вы и сказали, он очень упрям в этом вопросе.

Похоже, тетя была готова окончательно пасть духом; ее глаза снова наполнились слезами.

— Ты сказал ему, почему мы считаем ее таким плохим выбором?

— Я приложил все усилия, чтобы убедить Джеймса, что она не подходит ему ни по характеру, ни по положению, ни по его статусу священника, но он остался непоколебим.

— Ты напомнил ему, что она невоспитанная шлюха?

Гевин прочистил горло, уверенный, что тетя не сможет понять, почему кузен считает такие суждения оскорбительными. Конечно, вопрос, который он задал Джеймсу вместо этого, был не менее унижительным — и доказал, что не менее эффективно вызывает в нем вспышку упрямства.

— Я спросил его, что он почувствует, если однажды застанет свою жену в постели с другим мужчиной. Естественно, он отказался поверить, что мисс Мельбурн обнаружит такое отсутствие морали и благоразумия.

— Она разрушит его жизнь! — Тетя Кэролайн снова начала всхлипывать. — Она разобьет его нежное сердце и сделает его посмешищем в Танбридж-Уэллсе — и в церкви. Джеймс верит в лучшее в ней, она же может принести только худшее. Почему мы не можем заставить его понять это?

Слезы проложили влажные дорожки по ее усталому лицу. Гевин знал, что тете Кэролайн пришлось слишком многое испытать в этот день.

— Они еще не женаты, и я найду способ расторгнуть помолвку. — Он изо всех сил старался утешить ее. — Но сегодня мы больше ничего не сможем сделать. Ложитесь спать и предоставьте мне думать об этом.

Кэролайн вздохнула и опустила плечи.

— Ты такой милый мальчик, что стараешься ради меня. Надеюсь, мы скоро сможем что-нибудь придумать. Время уходит.

Кивнув, Гевин помог тете встать на ноги. Когда она протянула руки, чтобы обнять его, он тоже обнял ее в ответ. Ее хрупкая фигура еще больше напомнила ему о ее уязвимости. Ей нужна защита. Раз она в детстве дала ему приют и растила его даже в самом разгаре связанного с его отцом скандала, он должен ей по меньшей мере столько же. И если тетюшка Кэролайн хочет убрать Киру Мельбурн из жизни Джеймса, его долг осуществить ее желание.

Оставшись один, Гевин налил себе бренди и усталился на огонь, пылавший в камине. Да, у него есть все причины, чтобы выполнить желание тети, но не хватает средств сделать это. Ни чувство вины, ни деньги не трогают Киру. Логика столь же безрезультатна и применительно к Джеймсу. Смогут ли другие средства оказаться более убедительными, чтобы разделить их?

Если бы Джеймс смог увидеть родимое пятно Киры, возможно, он бы поверил, что она женщина легкого поведения... Хотя он все равно был убежден, что лорд Вене заплатил ее горничной за эту информацию, а не получил ее, когда был с ней в постели.

Проклятие. Гевин вздохнул и подошел к камину. Он должен каким-то образом доказать Джеймсу, что Кира Мельбурн недостойная женщина. Женские слезы могли убедить кузена в ее невинности; Гевин считал, что она всего лишь слишком поздно пожалела о своей выходке с Венсом. Но он сомневался, что такое раскаяние изменит ее природную склонность к неприличному поведению.

Вопрос в том, как заставить Джеймса поверить, что она настолько же распутна, как кажется. Вряд ли на кузена можно повлиять, не скомпрометировав мисс Мельбурн прямо перед его глазами.

Гевин замер, потрясенный. Мозг лихорадочно заработал, и идея начала обретать форму. Опрокинув остатки бренди в рот, он снова обдумал эту мысль, и она показалась ему превосходной.

Он устроит так, чтобы Джеймс увидел мисс Мельбурн в компрометирующей ситуации. Да. По сути, он сам соблазнит ее, а потом в нужное время организует все так, что Джеймс сможет ясно увидеть, какова на самом деле его невеста. Может быть, это будет поцелуй или, возможно, какая-то снятая деталь одежды...

Да, соблазнение — это идеальное решение.

Но как? Мисс Мельбурн питала к нему отвращение, больше того, не доверяла ему. Гевин не мог отрицать, что она умная женщина и сумеет понять его мотивы, если он вдруг продемонстрирует желание прикоснуться к ней после того, как обращался с ней с презрением, которого она, по его мнению, заслуживала. Кроме того, она доказала свою

стойкость — и даже определенную долю верности, — отказавшись принять целое состояние в обмен на отказ от Джеймса. Вряд ли она станет рисковать своей помолвкой ради пылкого свидания. К тому же если, согласившись выйти за священника, она собиралась начать с чистого листа, то будет осторожна — по крайней мере до момента, когда они провозгласят свои клятвы. И никакая женщина, если только ей не платят за услуги — а таковой Кира не была, — никогда не ляжет с мужчиной, который ей отвратителен.

Так что же ему делать?

Герцог вздохнул, размышляя над этой дилеммой. Каким-то образом он должен убедить ее отнестись к нему благосклонно, лестью и уговорами добиться ее доверия. Сделав это, он сможет увидеть истинные моральные принципы Киры — вернее, продемонстрировать их Джеймсу.

Повернувшись к двери, Гевин решил найти тетю Кэролайн и рассказать ей о своей блестящей идее, но вдруг остановился.

Какую бы цель он ни ставил, идея по своей сути была мерзкой. Чем меньше о ней знают, тем лучше. Конечно, ему нужно быть осторожным; он не хотел, чтобы его... отношения с невестой Джеймса вылились в скандал. В действительности, наверное, лучше отправить тетю в Лондон — пусть попытается сдержать сплетни там, предоставив ему здесь свободу действий.

Гевин сел на диван, чтобы в деталях обдумать свой план, который нравился ему во всех отношениях, кроме одного. Когда он думал о соблазнении Киры Мельбурн, его сердце начинало бешено стучать. Проклятие, даже ладони вспотели. Предстоящие затруднения сразу бросились ему в глаза: чтобы соблазнить ее, ему придется проводить с ней время, завоевывать ее доверие, открыть себя ее улыбкам, ее острому уму. И еще ему придется прикасаться к ней.

Пламя запылало у него в паху от мысли снова увидеть Киру Мельбурн обнаженной, дать своим рукам свободный доступ к ее телу. Хотя это не будет обязательным для убеждения Джеймса в дурном поведении его невесты, Гевин не мог отрицать своего желания полностью обладать ею. Даже мысль об этом вызывала в его теле почти непереносимую реакцию.

Сейчас, когда его вожделение уже стало достаточно сильным, его план становился особенно опасным. Но, проклятие, он абсолютно необходим! Ему придется обуздать испорченную кровь Даггетов, струящуюся по его венам, и держать под жестким контролем свое вожделение.

Беда была в том, что прежде Гевин никогда не знал более страстного влечения, чем к Кире Мельбурн, и поэтому молча признался себе, что играет с огнем.

На следующее утро Гевин подождал, пока мисс Мельбурн сядет за стол, и только после этого вошел в столовую. Поскольку Джеймс редко вставал до десяти, а тетя Кэролайн уже готовилась к отъезду в Лондон, он был уверен, что они с Кирой будут совершенно одни, и тогда осуществление его плана, наконец, начнется.

Первым делом он изменит свою роль: враг Киры превратится в приветливого друга и чуть ли не пылкого поклонника. Это заставит ее забыть об осторожности настолько, что он сможет завоевать ее доверие, узнать ее слабости. А как только он раскроет их, то сможет использовать эти слабости и соблазнить ее. Учитывая историю Киры, герцог не сомневался, что это окажется не слишком трудно. Тогда Джеймс, наконец поймет, что мисс Мельбурн не заслуживает его доброго имени.

У входа в столовую Гевин остановился, чтобы незамеченным понаблюдать за своей жертвой. Солнечный свет лился в окна, и от него темные волосы Киры сияли, словно черное дерево. Сегодня утром она казалась спокойной — ничто не напоминало женщину, плакавшую в саду накануне вечером. Серое шелковое платье оттеняло ее безмятежный профиль, а изящно вышитая муслиновая пелерина, драпирующая плечи, придавала ей вид воплощенной женственности. Кира молча ела лепешку, чашка чая стояла рядом. Задумчиво помешивая чай, она казалась совершенно такой же, как все другие женщины; ничто в ее облике не выдавало в ней искусительницу; и все же, к разочарованию Гевина, она влекла его больше, чем когда-либо. Жизненно важные части книзу от талии умоляли его уложить ее на стол и поскорее раздеть.

Внезапно он почувствовал странное нежелание выполнять свой план. Несомненно, вчера вечером мисс Мельбурн искренне страдала. Но хотя ему не хотелось ранить ее еще больше, он не мог позволить расстроиться тете Кэролайн. И не мог дать Джеймсу загубить свою жизнь.

Дискредитировать Киру, соблазнить ее — это его последний шанс предотвратить несчастье.

Гевин вошел в комнату, элегантно снял шляпу и постарался улыбнуться своей самой очаровательной улыбкой.

— Доброе утро, мисс Мельбурн.

В ответ на приветствие Кира подняла глаза. Кропторн стоял рядом с ней в темно-желтых бриджах, длинном темно-синем сюртуке и крахмальном шелковом галстуке. Одежда подчеркивала его мрачную красоту, а улыбка заставила ее взгляд задержаться на его лице.

И все же Кира продолжала смущенно молчать. Герцог поздоровался с ней и к тому же улыбнулся? Но что это означает для нее?

Она осторожно разглядывала его.

— Доброе утро. Я почти закончила есть, так что комната будет в полном вашем распоряжении.

— Вам нет нужды спешить. — Герцог положил шляпу на стол.

Так он не хочет, чтобы она поскорее ушла? Гевин положил себе на тарелку лепешку и немного джема из буфета, улыбка все еще была на месте.

— Надеюсь, события прошлого вечера не помешали вам хорошо выспаться. Леди Беккер — близкая подруга миссис Бейклиф. Я вряд ли когда-либо встречал более неприятных дам.

Кира нахмурилась. Неужели герцог действительно осуждает рыжеволосую сплетницу на вечере у миссис Бейклиф? Она снова внимательно посмотрела на него, ища хоть какой-то признак сарказма. Ничего. Как странно. Возможно, настоящий герцог в нем еще не проснулся? Нет, его взгляд выглядел даже слишком острым. Или этот человек заболел... Это имеет смысл, если не считать того, что он выглядит чрезвычайно крепким — даже величественным.

Тогда почему он не только говорит с ней, но даже ведет себя так, будто она не раздражает его больше всех на этой земле?

— Я тоже нахожу их весьма неприятными, — пробормотала она, не зная, что еще сказать. — В этом вы не одиноки.

Кропторн отодвинул стул — не стоящий во главе стола, а тот, что прямо рядом с ней, и снова улыбнулся. Его улыбка ослепляла, очаровывала. Все это выглядело очень подозрительно.

Вероятнее всего, его светлость состряпал еще одну хитрость, чтобы выбросить ее из жизни Джеймса, а поскольку она понятия не имела, как улыбка может помочь его задаче, то подумала, что лучше подождать, пока все само не обнаружится.

Кира отложила салфетку и встала.

— Благодарю вас за ваши слова о леди Беккер. Приятного вам аппетита.

Она едва успела повернуться и сделать шаг, как он окликнул ее:

— Подождите! — Герцог проворно вскочил. Он стоял, высокий и широкоплечий, и выглядел одновременно напряженным и нерешительным. Странное поведение, особенно после его улыбок.

— Да?

— Пожалуйста, сядьте. Я... — он запнулся, — я бы хотел кое-что сказать вам.

Кира подняла бровь, вопросительно и в то же время с вызовом, отчего герцог поморщился; выражение его лица стало на удивление милым.

— То, что я должен сказать, будет приятно, клянусь.

Приятное? От него? Звучит сомнительно. Хотя Кира не доверяла герцогу, он постоянно интриговал ее; по какой-то странной причине ей захотелось остаться и услышать его “приятный” разговор.

— Я слушаю. — Она снова села, в то время как герцог остался стоять.

— Разумеется, вы заметили, что я защищаю мою семью.

В ее улыбке сквозила ирония.

— Несомненно.

— Джеймс на целых восемь лет моложе меня, и у него не всегда хватает опыта, чтобы принимать правильные решения.

Он что, хочет сказать, что, попросив ее руки, Джеймс сделал поспешный и непродуманный выбор? Кира изумленно посмотрела на герцога.

— Не поймите меня неправильно. Вина лежит на мне. Я настолько привык присматривать за Джеймсом и даже подвергать сомнению его решения, что иногда забываю кое о чем. Его решения могут быть совершенно правильными.

Выходит, теперь он одобряет ее? Если так, то ей вряд ли стоит верить хоть одному его слову.

— Вы никогда не считали меня подходящей парой для вашего кузена, — заметила она.

Герцог кивнул:

— Верно, однако прошедшая ночь доказала мне мою ошибку. — Его глаза как бы сквозь темный бархат вглядывались в нее. — Ваши слезы были искренними, слова леди Беккер и ее подруг причинили вам боль. Виновная женщина вела бы себя совершенно по-другому.

Надо же, какой он наблюдательный! Кира удивленно смотрела, как герцог взял шляпу каким-то нервным жестом.

— Неужели? — Она чувствовала, что надежда уже пустила корни в ее душе.

— Связав это с тем, как вы помогли моей тете на прошлой неделе, я начинаю думать, что вывел ужасно несправедливое суждение о вас, основанное исключительно на светских сплетнях. — Герцог загнул край своей высокой шляпы, что было совершенно не в его привычках. Кира не верила своим ушам. Неужели он действительно думает то, что сказал? Взглянув в мужественное лицо герцога, она не нашла в нем ничего, кроме искренности. Даже на его полных губах, казалось, застыло сожаление.

— Я... благодарю вас.

— Нет, это я благодарю вас за то, что поговорили со мной. — Он поморщился. — Я вел себя так ужасно — на самом деле даже хуже, чем ужасно. Мне остается только просить у вас позволения хоть как-то возместить вам это.

Он что, правда этого хочет? И почему это имеет для него значение? Из-за семьи? Да, вполне правдоподобное объяснение. И все же...

— Теперь это уже не важно, — холодно произнесла она.

— О, я не согласен, миледи. — Кропторн наклонился к ней, и Кира уловила его запах — что-то вроде ветра и земли, сдобренных квинтэссенцией мужчины. Это был пьянящий запах, который разбудил ее чувства и согрел ее изнутри.

Встревоженная участившимся сердцебиением, Кира отстранилась.

— Не согласны?

— Я был слишком поспешен в своих суждениях, поскольку не дал себе времени узнать вас прежде, чем высказывать их. По глупости я посчитал вас охотницей за приданым. Простите меня.

Надменный герцог попросил у нее прощения? Может быть, она все-таки была права, решив, что он заболел?

— По выражению вашего лица я понимаю, что вы смущены...

Кира сглотнула.

— Немного. Всего два дня назад вы предлагали мне десять тысяч фунтов, чтобы я оставила Джеймса.

— И ваш отказ стал еще одним знаком ошибочности моего суждения о вас.

— Понимаю, — пробормотала Кира, хотя на самом деле не понимала ничего.

— Вы должны как можно скорее позволить мне провести с вами немного времени, чтобы действительно узнать вас. Тогда и вы сможете увидеть, что я не такой гнусный тип, каким кажусь вам сейчас.

Проводить время с единственным мужчиной, который, кроме лорда Венса, заинтересовал ее настолько, что она обратила на него внимание? Мужчиной, который пах так восхитительно, что просто вдыхать его запах уже было грехом? Плохая идея, но... Он один стоял между ней и ее будущим счастьем в браке с Джеймсом. Даже если сплетни о ней распространились во все концы страны, скромный священник оставался ее лучшим шансом найти одобрение, чувство принадлежности общине. Отвергнуть Кропторна было бы неразумно... Так как же ей все-таки поступить?

— Я не уверена, что это необходимо...

— Позвольте не согласиться с вами. — Его темные глаза казались абсолютно серьезными. — В день вашего приезда Джеймс попросил меня стать вашим другом. Я поступил бесчестно, не выполнив его просьбу.

Если дело обстоит так, как она может отказать ему в шансе сделать приятное ее будущему мужу? И как доволен будет Джеймс, если ее действительно примут в семью и разлад прекратится. Каким чудесным свадебным подарком это станет для него!

Кира осторожно улыбнулась герцогу.

— В таком случае я согласна.

На следующий день снова пошел дождь. Лишенная возможности наслаждаться буйными красками сада, Кира обосновалась в музыкальном салоне. Отделанная голубым, белым и желтым, комната обладала умиротворяющей гармонией, соответствующей ее предназначению. Гардины на больших окнах были раздвинуты, и серый дневной свет проникал внутрь, словно окутывая комнату легкой дымкой.

Ей нравилось бывать здесь, несмотря на то, что никто в доме не разделял ее мнения.

Гуляя по просторной комнате, Кира вскоре оказалась у большого фортепиано. Она не сыграла ни одной ноты с тех пор, как столь глупо сбежала с лордом Венсом; потому что с тех пор не находила музыки в своем сердце. Но сегодня музыка как будто вдруг расцвела в ней. Может быть, это надежда? До ее свадьбы осталось всего две недели, и Кропторн сказал, что больше не будет противиться их соединению с Джеймсом. Кто знает?

Подчиняясь порыву, Кира села за массивный вишневого дерева инструмент. Сделанные из слоновой кости клавиши лежали перед ней ровной вереницей. Она подняла руки и, сделав глубокий вдох, замерла. Что, если кто-то услышит ее?

Украдкой взглянув через плечо, она убедилась, что дверь закрыта, пожала плечами и начала тихо играть. Музыка постепенно нарастала в ней, и она играла с возрастающей энергией, позволяя нотам струиться от самого сердца к пальцам. Кира играла почти все, что знала: колыбельная сменилась “Лунной сонатой”, за которой настал черед моцартовской арии.

И тут она запела.

Чистые звуки фортепиано, сливаясь с ее сопрано, заполнили все пространство комнаты. Музыка струилась в ней, богатая, умиротворяющая и в то же время волнующая. Она откинула голову назад и начала что-то новое, трогательную народную песню о женщине, ждущей любви.

Кира играла, пока у нее не заболели пальцы. Плечи ее согнулись, а на лбу выступила испарина. С последней нотой музыка покинула ее. Опустошенная, но счастливая, она убрала руки с клавиш.

Внезапно раздавшиеся аплодисменты застали ее врасплох, и, повернувшись одним порывистым движением, она вскочила.

Герцог стоял в дверях, оперевшись о косяк, и продолжал аплодировать.

Смущенно потупившись, девушка прижала руку к груди.

— О, ваша светлость, я...

— Вы просто прекрасны. — Улыбка удивления смягчила строгие черты его лица. — Отчего Джеймс не сказал мне, что вы обладаете такими талантами?

Талант? Конечно, он преувеличивает. Возможно, герцог считает, что лесть — самый лучший способ оставить позади их прошлые сложности? Это казалось логичным, хотя и

неискренним.

И все же даже эта фальшивая похвала заставила Киру смущенно отвернуться.

— Джеймс ни разу не слышал, как я играю и пою. Никто, кроме моего брата, не слышал.

— Правда? Почему же вы лишаете мир такого наслаждения? Слушать вас — это величайшее удовольствие.

Даже если Кропторн лжет, он делает это с безграничным шармом. Кира почувствовала, что на щеках ее появляется румянец.

— Я... я просто делаю это для своего удовольствия.

Герцог подошел ближе и встал всего в нескольких шагах от нее; его глаза сияли восхищением, которое казалось на удивление искренним. А потом он улыбнулся так ослепительно, что у Киры засосало под ложечкой.

Хотя она знала, что это глупо, но не могла не улыбнуться в ответ.

— Вы слишком добры.

— Чепуха. Я просто честен. — Он опустился на скамью перед фортепиано и приглашающим жестом хлопнул по сиденью рядом с собой.

Настороженно глядя на герцога, Кира медлила. Он правда хочет, чтобы она села рядом с ним? Так близко?

— Ну же. Я не буду кусаться, поверьте. Я даже не буду рычать. — Герцог добродушно ухмыльнулся. — По крайней мере не слишком громко.

Теперь он дразнит ее. Зачем? Раньше Кира сомневалась даже, что у него есть вообще чувство юмора, но вот только что он показал ей, что способен и на это. Ошеломленная, она села рядом с ним. Неужели этот человек и есть настоящий Кропторн? Кира не знала, что и думать.

Он был близко — слишком близко с точки зрения приличий, особенно если учесть, что они все еще оставались наедине, и девушка прикусила губу, не зная, на что решиться. Она не должна выполнять его просьбу, но отказать было бы неблагоразумно, особенно когда он решил вести себя с ней более обходительно, чем прежде — если, конечно, это не игра ради каких-то непонятных ей целей.

Кира робко села на скамью, и их плечи соприкоснулись. Тело герцога излучало тепло, прогоняющее остатки холода вокруг. Неизбежное ощущение мускусного запаха наполняло ее каждый раз, когда она делала вдох. Обычно герцог выглядел высоким, мрачным и угрожающим... но улыбающийся он показался ей привлекательным и даже красивым. Нет, не так; он выглядел потрясающе. Герцог был из тех мужчин, которым ничего не стоило разбить сердце женщины, но она ему этого не позволит. Ее будущее — это Джеймс, и точка.

Решив, что ради Джеймса все же стоит улучшить отношения сего кузенком, Кира поддразнила:

— Я не уверена, что узнаю вас, если вы хотя бы чуть-чуть не порычите.

Герцог улыбнулся:

— О да! Мне нужно постоянно поддерживать репутацию.

— В этом я ничуть не сомневаюсь. — Кира снова улыбнулась. Неделю назад она ни за что бы в такое не поверила.

— Правда, вы действительно поете великолепно. — Восхищение в его глазах согрело ее. — Где вы научились играть и петь?

Если она начнет объяснять, придется рассказать о матери, о ее счастливых

воспоминаниях до внезапного бегства в Персию — и потом о шокирующем отказе. Увы, она не могла говорить о таких вещах даже с собственным братом, а уж с герцогом... Может быть, общение с ним и стало сейчас более приятным, но обсуждение ее прошлого и смешанной крови только напомнит ему причины, по которым он прежде был против нее.

Девушка пожала плечами.

— Я училась понемногу то тут, то там и много упражнялась. Музыка — одно из моих главных увлечений.

Глаза герцога потемнели. Хотя дверь в музыкальный салон не была закрыта, у Кире почему-то появилось ощущение, что они здесь совершенно одни. Ощущение было необычным, но не неприятным — оно даже немного опьяняло.

— Вероятно, музыка приносит вам счастье. — Герцог прищурился. — Возможно, если мне удастся подольститься к вам, я смогу убедить вас помочь мне петть чуть лучше, чем умирающее животное?

— Неужели вы не умеете петть?

— Не смогу взять ни единой ноты, — признался он. — Если только вы не включите в понятие “петение” многие другие звуки.

— Но умирающее животное, ваша светлость? Этого не может быть.

— Пожалуйста, зовите меня Гевин, — поправил он.

Удивление, должно быть, очень явно отразилось на ее лице, потому что он поспешно объяснил:

— Если нам предстоит стать родственниками, я не вижу нужды в формальностях. А вы?

Что ж, это слегка двусмысленно, но в то же время многообещающе. Возможно, герцог искренне готов принять ее в семью. А если так, почему она должна отказываться? — Хорошо, Гевин.

— Благодарю вас, Кира. — Он словно спрашивал позволения обращаться к ней по имени, и она согласилась нерешительным кивком. Тогда он подсел ближе. Кира не могла вспомнить момента, когда бы она сильнее ощущала близость человека, особенно мужчины. Все ее чувства словно ожили. Озадаченная, Кира отвернулась, но она все равно знала, когда он сделает следующий вдох. Аромат — смесь мускуса и рома, окружающая его, — не давал ей покоя.

— Итак, — продолжил герцог, как будто между ними не произошло ничего особенного, — теперь вы можете рассказать мне, как вам удается петть таким прекрасным голосом? Это... — Гевин, казалось, искал подходящее слово, и Кира задержала дыхание. — Это как услышать ангела. — Улыбка приподняла уголки его манящих губ. — Мамаши уже много лет водят к нам своих дочерей, превознося их таланты, но я никогда не слышал ничего столь прекрасного.

— Прекрасного? О, ваша светлость...

— Гевин, — снова поправил он.

— И все же это слишком сильное слово, уверяю вас.

— Если вы никогда не позволяли никому слушать вас, откуда вам знать?

Кира молчала. Она понятия не имела, как ответить ему.

— Может, вы просто признаете, что я прав? — тихо спросил он.

— Благодарю вас. — Кира все еще сомневалась, что слово “прекрасно” может быть применено к ней... но если он так считает, зачем пытаться изменить его мнение? Его внимательный взгляд говорил ей, что он восхищен ее талантом — таким, какой он есть.

— Итак, вы можете хоть немного научить меня петь? Признаюсь, мне самому противно каждый год портить рождественские гимны.

— Хорошо, я попробую. — Кира с улыбкой взглянула на герцога, и снова мужественное выражение его лица поразило ее. Он действительно был в высшей степени привлекательным мужчиной. Счастье, однако, что лорд Венс научил ее быть невосприимчивой к таким вещам.

После нескольких рождественских гимнов и народных песен Кира пришла к заключению, что Гевин не солгал в одном: он не мог вытянуть ни одной ноты.

— Я пел ужасно, да? — спросил он со смущенной усмешкой.

Кира прикусила губу, подыскивая наиболее тактичный ответ.

— Возможно, после некоторой практики вы сможете...

— Нет, я всегда признаю мои недостатки, и среди них — ужасный голос. Позвольте, я лучше послушаю вас.

Жадный взгляд, которым смотрели его темные глаза, согревал и манил.

— Вы слишком льстите мне.

— Возможно, но и вы слишком мало цените себя.

Кира сглотнула и ничего не сказала. Неужели он верит в это, так же как Дариус? Его серьезное лицо говорило, что да.

Внезапно герцог взял ее за обнаженную руку, и жар его кожи порастил ее.

— Спасибо за очаровательный урок, — произнес он в тишине. — Сожалею, что оказался таким ужасным учеником.

— Зато ваша попытка достойна похвалы.

Герцог рассмеялся, и низкие звуки эхом разнеслись по комнате.

— Вы очень тактичны.

В конце концов, он наклонился и поцеловал ее руку. Шокирующий контакт его твердых губ с ее кожей потряс Киру, волна жара пронеслась по ее телу и остановилась в животе.

— Вы еще поиграете для меня в ближайшее время? — осторожно спросил он.

Его взгляд был таким прямым, таким горячим и приводящим в замешательство, что Кира смогла только кивнуть.

— Вот и замечательно. — Улыбка осветила его лицо. — Я буду ждать. До скорой встречи, Кира. — Герцог вышел из комнаты уверенной грациозной походкой. Когда он уходил, Кира не сказала ни слова. И в самом деле, что она могла сказать? Она понятия не имела, стоит ли доверять ему и понимает ли он ее хотя бы чуть-чуть. Но если понимает... О, эта мысль понравилась ей — гораздо более, чем следовало бы.

— Вы с Гевинном, кажется, разговариваете все непринужденнее в последнее время...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кира оторвала взгляд от книги по садоводству, которую читала в саду, и увидела Джеймса. Зеленая трава развевалась у его ног, но небо было затянуто серыми тучами. Погода снова предвещала дождь, и ей захотелось успеть провести в одиночестве несколько минут на воздухе, чтобы насладиться садом и разобраться в своих мыслях. Через четыре дня после встречи с герцогом в музыкальном салоне, его похвал и вежливого разговора она чувствовала странное беспокойство, но довольное лицо Джеймса напомнило Кире, зачем она поддалась ошеломительной улыбке Кропторна и его пряному мужскому запаху. Джеймс заслуживал ее усилий.

Однако в реальности непринужденные разговоры с Гевинном Даггетом приводили Киру в невольное смятение. Даже его хриловатый голос заставлял ее трепетать. Все это было в

высшей степени странным.

Кира постаралась скрыть волнение за улыбкой.

— Действительно, это так.

— Что ж, я очень рад. — Слова Джеймса прозвучали вполне искренне. — Можно? — Он указал на место на скамье рядом с ней, и Кира, кивнув, подвинулась. Ветер играл темными прядями, обрамляющими ее лицо, но воздух становился все тяжелее. Приближался дождь.

Джеймс сел рядом с ней, и она с легким вздохом закрыла книгу. Одиночество может подождать...

— Вы знаете, я очень боялся, что если Гевин услышит отвратительные сплетни лорда Венса, он не примет вас в семью.

Кира вовсе не была убеждена, что все трудности позади, но решила оставить свои сомнения при себе, чтобы не расстраивать Джеймса.

— Правда?

— Да. Гевин не выносит скандала во всех его проявлениях, но когда дело касается его... — Джеймс вздохнул и покачал головой. — Он слишком много натерпелся от злой болтовни, чтобы считать ее приятной.

Выходит, сам неггибаемый Кропторн прежде был вовлечен в скандал? Заинтригованная, Кира подсела ближе к Джеймсу.

— Я и представить не могла, что поведение его светлости когда-то могло вызвать пересуды.

— Ну, не совсем так. Я полагаю, было несколько юношеских выходок, глупостей — богатые люди его положения все не ангелы.

— И вы не возражаете, мистер Хауленд? Как это странно для человека вашей профессии, — поддразнила она.

На лице Джеймса отразилась притворная суровость.

— Если вы зададите мне этот вопрос в воскресенье в церкви, я, разумеется, буду отрицать, что говорил что-либо подобное.

— Но?

Его лицо вдруг стало задумчивым.

— Но Гевин — другой. Скандал, связанный с отцом, потряс его, когда ему было всего десять. Я не помню ничего, поскольку в то время только учился ходить, но мама говорит, что семья пережила тогда тяжелые дни. Она даже сейчас не может вспоминать об этом спокойно. Думаю, кузену пришлось вытерпеть много насмешек и в школе, а его мать умерла вскоре после этого... инцидента.

Сердце Киры невольно прониклось симпатией к маленькому мальчику, которому пришлось безвинно вынести такие трудности. Сначала его отец унизил семью, потом он перенес страдания из-за смерти матери... По-видимому, это были ужасные времена.

— А какого рода скандал устроил его отец? — осторожно спросила она.

Джеймс отвел взгляд.

— Вряд ли стоит сейчас говорить об этом в деталях, поскольку это произошло почти двадцать лет назад. Полагаю, некоторые сплетники старшего поколения помнят кое-что об этом событии, но Гевину лучше о нем забыть.

— Понимаю.

Впрочем, она не совсем понимала. Что могло быть настолько отвратительно, чтобы

Джеймс отказался говорить об этом, а герцог не мог игнорировать?

— В сущности, каждый шаг Гевина кажется намеренно идеальным, — пожал плечами. — Скоро, я уверен, он даже найдет себе идеальную невесту.

Невесту? Это сообщение потрясло Киру. Кропторн никогда не упоминал о женщине, и ничто не указывало на то, что он мог ухаживать за кем-то. Эта мысль странно взволновала ее.

— Неужели?

— Леди Литчфилд очень красива — она вдова, молодая и с хорошими связями, ее происхождение безупречно. В Лондоне она считается самой завидной невестой.

Естественно. Если какой-то мужчина и может жениться на идеальной женщине, это будет Кропторн. Непонятно почему, но Кира вдруг рассердилась — вероятно, потому, что сама она прекрасно осознавала свои недостатки. Ее никогда не будут считать идеальной, ни в каком смысле. Из-за ее рождения и скандального поведения она скорее всего останется парией, по меньшей мере пока они с Джеймсом не поженятся.

И все же в выражении лица жениха она увидела что-то, что противоречило его словам.

— Вам не нравится эта леди Литчфилд?

Джеймс замаялся.

— Она очаровательна и приятна, но... Я не знаю. Почему-то мне кажется, что они плохо подходят друг другу. Однако мы должны допустить, что они понимают в таких вещах гораздо больше, чем я.

Прежде чем Кира смогла ответить, холодная капля воды упала на ее руку, потом на подбородок.

Она взглянула вверх, а Джеймс тут же вскочил на ноги.

— Идемте внутрь, мисс Мельбурн, — нам надо поскорее укрыться от дождя!

Пряча книгу под шалью, Кира ухватила за его руку и побежала вместе с ним к кухонной двери. Когда они добрались до двери, она проскользнула внутрь и удалилась, чтобы переодеться во что-нибудь теплое и сухое. Но даже в своей уютной комнате Кира словно продолжала слышать слова Джеймса.

Кропторн пережил скандал, так же как и тетушка Кэролайн, — очевидно, весьма шумный, раз он так глубоко повлиял на него. Теперь Кира понимала, почему герцог так яростно возражал против ее брака с Джеймсом — он просто защищал свою семью от нового скандала.

Из окна девушка бросила рассеянный взгляд на мокнувший под дождем сад. Ее сердце все еще учащенно билось. Если сейчас Гевин захотел ее принять, возможно, это означает, что он поверил в ее невинность, и она действительно может доверять ему. Возможно даже, что он действительно ценит ее так высоко, как говорит.

Но эта возможность была одновременно волнующей... и опасной.

— Мне нужно уехать в Лондон, — сообщил Дариус после обеда.

Джеймс удивленно взглянул на него своими изумительно синими глазами.

— В Лондон? Ты же не выносишь это место.

Дариус нехотя кивнул. Он действительно ненавидел Лондон. Слишком много людей, слишком много суеты, слишком много обольщений и обманов. Город переполнен людьми, которые только и занимаются тем, что плетут интриги и бессердечно распространяют лживые сплетни, — негодьями вроде лорда Венса.

— Это довольно срочное дело, и к тому же деликатное, — наконец признался он. — Я бы предпочел, чтобы Кира знала о нем как можно меньше.

— Понимаю. — Хотя Джеймс по-прежнему выглядел удивленным, он все же удержался от дальнейших расспросов. — Что ж, счастливого пути. Надеюсь, к свадьбе ты вернешься?

Дариус закрыл глаза и сдержал вздох.

— Джеймс, сейчас есть более важный вопрос. Твоя матушка уезжает в Лондон, и когда я покину Норфилд-Парк, Кира останется без сопровождения в обществе двух холостяков.

Глаза Джеймса расширились.

— Действительно. Как хорошо, что ты подумал об этом. Возможно, твоя сестра могла бы пожить у кого-то из соседей...

— У кого-то вроде миссис Бейклиф?

Джеймс невольно хмыкнул.

— Наверное — нет. А твое дело не может подождать? Первоначально Дариус так и планировал. Он думал благополучно выдать Киру замуж и устроить ее жизнь в новом доме, а уж потом заняться лордом Венсом; но миссис Бейклиф, леди Беккер и другие доказали, что его предположения ошибочны. Кира хотела — и заслуживала, — чтобы ее уважали.

У Дариуса никогда не было сомнений в том, кто он такой и где его место. Годы в Персии не повлияли на него так сильно, как на Киру. Его сестре нужно было одобрение общества, и он прекрасно понимал, что она не найдет его, пока не будет доказано главное: лорд Венс лжет. Наказание Венса станет для нее его свадебным подарком.

— Мое дело не может ждать. — Он грустно улыбнулся. — Я мог бы взять Киру с собой, но в Лондоне я буду очень занят и не смогу часто бывать дома...

— О да, в Лондоне ей будут нужны друзья. — Нахмурившись, Джеймс задумался и положил книгу на колени. — Похоже, я тоже должен буду поехать.

Дариус медленно кивнул. Разумеется, это был не его выбор. Он хотел, чтобы Кира оказалась как можно дальше, пока он будет разбираться с подлым Венсом; но без сопровождения она не может остаться здесь, в Норфилд-Парке, иначе это вызовет еще более отвратительные сплетни.

— Похоже, что так.

— Какую причину мы назовем твоей сестре для столь внезапного отъезда? — Джеймс задумчиво поскреб подбородок.

— Пусть это будет желание; представить ее в свете. — Кире идея наверняка не понравится, но если это скажет Джеймс, она уступит.

— Что ж, превосходно!

Не совсем, подумал Дариус, но лучшего выхода все равно не видно.

— Я надеялся уехать через два дня. Это возможно?

Джеймс пожал плечами:

— Вполне. Мне только нужно будет поговорить с Гевином...

— Зачем? — Дариус не хотел понапрасну тревожить герцога.

— Если мы собираемся представить в обществе твою сестру как будущего члена семьи, думаю, Гевин тоже захочет поехать.

Джеймс прав. Будет даже лучше, если его светлости не понравится это решение, но он все же поедет, чтобы поддержать в обществе имя семьи. На самом деле его присутствие рядом с Кирой будет ей только на пользу в высоких кругах. Дариус улыбнулся. Надменный герцог и его тетя не хотели представлять Киру своим деревенским соседям, а теперь ей

предстоит встретиться с их лондонским окружением. Жизнь иногда бывает восхитительно ироничной.

— Не забудь сообщить мне, что ответит его светлость.

Джеймс улыбнулся:

— Конечно. Надеюсь, он согласится.

Еще бы он не согласится! И все же Дариусу куда больше хотелось, чтобы герцог оставался в деревне — подальше от его сестры. Если нет, ему остается только надеяться, что вихрь светской жизни не позволит Кропторну проводить слишком много времени с Кирой, и он найдет другую мишень для своего вождения.

В последний день апреля, прибыв в Лондон вместе с Кирой, мистером Хаулендом и герцогом Кропторном, Дариус тут же оставил трех своих уставших спутников. Он хотел поскорее разыскать лорда Венса.

Через четыре часа он был сильно озадачен.

Дариус нашел Венса в клубе, который тот частенько посещал, — сомнительном заведении, не слишком разборчиво относящимся к выбору посетителей. От этого места за версту разило табаком, выпивкой и темными делами. Света в помещении было немного только над столами, чтобы видеть карты, в то время как погруженные во тьму углы представляли идеальное место для того, чтобы задумывать козни.

Быстро опрокинув несколько бокалов спиртного, одетый в кружевную рубашку и кричащий сине-зеленый шелковый жилет, Венс начал расхаживать по заведению с таким напыщенным видом, будто был самым королем. Дариусу отчаянно захотелось врезать мерзавцу за уничтожение репутации сестры, и он сжал в кулаках ткань брюк, чтобы сдержаться.

Вскоре Венс ушел и направился по темным улицам к Стрэнду. Дариус следовал за ним, внимательно наблюдая в ожидании какой-нибудь улики, которая поможет доказать лживость Венса.

По улицам расхаживали проститутки с подоткнутыми юбками, обозначающими их профессию, многие из них откровенно предлагали себя прохожим. Дариус, морщась, шел дальше, вслед за Венсом, который в конце концов нырнул в узкий переулок в нескольких кварталах от Темзы.

Внезапно виконт оглянулся через плечо, и Дариус спрятался за углом заброшенного здания. Очевидно, удовлетворенный тем, что никто его не видит, Венс дважды постучал в дверь, протянул кому-то деньги и вошел внутрь. Заинтригованный, Дариус прокрался по переулку к двери и тоже дважды постучал.

Дверь открылась. Крепкий лысый человек в грязной белой рубашке пристально посмотрел на него. Недовольный задержкой, Дариус нахмурился, ища глазами Венса.

— Это будет стоить два шиллинга! — рявкнул привратник.

Отведя взгляд, чтобы не вызвать подозрений, Дариус протянул ему деньги.

— Добро пожаловать в Храм.

Храм? Дариус сдвинул брови и медленно двинулся вперед, стараясь, чтобы глаза привыкли к темноте. От двери он прошел через большое помещение заброшенного склада, превращенного в... в то, чем это было. Венса он заметил в центре комнаты, смеющегося, с бокалом в руке, среди группы со вкусом одетых молодых людей.

Внимание Дариуса привлекло движение на маленькой сцене в передней части комнаты. Мужчина хрупкого телосложения, одетый, как молодая девушка, в белые кружева, встал и откашлялся. Толпа начала реветь, свистеть и выкрикивать непристойности.

Дариус нахмурился. Что же это за место?

К исступленному восторгу толпы, мужчина запел неестественным фальцетом, и тогда Дариус воспользовался возможностью обернуться, чтобы получше разглядеть лорда Венса, но тот удалился в глубину склада, идя широкими шагами рядом с высоким темноволосым мужчиной с широкими плечами.

— Кажется, вам понравился лорд Венс, не так ли? — спросил молодой денди, бочком подобранный к Дариусу так, что они оказались тесно прижатыми друг к другу. Прежде чем Дариус успел ответить, щеголь продолжил: — Нам всем нравится. Тут нет никого, кто не отдал бы состояние за то, чтобы провести часок наедине с очаровательным проказником.

Венс исчез за дверью, и Дариус, повернувшись к своему незваному соседу, обнаружил, что тот оценивающе разглядывает его. Алчный тон его голоса, ищущие, голодные глаза посылали тревожные сигналы.

Так вот оно что! Он неожиданно-негаданно попал в гнездо содомитов.

— Но вам, конечно, не составит труда найти компанию. — Денди кокетливо улыбнулся. — Вы, иностранцы, так экзотичны, так задумчивы. Я это просто обожаю! Держу пари, вы в очень дурном настроении. Что ж, тем лучше. — Темноволосый щеголь расправил черный бархатный воротник своего золотистого сюртука и придвинулся ближе.

Дариус помрачнел.

— Там есть выход?

— Наружу? Нет, только отдельные комнаты. — Вздохнув, его собеседник округлил глаза. — Конечно, я понимаю — все хотят его, как будто он единственный привлекательный мужчина на свете.

Ловко щелкнув каблуками, фронт удалился. С мрачным видом Дариус наклонил голову и направился в темный угол, в котором исчез Венс. В голове его крутилась лишь одна мысль: если Венс предпочитает мужчин, зачем он сделал предложение Кире? Может, думал женитьбой поддержать свой образ благородного пэра, а потом Вене струсил и бросил Киру страдать от унижения?

Через двадцать минут Венс снова появился, на этот раз один. Довольно улыбаясь, он прошел по комнате к группе мужчин, в которой стоял и тот щеголь, с которым Дариус только что разговаривал.

Оживленно жестикулируя, молодой человек что-то сказал Венсу и указал в сторону Дариуса.

Выругавшись, Дариус опустил взгляд и нырнул в темный угол. Когда через минуту он поднял глаза, Венс, пожав плечами, отошел от группы посетителей, и Дариус решительно последовал за ним.

Ночь уже оказалась полна сюрпризов; интересно, что она могла припасти еще?

Насвистывая, Венс уверенно зашагал по Ньюкасл-стрит к театру “Друри-Лейн”. Район наполняли хорошо одетые люди, поскольку в Королевском театре только что закончилось вечернее представление.

С самодовольным видом виконт вышел из толпы и свернул на узкую дорожку позади театра. Здесь было темно и безлюдно. В отдалении лаяла собака, и этот звук отдавался эхом в пустом пространстве. Венс настороженно оглянулся, и Дариус поспешно спрятался в ночной тени.

Через несколько мгновений Венс открыл дверь, и узкая полоска света прорезала темноту позади здания. Дариус подождал две минуты и последовал за ним.

Когда он открыл дверь, одного беглого взгляда ему оказалось достаточно, чтобы понять — перед ним обычный бордель. Над гудящим камином висела картина с обнаженной женщиной, полулежащей на горе подушек; ее соски скрывали длинные светлые волосы. Поблизости расположились несколько полуодетых женщин, стреляющих глазами в сторону мужчин-клиентов. Запах духов, пота и едва уловимый запах секса наполняли воздух.

Если Венс имел сексуальное пристрастие к мужчинам и только что удовлетворил свой аппетит, зачем негодяй пришел именно сюда?

Дариус разглядывал небольшую компанию, пока не заметил удаляющуюся фигуру Венса. Виконт поднимался по лестнице вместе со светловолосой женщиной, а потом пошел дальше по коридору.

Дариус осторожно последовал за ними.

Хрупкая рука легла на его локоть и остановила его.

— Ищешь чего-нибудь эдакого, мой пригожий господин?

Он посмотрел вниз на молодое, но поблекшее лицо женщины. Ей было не больше двадцати, хотя из-за выкрашенных в черный цвет волос и кричаще яркой помады она казалась старше. Тонкое, бесстыдно открытое платье откровенно демонстрировало ее бледную грудь.

Нахмурившись, Дариус молча продолжал следить за Венсом, который в этот момент открывал дверь для шедшей вместе с ним женщины.

— Кто она?

Взгляд проститутки скользнул по комнате к большой картине с обнаженной женщиной.

— Миссис Линд, хозяйка. — Она хихикнула. — Хотя ни одна из нас не верит, что мадам была по-настоящему замужем. Она никогда не берет много клиентов, только несколько особенных.

Венс был особым клиентом? Так ему нравятся и женщины тоже?

— Тот мужчина с миссис Линд — вы часто видите его с ней?

Проститутка нетерпеливо кивнула, ее гладкие темные волосы скользнули по костлявым плечам.

— Ну да, и что с того? Ты тут, чтобы хорошенько покувыркаться или чтобы вынюхивать?

Решив, что не стоит выдавать себя, Дариус улыбнулся.

— Меня очень заинтересовала ваша хозяйка.

Женщина округлила глаза.

— Напрасно стараешься. Миссис Линд не берет клиентов, которых не знает, и, я слыхала, волосы между ее ног совсем не такие, как на голове. Если хочешь узнать побольше, это будет стоить денег.

— Можешь отвести меня наверх?

— Ну наконец-то! — Девушка похотливо улыбнулась. — Я развлеку тебя как надо, мой пригожий господин.

Дариус пошел за ней по покрытой золотистым ковром лестнице. Ее дверь оказалась неподалеку от двери миссис Линд. Когда он вошел в комнату, ему бросились в глаза красные стены и постельное белье, отделанное черной бахромой. Это была самая безвкусная комната, какую он видел в своей жизни. Дариус едва не задохнулся от запаха старых духов, смешанного со зловонием мужского пота.

Морщась, он бросил проститутке несколько монет, и та, быстро подхватив их, засунула монеты в потайной карман юбки.

Сделав это, она улеглась на кровать, расстегнула три пуговицы на корсаже и, задрав юбку на талию, игриво повернулась так, что ее груди вывалились из корсажа. Затем она выставила напоказ темный холмик между ног.

Молодой человек быстро отвернулся.

— Что? — спросила она. — Хочешь, чтоб я была сверху? На четвереньках?

Дариусу нравился секс так же, как любому мужчине, но сейчас у него имелись более важные дела.

— Скажи, тут есть туалет? — Он не смог придумать никакого другого повода, чтобы покинуть комнату, не возбудив подозрений.

Девушка вздохнула, но даже не попыталась прикрыться.

— Через коридор, вторая дверь налево.

Он кивнул в знак благодарности и, выйдя из комнаты, быстро огляделся. Наверху было тихо: видимо, все были заняты одним и тем же за закрытыми дверями. Снизу слышались приглушенный гул голосов и звон бокалов, напоминавший ему, что нужно действовать быстро.

Дариус прокрался к двери миссис Линд и увидел, что она немного приоткрыта.

В ту же секунду он услышал смех миссис Линд и осторожно заглянул внутрь. Несмотря на свои предыдущие наблюдения, Дариус ожидал найти Венсу зарывшимся в ворохе женских юбок — разве не за этим большинство мужчин приходят в бордель? И опять Венс оказался непредсказуем.

Виконт и мадам всего лишь беседовали, и так тихо, что Дариус ничего не мог расслышать. Потом миссис Линд передала Венсу толстую пачку банкнот.

Положив деньги в карман, светловолосый денди поднес руку миссис Линд к губам и поцеловал ее. Озадаченный этим обменом, Дариус нахмурился. Приходящие в бордель мужчины платят деньги за удовольствие, а не получают их. Так какого же дьявола миссис Линд дала деньги Венсу?

Виконт отпустил руку мадам, и они вместе направились к двери. Зная, что его не должны заметить, Вене поспешно огляделся, ища, где бы спрятаться. Его взгляд наткнулся на туалет на другой стороне холла, и он нырнул туда, а затем, довольный тем, что предусмотрительно оделся во все черное, приоткрыл дверь и прислушался.

— Мне нужно что-то изысканное: — Речь миссис Линд была на удивление культурной. — Надеюсь, вы понимаете.

— Безусловно.

— И я не хочу долго ждать этого.

— Разве я когда-нибудь разочаровывал вас, Амелия?

Миссис Линд широко распахнула дверь и улыбнулась, демонстрируя на удивление юную красоту.

— Очень редко, должна признать. Ах вы, плутишка! Так я буду ждать.

Кивнув, Венс вышел из комнаты.

Лихорадочно обдумывая этот короткий разговор, Дариус наблюдал за виконтом, широкими шагами направлявшимся по коридору к лестнице. Миссис Линд вскоре последовала за ним.

После того как они ушли, Дариус метнулся по коридору в комнату темноволосой девушки. Открыв дверь, он обнаружил ее в той же нескромной позе, в которой оставил.

— Наконец-то ты вернулся. Я уж начала думать, что ты заблудился.

Дариус достал еще несколько монет и бросил ей.

— Ты никогда меня здесь не видела, и я не задавал никаких вопросов. Надеюсь, мы поняли друг друга?

Женщина пожала плечами:

— Как скажешь.

— Одевайся.

Проститутка медленно застегнула корсаж и расправила юбки.

— Если миссис Линд спросит, я отвечу, что ты из тех, кто любит только смотреть.

Дариус поморщился. Неужели есть и такие?

— Если узнаешь что-нибудь еще об этом мужчине, лорде Венсе, или о причинах, почему он приходит сюда, сообщи мне.

Девушка взяла визитную карточку с лондонским адресом его отца, которую он протянул ей.

— А там будут для меня деньги?

— Конечно. Только узнай побольше.

Теперь, когда они были в Лондоне, лишившись музыкального салона Норфилд-Парка, Кира легкой походкой вошла в гостиную лондонского дома Кропторна и остановилась. Отделанная синим с золотом комната была великолепно украшена, от лепнины в стиле рококо вокруг двери до позолоченных виньеток на мраморном камине. Ковер, выполненный в синем и сером, идеально сочетался с роскошными, обитыми синим бархатом креслами, расставленными вокруг. Просторный арочный потолок покрывали ровные ряды овалов с нарисованными в них прекрасными садами. Она никогда и представить не могла, что в семейной комнате может быть так много деталей. Внутреннее убранство в доме Киры всегда казалось ей удобным, и она скучала по эркеру, выходящему в ее маленький садик, но здесь было... великолепно.

Вспомнив о своей цели, Кира направилась к письменному столу у дальней стены, залитому золотым утренним светом. Она внимательно посмотрела на портрет хмурой женщины — скорее всего какой-нибудь прародительницы Гевина, потом взяла перо с искусно украшенной стойки и вздохнула. Следовало известить отца о ее предстоящем браке, но даже если он сейчас все еще был на Цейлоне, письмо не дойдет до него раньше дня свадебной церемонии. И все же она почему-то чувствовала необходимость хоть как-то сообщить ему об этом.

Сев за стол, девушка поискала бумагу и через несколько секунд уже сидела перед чистым листом с новым пером в руке.

Белая страница укоряюще смотрела на нее. Как сможет она сказать отцу, что выходит не за обеспеченного мужчину, который, как он безрассудно уверял, будет очарован ее красотой? Кира подозревала, что на самом деле отец хотел для нее удачного брака только потому, что это было бы изысканной мстью его непримиримому старшему брату.

Если отставить в сторону соперничество отца, Кира была не против выйти замуж за человека без большого состояния. Действительно, в разгаре этого скандала доброе имя Джеймса было для нее величайшим богатством. Но она не могла отрицать легкого разочарования из-за того, что выходит за человека, которого не любит.

Конечно, Джеймс ей нравится. Он предложил ей помощь и готов был спасти ее репутацию после лжи лорда Венса, хотя она не могла предложить ему ничего ценного взамен. Больше того, Джеймс был добрым и исполненным благих намерений, спокойным джентльменом, он умел выслушать. Кира озадаченно сдвинула брови. Так почему же она не доверилась ему?

Не уверенная, что знает ответ, она написала дату и быстро набросала несколько слов о своей предстоящей свадьбе, избегая упоминания о лорде Венсе. Когда отец вернется в

Англию, утолив последний приступ страсти к путешествиям, пик скандала будет уже позади.

Глубоко погрузившись в свои мысли, Кира не сразу почувствовала прикосновение чьей-то руки к своему плечу. Вздрогнув, она обернулась и увидела Гевина.

— Простите, я не хотел напугать вас.

Герцог выглядел невероятно беспечным в черных брюках, скаковых сапогах и мягкой белой рубашке. Капельки пота блестели на его мощной груди, видневшейся в раскрытый ворот рубашки. Он выглядел так, будто только что вернулся после долгой скачки.

Гадая, зачем он искал ее, Кира молча ждала.

Гевин участливо посмотрел на нее.

— Вы хорошо себя чувствуете? У вас какой-то лихорадочный румянец.

Смущенная своей реакцией, она отвернулась и ткнулась взглядом в свое письмо.

— Я писала письмо отцу.

— Неужели? Со слов Джеймса я понял, что он за границей.

— На Цейлоне, я полагаю, но никто точно не знает. В прошлом году страсть к путешествиям забросила его в Китай, а незадолго до этого он странствовал по Египту.

— Ваш отец очень много путешествует...

— Да, он может платить за свои приключения, переводя документы и тексты на восемь языков. — Кира стала пристально разглядывать перо, но затем все же рискнула украдкой взглянуть на Гевина.

— Восемь? Это впечатляет. А сколько знаете вы?

— Четыре, хотя мой русский довольно плох, и, наверное, не стоит его считать.

Герцог выглядел потрясенным.

— Увы, мой французский тоже плох — пожалуй, даже хуже, чем мое пение.

Кира рассмеялась, понимая, что нельзя не доверять, когда он так обезоруживающе откровенен. Еще труднее было игнорировать его обаятельную улыбку.

— Это действительно прискорбно. Если мы когда-нибудь поедem в Париж, представлять семью придется моим сестрам. К счастью, у Энн особый талант к языкам.

Очевидная гордость на лице герцога тронула Киру, было ясно, что он любит своих сестер так же сильно, как Дариус любит ее. Она всегда считала, что девочке нужен заботливый любящий брат, и сестрам герцога явно повезло.

— Справедливости ради нужно сказать, что у Кейт величайший дар владения иглой и ниткой, — продолжал герцог. — К тому же она более красивая и менее замкнутая, чем Энн.

Складка между его темными бровями свидетельствовала о тревоге, которую Кира не могла не заметить.

— Что-то не так?

— Почему вы так решили?

— Ваша озабоченность, Гевин. Что тревожит вас?

Он помедлил, потом вздохнул:

— Ничего особенно важного.

По тревоге, затуманившей темные глаза герцога, Кира поняла, что его беспокойство очень реально, но он решил не делиться им. И все же... возможно, она могла бы помочь.

— Это, очевидно, достаточно тяжело для вас, потому что ваша улыбка исчезла и живость в глазах тоже.

— Просто я беспокоюсь об Энн и ее перспективах выйти замуж.

— Если она хотя бы вполовину так очаровательна, как... — “как вы красивы...”

Неужели она чуть не произнесла это? Действительно, очень плохой шаг. Нет, она должна еще раз подумать, но терять свои мысли, когда ее взгляд встречается с его взглядом. — Уверена, она очаровательная девушка.

— Да, — быстро согласился он. — Просто вчера вечером я разговаривал с одной из своих кузин, которая взяла девочек под свое крыло, поскольку сама сейчас занята подготовкой дочери к сезону. У Кейт поклонников даже больше, чем надо, и уже есть два предложения, одно из них просто великолепно; а вот Энн гораздо больше нравится сидеть, уткнувшись носом в книгу. Кузина говорит, что Энн делает все возможное, чтобы оставаться дома, и из-за этого у нее очень мало поклонников.

По лицу герцога Кира видела, что эта проблема очень его волнует.

— Возможно, ей трудно выйти из тени Кейт...

— Похоже, что так, и чем дольше это продолжается, тем труднее будет Энн занять достойное место в свете. Она никак не может понять всю важность танцев, улыбок, оживленной беседы...

Темные глаза Гевина затуманились от беспокойства. Ясно, что он, как и Дариус, очень хороший, но немного заблуждающийся брат.

— Она понимает, — заверила его Кира. — Но если девушка застенчива, боюсь, для нее это довольно непросто.

— Как это? Возможно, вечеринки и балы ей нравятся меньше, чем Кейт, но...

— Вы ведь не застенчивы, — заметила Кира, — поэтому вам трудно объяснить; а вот мне приходится бороться со своей робостью на светских сборищах. Легкая болтовня и танцы, о которых вы говорите, временами могут показаться почти мучительными.

— Мучительными? — По выражению его лица она поняла, что такая идея ему совершенно чужда.

— Когда вам не слишком нравится в компании, ужасно трудно держаться с грацией и шармом.

— Возможно, но Энн должна перебороть себя. Для женщины удачно выйти замуж — дело первостепенной важности.

Ничто не могло быть более верным. Их взгляды встретились, и Кира подумала, что, может быть, когда-нибудь его забота распространится и на нее. Возможно, он действительно одобряет ее брак с Джеймсом. Эта мысль согрела ее.

— Вы правы, хорошо выйти замуж очень важно, — согласилась она. — Каждая женщина знает это, и каждый хороший брат делает, что может, чтобы способствовать такому событию. Энн понимает, чего вы ожидаете, но вы хотите, чтоб она блистала, выделялась в ситуации, в которой ее язык будто связан. У меня иногда даже начинает кружиться голова от большого количества людей. Ни один бал в Суффолке никогда не был таким грандиозным, как настоящий лондонский бал.

Герцог выглядел разочарованным, но он все же попытался осмыслить ее слова.

— Что я могу сделать, чтобы помочь ей?

— Поговорите с ней, предложите вашу поддержку. Скажите, что гордитесь ею, несмотря ни на что. Сходите с ней на прием и будьте все время рядом. Ваше присутствие придаст ей уверенности. Возможно, вашей сестре просто нужно отойти от стены, чтобы ее увидели все молодые люди.

Герцог кивнул;

— Наверное, это так и есть. Похоже, вы хорошо понимаете мою проблему.

— Дариус сделал все, чтобы ввести меня в общество, когда я с большим удовольствием оставалась дома с моей музыкой. — Кира не могла не улыбнуться, с нежностью вспоминая все способы, которыми брат пытался помочь ей.

— Я заметил, что вы с ним очень близки.

Наблюдение герцога не удивило Киру, но, сказав ей об этом, он стал нравиться Кире еще больше.

— В детстве мы с Дариусом всегда помогали друг другу. Я научила его читать, а он учил меня ловить рыбу. Я присматривала за ним, когда... стала старше, а он давал мне ощущение безопасности — ведь папа часто уезжал в свои поездки.

— Вам повезло, что вы вместе. А вот мне так не хватает моих сестер. Сестры значительно моложе меня, но как только они уехали из Норфилд-Парка в Лондон, дома стало тише, чем на кладбище.

Гевин искренне скучал по сестрам; Кира слышала это в его голосе.

— Значит, это ваш шанс. Если вы одобряете одного из женихов Кейт, обручите их и позвольте сестре насладиться счастьем, которое дает замужество. Сделав это, вы освободите для Энн место, которое раньше занимала Кейт.

— Да, это и в самом деле разумно. — Герцог взял Киру за руку. В его глазах она увидела решимость и признательность. — Уверен, вы правы. Благодарю вас.

Кира едва успела ответить на прикосновение его теплой ладони, как вдруг он наклонился к ней. Неужели он хочет поцеловать ее? Сердце Киры бешено забилося. Он наклонился еще ближе. Хочет ли она, чтобы он это сделал?

Внезапно Кира почувствовала на своей щеке его вызывающе теплое дыхание. Мгновение спустя его рот прикоснулся к ней, и он поцеловал ее в щеку. На мгновение — всего лишь вдох — время замерло внутри ее.

Дариус много раз целовал ее в щеку, но никогда это не вызывало у Киры таких чувств, как сейчас — надежда, головокружение, неуверенность... Почувствовав, что Кира напряглась, Гевин отстранился и отпустил ее руку.

— О, мне не следовало... — Он, казалось, с трудом подыскивал слова. — Вы были так великодушны и помогли мне, а я так благодарен за ваш мудрый совет, что, боюсь, немного увлекся в выражении моей благодарности. Сможете ли вы простить меня?

Благодарность, ну, конечно же. Зачем еще герцогу делать такой жест по отношению к ней? Это ее вина, что она прочла что-то большее в его благодарном жесте — то, чего ей не следовало желать.

Всего через девять дней ее свадьба, впереди предсвадебная лихорадка. Дариус поклялся, что побыстрее завершит свои таинственные дела в Лондоне, чтобы они могли вовремя вернуться в Норфилд-Парк. Но мысль о том, что ей придется навсегда остаться замужем за Джеймсом, человеком, которого она знает всего какой-то месяц... Это ее откровенно пугало.

— Тут нечего прощать. — Кира изо всех сил постаралась улыбнуться. — Я рада, что смогла помочь.

— Да, да! А вот я, боюсь, оплатил вам за доброту тем, что испугал вас и помешал писать письмо. — Герцог одарил ее самой скромной улыбкой, от которой ямочка на его подбородке стала глубже. — Оставляю вас, чтобы вы могли закончить письмо.

Кира растерянно смотрела на широкую спину герцога, скрытую под сине-серым сюртуком, и ей почему-то не хотелось, чтобы он уходил.

— Гевин!

Он быстро обернулся.

— Да?

Девушка лихорадочно пыталась придумать хоть что-нибудь, чтобы задержать его.

— Я просто хотела пожелать вашим сестрам удачи с замужеством.

Теплая улыбка снова смягчила его энергичный рот.

— Благодарю вас.

Он вышел, а Кира все продолжала смотреть на дверь. Сегодня Кропторн продемонстрировал любовь к своей семье и из-за этого еще больше понравился ей. Похоже, этот мужчина просто не желал покидать ее мысли, которые становились все более безрассудными. А тут еще это безумное мгновение, когда она подумала, что он хочет поцеловать ее, как ни Джеймс, ни даже лорд Венс никогда не решались...

Впрочем, определенно это все только предсвадебная лихорадка!

— Представить не могу, как мне удастся пройти через этот званый обед и усадить за стол Мельбурнов, — вздыхала тетя Кэролайн следующим вечером, постукивая ногой по сапфирово-синему ковру в столовой. — Все, кого мы знаем, придут в ужас.

Гевин отлично понимал чувства тети, однако предпочел бы, чтобы она выражала их менее драматично.

— До нашего приезда в Лондон я понятия не имел, что вы запланировали это торжество, иначе обязательно настоял бы, чтобы мы отложили поездку.

Кэролайн закрыла покрасневшие глаза, пытаясь не дать волю слезам.

— Лучше бы ты вообще никогда не привозил их в Лондон! А отменять теперь уже слишком поздно...

И опять он был с ней согласен. После сегодняшнего вечера весь Лондон будет знать, что Джеймс собирается жениться на Кире Мельбурн. Они с тетей Кэролайн не могли совершенно игнорировать девушку, чтобы не вызвать пересудов о расколе в семье... и не ранить Джеймса, но Гевин вовсе не планировал представлять ее светскому обществу, как не хотел и публично унижать Киру. Он неожиданно обнаружил, что ему чертовски нравится проводить с ней время, хотя это было совершенной бессмыслицей — ведь ему предстояло соблазнить ее. Джеймс, тетя Кэролайн, семья — вот что важно, и ничего больше. Эта женщина позволила лорду Венсу всю мыслимую близость и никогда не станет хорошей женой священника, даже несмотря на свою манеру изображать из себя невинность. Эта безыскусственность, должно быть, одна из ее уловок, с помощью которых она поймала Джеймса в ловушку, и Гевин не должен позволить себе последовать его примеру. Несмотря на кажущуюся добродетель Киры, он знал, кто она и что собой представляет. То, что он слушал, как Кира Мельбурн поет, и восхищался ее талантом, еще ничего не значит. Да, он находил ее общество приятным, но ему также нравилось и общество других женщин. А сейчас он прежде всего должен прекратить так отчаянно желать уложить Киру в свою постель.

А все же чертовски жаль, что он не может сделать ее своей любовницей, прикоснуться к ней всегда, когда захочет — обладать экзотическим совершенством ее губ, ласкать ртом ее пышную грудь, до умопомрачения заниматься с ней любовью... Но потакая таким фантазиям, он еще больше возбудит печально известную похоть Даггетов, а каждый день, проведенный в присутствии Киры, только ухудшает ситуацию.

— Мы выдержим этот вечер, — сказал он тетушке. — Я буду тщательно следить за мисс

Мельбурн и приложу все усилия, чтобы не дать скандалу распространиться.

Тетя Кэралайн посмотрела на него, и ее брови поползли вверх. Гевин знал этот взгляд; она определенно что-то подозревает.

— Судя по тому, что я наблюдала в последние три дня, вы стали очень близки с мисс Мельбурн, возможно, даже слишком. Почему?

Разумеется, проницательная тетушка заметила, что он вступил в дружеские отношения с вражеской стороной, но его план по избавлению семьи от Киры уже заработал. Он обнаружил у нее несколько уязвимых мест: стремление защитить брата, неуверенность в себе и необходимость снискать одобрение окружающих. И еще он уловил легкую злость на отсутствующего отца. Правда, Кира не сказала ничего о своей матери, и это было странно, но Гевин планировал позже узнать что-нибудь и о ней. Возможно, когда они вернутся в Норфилд-Парк, это даст ему шанс соблазнить ее.

Укол совести напомнил ему, что его план выглядит довольно подло, и все же у него не было другого выхода. Да, она прекрасна, а он никогда так отчаянно не желал женщину, чтобы вспоминать ее запах и позволить ей преследовать его во снах. И еще она несла с собой скандал, который не нужен его семье. В таких обстоятельствах вряд ли имело значение, что эта женщина обладала музыкальным талантом, способным заставить плакать ангелов. Гевин с удовольствием слушал ее всякий раз, когда она играла для него, он видел страсть в ее лице, но это еще не значило, что он обязан быть снисходительным к ней. Он ей вообще ничего не должен.

— Я собираюсь скомпрометировать ее, — наконец сознался он. — Устрою все так, чтобы Джеймс мог сам увидеть, на ком он собирается жениться.

Голубые глаза тетушки растерянно заморгали, и она слабо улыбнулась.

— Мой умный, дьявольски умный мальчик, что за чудесная идея! Может быть, и я смогу как-то помочь? Кто лучше меня способен проникнуть в женский ум...

Гевин поморщился — он считал идею заручиться поддержкой тети чрезмерной.

— Лучше я все сделаю сам.

Тетя Кэралайн всплеснула руками от волнения.

— Великолепно. Жду не дождусь, когда же ты откроешь Джеймсу глаза, что за шлюха его мисс Мельбурн.

Гевина передернуло. Шлюха — это, пожалуй, уже слишком. В конце концов, если бы она была совершенно распутна, то уже сейчас пригласила бы его в свою постель — и, при удачном стечении обстоятельств, даже не один раз. И он бы с удовольствием согласился — ведь она была единственной женщиной в его жизни, которая могла разрушить весь его самоконтроль одним своим присутствием. Но вместо этого Кира научила его, как обращаться с застенчивой младшей сестрой, предложила ему совет, который на поверку оказался на удивление эффективным. Помолвка Кейт уже практически состоялась, и за это он должен был поблагодарить Киру — прежде чем запустить руки к ней под юбку ради пользы Джеймса.

Проклятие, все это выглядело слишком отвратительно! Увы, Гевин не мог уступить своей совести. Он должен соблазнить Киру Мельбурн, и точка!

К несчастью, желание, которое он так старался обуздать в ее присутствии, рвалось с поводка, словно неуправляемая лошадь. Смирившись с тем, что ему предстоит, герцог направился в гостиную. Вскоре к нему присоединились тетя Кэралайн и остальная семья, включая восхитительную, но уже доставившую столько неприятностей Киру.

Постепенно начали собираться гости. По лондонским меркам вечеринка была очень скромной. Гости напрямую не отвергали Киру — никто не посмел бы сделать это в доме Гевина; но никто и не разговаривал с ней. Лорд Дархерст, известный бабник, едва удостоил ее взглядом, и даже тетя Кэролайн не подходила к ней и не делала ничего, чтобы подбодрить девушку.

Наконец прибытие Брока и Мэдди прервало мрачные раздумья герцога, за что он был им очень благодарен.

— Кузина Мэдлин! — Гевин галантно поклонился и поцеловал Мэдди в щеку. — Ты выглядишь просто чудесно.

— Да-да, она даже немного светится, — поддразнил Брок.

— Светится? — Гевин внимательно оглядел кузину, действительно как будто излучавшую свет. Ее кожа гладкостью напоминала слоновую кость, а глаза сияли ярче серебра.

— Вот именно. Разве не все ждущие ребенка женщины светятся?

Гевин перевел взгляд с друга на кузину.

— Мэдди, неужели это правда?

Радостно кивнув, Мэдлин улыбнулась:

— Точно узнаем в ноябре.

— Третий ребенок! — Гевин похлопал друга по спине. — Это определенно благословение Божье.

— Мы тоже так думаем, — Мэдди улыбнулась мужу; обожание в ее глазах было столь очевидным, что Гевин невольно позавидовал счастливой паре.

Как чувствует себя человек, в жизни которого есть женщина, любящая его всем сердцем? Гевин никогда раньше не задумывался об этом, а следовало бы.

— Я собираюсь сообщить новость твоей тете, — объявила Мэдди, прежде чем исчезнуть в толпе.

Гевин одобрительно посмотрел на улыбающегося друга.

— А ты везучий!

— Чертовски везучий. Каждый день, глядя на Мэдди, я все больше понимаю это.

Брок вздохнул, наблюдая за оживленной беседой жены с тетушкой Кэролайн и другими женщинами, но вдруг, увидев кого-то в толпе, нахмурился.

— Это же...

— Кира Мельбурн? — Герцог кивнул. — Да, она.

Брок вопросительно поднял бровь.

— И все еще обручена с Джеймсом?

— Увы. Я пытался переубедить его, но... — Гевин усмехнулся, словно осуждая самого себя. — Дьявол, я испробовал все, что только мог придумать, чтобы заставить ее уйти.

— Зная тебя, я уверен, что ты в самом деле приложил к этому значительные усилия.

— Еще бы, — пробормотал Гевин, и его глаза снова вернулись к Кире.

Девушка стояла у стены рядом с братом. Никто не разговаривал с ней, но она высоко держала голову и, казалось, смотрела сквозь толпу, как будто совершенно не обращая внимания на чье-либо мнение.

И все же герцог знал, что это не так. Брок проследил за его взглядом.

— Она красивая женщина.

— Да уж. — Гевин сглотнул. Будь он проклят, если не чувствует, как его тело

разгорается от одного только взгляда на нее. Интересно, какое это ощущение, если вынуть шпильки из ее волос и распустить волосы по ее светящемуся обнаженному телу? Каково знать, что он может прикоснуться к любому месту на нем, к какому только пожелает? Гевин почувствовал, что возбуждается, и постарался умерить сладострастное направление своих мыслей.

— Держу пари, что почти каждый мужчина в этом зале желает ее.

Герцог ничего не ответил; это было слишком опасно. И все же он не мог отвести взгляд от Киры.

— Думаю, в их числоходишь и ты.

Эти тихие слова наконец заставили Гевина обернуться.

— Нет.

Друг посмотрел на него с сардонической улыбкой.

— Твое лицо говорит совсем другое.

— Это даже не обсуждается.

Брок догадливо улыбнулся.

— А по-моему, ты обдумываешь именно это.

— Вот дьявольщина! Неужели это так чертовски очевидно? — Гевин поморщился.

Брок похлопал его по плечу.

— Мне...

— Это пройдет, — неуверенно сказал герцог, отчаянно надеясь, что так и будет.

Прежде чем Брок успел ответить, в зал со своей обычной благородной грацией вошла леди Литчфилд, рядом с которой шел совершенно неожиданный гость.

Граф Уэстленд, дядя Киры, с которым она никогда не встречалась.

Мрачное предчувствие кольнуло сердце Гевина. Проклятие! Предстоящий вечер будет чертовски сложным.

Наблюдая гостей на званом ужине миссис Хауленд, Кира не поддавалась желанию скрестить руки на груди; напротив, она даже сделала вид, что заинтересовалась замысловатой лепниной над дверями. Однако случайный взгляд на пейзажи, развешанные по стенам, вывел ее из с таким трудом достигнутого равновесия, и ей ужасно захотелось оказаться сейчас в другом месте.

От приглушенной болтовни у нее гудело в голове. Полчаса назад Дариус сунул ей в руку бокал шерри, но она так к нему и не притронулась.

Почему Джеймс настоял на том, чтобы она пришла сюда? Ее присутствие никак не изменит мнение о ней света. О, Джеймс очень старался представить ее окружающим, но очень быстро понял, что никто не считает такое знакомство приятным. В конце концов, он сдался, и Кира отошла к бледно-желтой стене, изо всех сил сдерживая слезы, с которыми ей приходилось бороться слишком часто.

Почему никто не хочет принять ее такой, какая она есть? Они видят только скандал, персидскую кровь. Проклятие, ведь ни то ни другое не делает ее менее человеком. Кира молча наблюдала за тем, как на другом конце комнаты Джеймс плелся за матерью, торжественно двигавшейся по залу в изысканном бледно-голубом платье, а Гевин стоял с красивым джентльменом, который пришел с очаровательной рыжеволосой дамой. Никто в семье ее жениха, включая самого Джеймса, похоже, не желал включать ее в свою беседу, в то время как Кире страстно хотелось иметь больше опыта в светском общении и не казаться такой отверженной. Ее удержали робость и скандал.

Мгновение спустя Гевин повернулся к двери, и Кира перевела глаза туда. Она увидела, как в дверь вошла высокая, величественная женщина с сияющими золотыми волосами и, казалось, поплыла мимо полукруглого стола и бархатного греческого кресла. Одета в изумительно элегантное платье цвета весенней травы, женщина, как и ее улыбка, была холодна и сдержанна, как будто ничто в мире ее не трогало. Ее голубые глаза на фарфоровом лице светились умом. Кира заметила, что все приветствуют ее с почтением. Женщина принимала внимание так, будто это было ее право, удостаивая окружающих кивком и ответными приветствиями тогда, когда считала нужным.

Она являла собой идеальную английскую розу, она была всем — и обладала всем. Кира ощутила укол зависти. Какую уверенность, должно быть, чувствует эта дама, зная, что будет хорошо принята везде, где бы ни появилась, что все будут искать ее одобрения и уважать ее мнение. И как же это чудесно — не чувствовать робости на публике.

Одновременно подавленная и восхищенная, Кира наблюдала, как дама приветствовала группу почтенных матрон, среди которых была и миссис Хауленд. Франтоватый, хотя и немолодой лорд Тот, которому она недавно была представлена, подошел к даме, но та словно не заметила его. Затем в ее сторону неторопливой походкой направился высокий мужчина с песочного цвета волосами и неприятной улыбкой. Граф Дархерст — так, кажется, назвал его Джеймс.

Однако когда светловолосый гигант приветствовал ее, женщина неожиданно прильнула к руке лорда Тота, пробормотала что-то и отвернулась. Кира с удивлением наблюдала эту странную сцену. Интересно, почему даме так не нравится Дархерст?

Она все еще не знала ответа, когда Гевин подошел к величавой блондинке и с улыбкой,

склонившись, поцеловал ее руку. Тогда дама положила руку на локоть Гевина и быстро отпустила лорда Тота, а Дархерст наблюдал за всем этим злобным взглядом.

Манера общения Гевина и этой женщины встревожила Киру. Никаких неловких пауз или официальных представлений. В действительности их улыбки сказали ей, что эти двое прекрасно знакомы. Она чувствовала каким-то шестым чувством, что дама и была той самой леди Литчфилд, на которой Гевин намеревался жениться.

Холодно кивнув Дархерсту, леди Литчфилд стала непринужденно беседовать и с Гевинком, и еще с одним господином, стоявшим рядом с ним. Вскоре к ним присоединился третий собеседник, который вошел в зал вслед за дамой.

Кира внимательно наблюдала за Гевинком. Ей сразу стало ясно, что он очень высокого мнения о леди Литчфилд, и она вдруг почувствовала боль.

— Кто это? — прошептал Дариус ей на ухо.

— Почти уверена, что это леди Литчфилд, молодая вдова, на которой, по словам Джеймса, Кропторн, видимо, скоро женится.

— Ох и пара получится. Оба кажутся такими надменными...

Кира укоризненно взглянула на брата.

— А по-моему, Гевин не настолько плох. Если захочет, герцог может быть очень приятным.

— Он уже Гевин, да? — Дариус пристально посмотрел на нее.

— Тебе обязательно остричь? Просто герцог попросил меня звать его по имени, раз уж мы скоро станем родственниками.

— Неужели? — Дариуса явно не обрадовало ее сообщение.

— Именно. — Кира нахмурилась. Как сможет она объяснить, что за время перемирия узнала Гевина гораздо лучше, чем брат мог себе представить?

— Ты что, не понимаешь? Да он же хочет тебя!

Дариус редко смягчал слова, но подобное откровение поразило даже ее.

— Это абсурд! Я выхожу за его кузена, а у него есть совершенно очаровательная женщина, которой он скоро предложит...

— Я ведь не сказал, что он хочет жениться на тебе.

Взгляд Дариуса был так серьезен, что Кира нерешительно замолчала. Неужели это правда? Хотя это казалось невероятным, она разрывалась между негодованием и опасной радостью. Впрочем, это, видимо, опять вернулась опрометчивая предсвадебная лихорадка.

Дариус пристально наблюдал за ее лицом — и ему явно не нравилось то, что он видел.

— Будь осторожна, сестра.

— Он только предложил, чтобы мы стали друзьями ради семейной гармонии.

Уголки губ брата опустились вниз в циничной улыбке.

— Кропторн может называть это как хочет, но я уверен, что на уме у него одно — соблазнить тебя.

— А по-моему, ты слишком недоверчив.

Дариус пожал плечами, но Кира знала, что он еще заговорит с ней об этом.

— Скажи, что за мужчина вошел вслед за леди Литчфилд?

Кира пристальнее вгляделась в мужчину, стоявшего рядом с Гевинком около двери в гостиную. Это был незнакомый джентльмен в возрасте, но его черты показались ей более чем знакомыми. Подбородок, голубые глаза... Они были так похожи... Кира даже рот открыла от удивления, а потом кровь отхлынула с ее лица.

— Дариус, о Боже... Он — он похож на папу, — выдохнула она.

— Действительно, разве что немного старше, — протянул Дариус. — Подозреваю, что мы, в конце концов, пусть и мельком, увидели графа Уэстленда.

В то же мгновение Киру охватил страх. Вдруг граф демонстративно откажется от них, к бурной радости всех гостей, унизит их за их кровь? Девушка зажмурила глаза, отчаянно желая, чтобы этого вечера никогда не было.

Мгновение спустя в их сторону направилась рыжеволосая женщина — раньше Кира уже видела эту даму, приехавшую с тем самым мужчиной, с которым сейчас разговаривал Гевин. Женщина была одета как истинная леди; все в ее одежде выглядело весьма изысканно — от золотистого с кружевами платья до гирлянд роз, вплетенных в локоны.

Внезапно дама остановилась прямо перед Кирой, и девушка с недоумением уставилась на нее.

— Простите, по-моему, мы не знакомы, — произнесла рыжеволосая красавица с сияющей улыбкой на красивом лице.

Кира замаялась. Эта дама действительно хочет поговорить с ней?

— Я понимаю, что с моей стороны очень смело представляться самой, но вы выглядите так, будто вам нужно увидеть дружеское лицо. Я леди Мэдлин Тейлор.

Кира никогда не слышала этого имени, но не сомневалась, что улыбающаяся леди Мэдлин слышала о ней.

— Очень приятно. Я мисс Кира Мельбурн.

На мгновение на лице Мэдлин промелькнуло удивление, но она быстро справилась с замешательством.

— Вы обручены с мистером Хаулендом, не так ли?

— Да.

Неужели леди Мэдлин не собирается унизить ее, отойти или хотя бы нахмуриться?

На другом конце комнаты дядя, которого она никогда не видела, увлеченно разговаривал с собеседницей Гевина, которая удобно устроилась в отделанном бахромой плюшевом кресле.

— Добро пожаловать в семью. — Мэдлин приветливо кивнула, а в ответ на озадаченное выражение лица Киры охотно пояснила: — Я кузина Гевина и Джеймса.

Родственница? Кира удивилась. Эта женщина отлично знала, с кем разговаривает, и не убежала прочь. Она нерешительно улыбнулась. Возможно, Мэдлин станет для нее кем-то вроде союзника.

— Очень... очень рада с вами познакомиться. — Кира снова неловко улыбнулась.

— И я тоже.

Стоящий рядом Дариус кашлянул, и Кира поморщилась.

— Простите мои ужасные манеры. Для меня все здесь слишком непривычно, — извинилась она. — Это мой брат, мистер Дариус Мельбурн.

— Очень приятно, — сказала леди Мельбурн, и Дариус поклонился. Затем Мэдлин снова повернулась к Кире. — Итак, мы должны как можно скорее устроить чаепитие, и тогда вы сможете все рассказать мне о себе.

С каждой фразой женщина нравилась Кире все больше.

— Благодарю вас, леди Мэдлин. Я буду очень рада, но боюсь, мне нечего рассказать, кроме... — Сплетен? Нет! Она не должна напоминать своей новой знакомой о скандале и о других причинах, из-за которых присутствующие не разговаривают с ней.

— Зовите меня Мэдди, пожалуйста, — произнесла дама. — Мы же скоро будем одной семьей. — От улыбки на ее левой щеке появилась ямочка, но когда она взглянула через зал на герцога, улыбка исчезла, и она сдвинула брови. — Интересно, почему у Гевина такой сердитый вид?

Действительно, хотя совершенная английская роза словно приклеилась к его руке, Кропторн был мрачен и при этом упорно смотрел в их сторону.

Кира пожалала плечами.

— Он хмурится гораздо чаще, чем должен бы.

— Верно.

Хотя Кира знала, что любопытство опасно, она все же спросила:

— Та дама рядом с ним в самом деле леди Литчфилд?

— Да. Хотя, подозреваю, скоро мы будем звать ее герцогиней Кропторн. — Мэдди улыбнулась, и Кира изо всех сил постаралась улыбнуться в ответ.

— Джентльмен в синем сюртуке — это лорд Уэстленд, а вон тот красавчик рядом с Гевином — мой муж, мистер Брок Тейлор, я познакомлю вас с ним позже. Они с Гевином большие друзья. Вообще-то я удивлена, что кузен до сих пор не привел Брока, чтобы познакомить его с вами.

Однако Кира была не столько удивлена, сколько разочарована. Впрочем, вряд ли мистер Тейлор захочет знакомиться с ней. Все же она кивнула своей новой подруге.

— Моя сестра немного застенчива, леди Мэдлин. Она хочет сказать, что будет очень рада познакомиться с вашим мужем, — внезапно раздался за ее спиной голос Дариуса.

Кира раздраженно посмотрела на брата, а Мэдди рассмеялась.

— Застенчива, да? Зато я могу болтать за двоих, так что мы прекрасно подойдем друг другу. — Внезапно между ее изящными каштановыми бровями появилась складка, выдававшая досаду. — Просто отвратительно, что мужчины до сих пор не подошли сюда. Что ж, тогда нам придется пойти к ним.

Мэдди круто повернулась, как будто ожидая, что Кира пойдет за ней, и Дариус тут же подтолкнул сестру.

— Перестань! — прошипела она. — Лорд Уэстленд стоит рядом с Гевином и мистером Тейлором. Неужели ты не понимаешь, что произойдет, если мы подойдем к ним? Дядя прогонит нас, и все это увидят.

Недовольно хмыкнув, Дариус снова прислонился к стене, однако Мэдди, похоже, ничуть не волновало затруднительное положение Киры.

— Идемте же. Вы станете менее робкой, обретя больше знакомых.

Прежде чем Кира успела хоть что-то возразить, Мэдди подхватила ее под руку и повела через всю комнату. Дариус последовал за ними.

При их приближении Гевин поднял глаза. То, что он был сердит, нельзя было не заметить, и Киру это весьма огорчило. По какой причине он злится на нее? Разве они больше не друзья? Возможно, она неправильно истолковала его предложение примирения? В любом случае герцог выглядел так, будто совершенно не рад видеть, как она передвигается среди его гостей.

Когда Мэдди представила Дариуса и Киру Броку, который в ответ галантно поклонился, Кира пробормотала что-то приличествующее случаю, хотя вряд ли смогла бы вспомнить что. Она знала только, что при упоминании ее имени дядя впился в нее пронзительным взглядом и больше не отводил его.

Потом Мэдди представила их леди Литчфилд. Кира подумала, что должна быть благодарна за любой предлог отвернуться от графа. Собеседница Гевина вскоре доказала, что она ошиблась.

Леди Литчфилд уставилась на нее ледяным взглядом, в то время как весь зал, казалось, напряженно наблюдал за ними. И все же Кира не поддавалась желанию поскорее зажмуриться или отвернуться.

— Так вы собираетесь выйти за нашего Джеймса? — холодно спросила дама, свысока глядя на собеседницу.

— Да. — Кира гордо подняла подбородок, не желая, чтобы Леди Совершенство одержала над ней верх. — Наша свадьба состоится через неделю.

— Что ж, понятно, — пробормотала дама. И никаких “желаю счастья” или “поздравляю”.

Как может герцог жениться на такой женщине? Она заносчива, и ей не хватает живости. Жизнь с ней заставит Гевина обратиться к от рождения сдерживаемым склонностям. И все же одного взгляда на леди Литчфилд было достаточно, чтобы увидеть, сколько в ней умения демонстрировать шарм и благородные манеры. Такая дама никогда не потерпит скандала, тем более не станет его причиной. Если Гевин и женится на ней, он сделает это потому, что так велит ему разум, тогда как в подобных случаях куда лучше думать сердцем.

— Извините. — Без дальнейших объяснений леди Литчфилд отошла от них и направилась к хозяйке салона.

Заметив, что все вокруг нее начали перешептываться, Кира сложила руки на груди. Она бы заплатила любые деньги, чтобы оказаться сейчас хоть в колючем кустарнике — лишь бы этот кустарник был далеко-далеко от Лондона.

— Лорд Уэстленд, — обратилась Мэдди к дяде Киры, прерывая неловкую паузу, — это Кира Мельбурн... — Внезапно Мэдди удивленно наморщила лоб и внимательно взглянула на графа. — Но у вас же одинаковая фамилия! Простите мою неосведомленность, вы, случайно, не родственники?

Тиски напряжения в животе Киры сжались почти до боли. Признает граф ее и ее брата или с презрением отвернется от них из-за их смешанной крови?

Едва дыша от ощущения надвигающейся опасности, Кира смотрела на высокомерного лорда. Граф был до боли похож на ее отца, но в голубых глазах не было веселья; его седые волосы дополнял сердитый взгляд, а гордое выражение лица оставляло мало надежды на то, что он заговорит с ней и Дариусом.

— Несомненно, — неожиданно раздался в тишине голос Гевина.

Чрезвычайно удивленная, Кира искоса взглянула на него, и он едва заметно кивнул ей.

— Дети вашего брата, не так ли? — сказал он громко. — Родство с вами объясняет их сходство и талантливость.

Теперь граф не мог отказаться от них, не отказавшись от только что услышанного комплимента. Это было похоже на то... что герцог пришел ей на помощь, и Кира улыбнулась. Тепло зажгло искру счастья у нее в груди. Она вдруг уверилась, что они с Гевинем в самом деле друзья, что не могло не радовать ее.

— Полагаю, вы правы, ваша светлость. — Граф старался держаться так прямо, что Кира удивилась, как его спина до сих пор выдерживает это.

И все же он не выказал никакого желания продолжить знакомство, отчего Гевин посмотрел на него с легкой досадой.

— Со слов мисс Мельбурн я понял, что вы никогда не имели удовольствия встречаться. Так давайте сейчас изменим это неудачное обстоятельство.

— Действительно, это будет так трогательно! — Мэдди довольно кивнула, очевидно, не сознавая, какие настроения царят вокруг нее.

Несколько долгих мгновений граф молча внимательно рассматривал племянников, и Кира затаила дыхание, надеясь на одобрение и одновременно боясь публичного отказа.

Наконец граф протянул Дариусу руку.

— Рад наконец познакомиться с тобой, племянник.

— Милорд. — Дариус почтительно пожал руку дяди.

— Уже выбрал профессию?

— Я думаю изучать право.

Уэстленд нахмурился.

— Если передумаешь и решишь выбрать военную карьеру, обратись ко мне — у меня на этот предмет есть хорошие связи.

Судя по форме предложения, дядя не слишком спешил помочь, но все равно это было нечто вроде оливковой ветви, и Кира взволнованно посмотрела на брата.

— Ну а вы, юная леди? — прорычал дядя.

Кира широко раскрытыми глазами посмотрела на него.

— Насколько я понимаю, вы должны вскоре выйти за кузена его светлости, священника?

— Да.

Уэстленд окинул ее внимательным взглядом.

— В свете ваших обстоятельств это вполне удовлетворительно. Где ваш отец?

Явное недовольство, прозвучавшее в его последнем вопросе, застало Киру врасплох.

— Впрочем, нет, не говорите ничего. Он, конечно же, путешествует.

— Да, милорд.

Граф недовольно поджал губы.

— Ну, Бог ему судья.

Кира почувствовала облегчение, когда услышала, что обед подан, — теперь ей не надо было публично защищать отца. Все общество чинной процессией сообразно рангу и значимости направилось в столовую, и Дариус с Кирой пристроились в самом конце.

В тот вечер она больше не разговаривала с дядей, но поверх уставленного веджвудским фарфором стола с серебряной супницей и более чем двадцатью симметрично расставленными блюдами все же не раз ловила на себе его пристальный взгляд. А вдруг их случайная встреча станет началом родственных отношений? Если так, то, похоже, она должна поблагодарить за это Гевина Кропторна.

На следующее утро Гевин укрылся в библиотеке, надеясь хоть так избежать упреков тети Кэролайн. По ее мнению, не только званый вечер прошел очень плохо, но и винить во всем надо было именно его. Как он позволил Мельбурнам оставить место у стены, и какой приступ безумия заставил его представить их самому лорду Уэстленду?

Хороший вопрос. Вздохнув, Гевин устало потер глаза, потом рассеянно скользнул взглядом по рядам книг, собранных многими поколениями его предков.

Почему он представил Киру ее дяде — и сделал все так, что тот не мог не признать племянницу? Жалость, черт бы ее побрал. И еще желание успокоить свою совесть. Если лорд Уэстленд примет Киру, у нее будет кто-то, на кого она сможет опереться после того, как

Гевин, соблазнив, расстроит ее помолвку с Джеймсом. Кроме того, влияние дяди может пресечь сплетни, создавшие девушке такую скандальную репутацию. Граф Уэстленд никогда не допустит, чтобы другой мужчина, кроме мужа, чересчур подробно узнал тело его племянницы.

Внезапный стук в дверь заставил его вздрогнуть.

— Да?

Дверь медленно открылась, и в комнату вошла Кира, спокойно-чувственная, невероятно красивая — словно созданная для того, чтобы разрушить его покой.

Герцог поднялся.

— Могу я поговорить с вами? — спросила она. Может быть, отослать ее? Он ведь собирался подумать в тишине. Нет, это была неправда; теперь он хотел сорвать с мисс Мельбурн одежду и ласкать каждый нежный, пахнущий ванилью дюйм ее тела. Вот проклятие, он должен начать думать о чем-то другом. И он будет — надо надеяться, скоро.

— Конечно. Конечно, проходите.

Золотой солнечный свет струился в комнату через три восточных окна, омывая Киру своим теплом, когда она грациозно шла по комнате, и все же она выглядела немного напряженной. Или это он заставил ее нервничать? Видимо, да, но, может быть, он пугает ее? А что, если она просто ощущает его как мужчину?

Пристальный взгляд в ее очаровательно порозовевшее лицо и бегающие глаза подтвердил, что верно последнее.

Но зачем женщине с таким, как у нее, опытом вести себя словно девственница, если только она не хочет заманить мужчину в ловушку? И каким образом он сможет отвлечься от мыслей о том, не заняться ли с ней любовью?

— Я не собиралась вам мешать, Гевин.

— Вы и не помешали.

Она улыбнулась, и его сердце учащенно забилось, будто он снова стал мальчишкой.

— Я хотела только поблагодарить вас за прошлый вечер. Надеюсь, дядя все же примет нас с Дариусом, несмотря на... мою мать.

Гевин нахмурился. Нежелание Киры говорить о матери никогда не было более очевидным.

— Благодарить пока не за что, — рассеянно произнес он. Его мысли были гораздо больше заняты тем, что она скрыла. — Кира, расскажите мне, где сейчас ваша мать?

Девушка пожала плечами: видимо, его вопрос расстроил ее.

— Я точно не знаю. В Персии, вероятно, в Загросе. Она говорит, что это ее самое любимое место на земле.

Печальная нотка в голосе Киры отчего-то задела Гевина.

— Когда вы в последний раз получали от нее известия?

Кира на мгновение замялась.

— Несколько лет назад. Думаю, не скучает, там у нее есть друзья и родственники. Мы... больше не близки. — Она вздохнула и печально улыбнулась. — Возможно, когда-нибудь я вернусь в Персию и увижу ее.

— Вы уже ездили туда? — Гевин наклонился ближе к ней. От Джеймса он знал, что мать Киры прежде жила в Англии, но несколько лет назад она отбыла в Персию. Он и представить не мог, что Кира тоже путешествовала с ней.

— Да, ребенком я какое-то время жила там. Дариус вряд ли многое помнит, ему было

всего семь, когда отец привез нас назад в Англию.

— Но вы помните?

— Ну, Персия... она совсем не такая, как Англия. Со стороны она кажется гораздо проще, но в действительности там все очень сложно.

Слова девушки словно заворожили герцога. Слова... или она сама?

— Большой частью это пустыня, разве не так?

— В основном, но временами эта страна похожа на рай, хотя зимой там очень холодно. Я помню снег.

— Снег? Я решительно удивлен. — Его лицо показывало, что он не лжет. — А какие там люди?

— Во многом они такие же, как англичане: так же любят свою семью и считают религию очень важной частью жизни. Мальчикам там дают образование, а большинство девочек почти не учатся. Но некоторые вещи отличаются безмерно. Религия, то, как одеваются женщины, даже архитектура. Народ моей матери по большей части занимается торговлей, поэтому мы жили кочевой жизнью. Я тогда была очень маленькой, но помню, что разные места были очень не похожи.

Кира вдруг умолкла и опустила взгляд на руки, аккуратно сложенные на коленях. Чего она стеснялась? Своей персидской крови?

Интересно, может быть, он сумеет убедить ее вернуться? Это определенно решило бы проблему с Джеймсом, хотя одновременно Гевин надеялся, что она скажет “нет”.

— Вы скучаете по тем местам?

— Думаю... иногда. Строгая красота той земли ничем не похожа на Англию с ее садами. Кажется, что легче услышать свои мысли, если ты окружен только солнцем, песком и созданиями природы, которые, кое-как перебиваясь, живут на этой земле. В Персии мало кого заботит мысль о ближайшем светском событии или о том, какой изящный туалет приобрести по этому случаю.

— Так вы все-таки хотите туда вернуться?

Что-то промелькнуло в ее лице — может быть, тоска. Она сглотнула и натянуто улыбнулась ему.

— Нет.

Простое “нет” и больше ничего; никаких объяснений, разумных обоснований. Гевин нахмурился. Ему казалось, что все переживания Киры слились в этом решении. И все же он не мог остановиться. Почему красивая девушка с такими приятными манерами столь несдержанна в своих пристрастиях? Одна только ее миловидность заслужила бы ей множество предложений. Неужели она, как и он, всего лишь раба вождения, горячего и чрезмерного, струящегося в ее венах?

Обеспокоенный опасным направлением своих мыслей, Гевин решил сменить тему.

— Возможно, вы скоро снова встретитесь со своим дядей.

Кира улыбнулась, на этот раз гораздо более искренне. — Возможно. У них с отцом все еще много разногласий, но мне хочется верить, что эту ветвь семьи ждет светлое будущее. — Она вздохнула. — А теперь позвольте оставить вас. Мне хотелось поблагодарить вас, и я это сделала.

Кира взглянула на Гевина из-под густых черных ресниц ярко-индиговыми, мягкими и такими чистыми глазами, и этот взгляд словно пронзил его. Проклятие, скоро она окончательно околдует его. С каждым днем в присутствии Киры он хотел ее все больше, а

контролировать себя мог все меньше. Она все сильнее нравилась ему, и это делало его полным идиотом.

— Пока я сделал для вас слишком мало, — пробормотал он, встревоженный неожиданным поворотом своих мыслей.

Кира нежно коснулась его руки, и от этого короткого прикосновения у него закипела кровь.

— Кто знает. В будущем вы можете обнаружить, что оказали мне огромную услугу, за которую я всегда буду вам благодарна.

Словно замороженный, Гевин смотрел, как Кира уходит. Покачивание ее гибкого тела, линия узкой спины, грациозность шагов — все напоминало ему, что, как это ни ужасно, он хочет от нее вовсе не проклятой благодарности, а совсем другого.

— Мне необходимо отправиться с визитом к моему другу, мистеру Берджесу, в Йоркшир, — объявил Дариус на следующий день, когда Кира сидела одна в комнате. В руке он сжимал помятый листок. Похоже, это было какое-то письмо.

Кира недоверчиво смотрела на брата. Он что, сошел с ума?

— Через шесть дней моя свадьба; неужели ты не можешь немного подождать?

Лицо Дариуса помрачнело.

— Нет. Этот визит чрезвычайно важен для меня. Отец Берджеса пригласил мистера Фарроу, очень известного адвоката с большими связями, провести несколько недель в его поместье. Возможно, с его помощью я смогу в последующем изучать право.

Кира вздернула подбородок. В этих объяснениях явно не было никакого смысла. Гнев и смятение охватили ее.

— Если мистер Фарроу пробудет там несколько недель, ты, безусловно, сможешь приехать туда и после моей свадьбы.

— Послушай, Кира, дело почти устроено. Ты должна признать, что теперь мне нужно сделать то же самое и поскорее устроить свою жизнь.

Конечно, она понимала. Но почему сейчас? Впрочем, разве не эгоистично и не малодушно так противиться его отъезду? И все же она не могла понять, почему брат не хочет задержаться всего на несколько дней.

— Кто же будет стоять рядом со мной в день моей свадьбы?

Дариус отвел взгляд, делая вид, что увлеченно разглядывает старинные каминные часы в китайском стиле.

— Теперь у тебя есть Джеймс, и он будет с тобой до конца твоих дней. Боюсь, после свадьбы присутствие надоедливого брата будет только раздражать тебя.

— Но ты никогда не надоедал мне, и я... — Кира пыталась подобрать слова, разрываясь между необходимостью отпустить Дариуса искать свое счастье и желанием удержать его рядом с собой для своего успокоения. — Не оставляй меня, пожалуйста. Скорее всего я уже никогда не увижу маму, и один Бог знает, где теперь наш отец. Только ты, — она схватила брата за руку, — ты единственный всегда был опорой в моей жизни. Не знаю, смогу ли я принести необходимые клятвы без твоей поддержки.

Дариус нежно взял сестру за руки. — Ты должна, и ты это сделаешь. Наши родители — это уже в значительной степени прошлое, не останавливайся на нем. Вместо этого пройди по проходу в церкви к мистеру Хауленду с улыбкой на лице и покоем в сердце. Я буду думать о тебе с огромной любовью.

— Так ты все же уезжаешь?

Отчаяние охватило Киру. Дариус всегда был рядом с ней и никогда не покидал ее так внезапно и в такое важное для нее время. Ее защитник, постоянный источник силы и внимательный слушатель...

— Я должен. Обещаю приехать к тебе через несколько недель, как только ты устроишься в Танбридж-Уэллсе, с очень хорошими новостями. А пока желаю тебе счастья, сестра.

С этими словами Дариус поцеловал ее в щеку и, быстро выйдя из комнаты, рывком закрыл за собой дверь.

Через два дня после небольшого раута у миссис Хауленд Кира получила приглашение присутствовать на приеме, проводимом в саду городского дома ее дяди. Вернее, приглашение было адресовано ей и Дариусу, а также всей семье Джеймса. Кира приняла приглашение — хотя и неохотно, учитывая отсутствие брата, чей внезапный отъезд все еще смущал ее.

Яркое майское небо воплощало все совершенство английского весеннего дня. Очаровательную синеву не омрачали ни ветер, ни дождь, а буйное изобилие цветов украшало сад, которым леди Уэстленд имела полное право гордиться. К тому же Джеймс сумел отвлечь внимание своей матери от Киры, и теперь она спокойно прогуливалась с Гевином по залитому солнцем саду.

— Кажется, вы сегодня в настроении, — улыбаясь, заметил герцог, шагая рядом с ней. Высокая шляпа заслоняла от солнца мужественные черты его лица; в его темных глазах было столько заботы... что Кире захотелось подойти еще ближе к нему, но она не могла. Другие гости наверняка истолковали бы это неправильно, посчитав, что она имеет на него какие-то виды. Предупреждение Дариуса пронеслось в ее голове как молния. Возможно ли, чтобы Гевин думал о ней не только как о невесте кузена? В его непроницаемом взгляде девушка не могла найти ответа.

— У меня действительно есть основания для хорошего настроения, — произнесла она, наконец. — Я совсем не ожидала приглашения в дом дяди, тем более так скоро. К тому же он очень вежливо разговаривал со мной, когда я приехала.

— Возможно, граф очарован вами и хочет ввести вас в свой круг...

Ах, так он поддразнивает ее!

— Очарован? Боюсь, когда нас представляли, я запинаясь и бормотала невесть что, да и потом держалась ненамного лучше. Нет, если бы я обладала достаточной непринужденностью, я бы сейчас знакоилась с новыми людьми, а не пряталась в дальнем углу сада с тем, кого уже считаю своим другом.

Гевин внимательно посмотрел на нее, и Кире показалось, что от его взгляда исходит тепло. Кира почувствовала трепет где-то в животе. Ладони ее стали влажными. Когда он вот так смотрел на нее, она едва могла думать.

— Благодарю вас. — Его взгляд тронул ее лицо и задержался там. — Так приятно, что вы считаете меня другом. Это просто превосходно.

Кира посмотрела на него с напускной подозрительностью.

— Вы, возможно, намереваетесь стать самым речистым льстецом в Англии? Если так, это вам прекрасно удастся.

— Я — льстец? — Герцог выглядел крайне удивленным. — Когда я говорю, что вы поете божественно и улыбаетесь как ангел, то только констатирую реальные факты.

— Ах, пожалуйста... — Кира потупилась. — Возможно, мне следует поискать общества других людей, которые не будут забивать мне голову такой чепухой.

— И вы действительно бросите меня здесь, в углу сада, совершенно одного? — Брови герцога печально опустились вниз, однако на губах его по-прежнему играла озорная улыбка. — А вам не кажется, что это станет смертельной раной для меня?

— Очень в этом сомневаюсь.

Через мгновение леди Литчфилд, возникнув неподалеку, словно видение, прекратила их шуточный разговор. Совершенная английская роза прогуливалась по вымощенным галькой дорожкам, откровенно равнодушная к благоухающему воздуху и раскачивающемуся вокруг нее морю цветов. Заметив герцога, непрерывно здороваясь со знакомыми и счастливо избежав встречи с лордом Дархерстом, она направилась напрямиком к Гевину.

— Добрый день, ваша светлость, — вежливо поздоровалась она, но голос все же выдал ее недовольство. — Я долго ждала вас в гостиной леди Уэстленд, однако вы... заняты. Мисс Мельбурн.

Легкий наклон ее головы должен был служить приветствием, но резкие жесты ясно давали понять, что она откровенно презирает Киру.

— Леди Литчфилд. Рада видеть вас, — произнесла Кира звенящим голосом, не в силах побороть искушение уязвить гордичку.

Как она и подозревала, леди Литчфилд вовсе не собиралась продолжать беседу.

— Послушайте, Корделия, — произнес Гевин в неловкой тишине. — Не пройтись ли нам по саду?

Корделия? Итак, они уже обращаются друг к другу по имени и свадьба действительно не за горами. Отчего-то Кире не понравилась эта мысль. Леди Литчфилд ну никак не подходит ему...

— Разумеется, — небрежно ответила будущая герцогиня.

Что же теперь сделает Гевин? Либо он пригласит ее присоединиться к ним, либо попросит извинения. Кира находила оба эти предложения неприятными.

— Наслаждайтесь прогулкой. Это очаровательный сад. А я... пойду к другим гостям.

Прежде чем ей успели ответить, Кира повернулась и пошла прочь, лавируя между группами гостей. Однако, найдя Джеймса, она обнаружила, что ее жених погружен в беседу с другим священником. Что ж, они смогут поговорить позже, когда им никто не будет мешать.

Взглянув через плечо, Кира убедилась, что леди Литчфилд почти повисла на руке у Гевина. У обоих были такие серьезные лица, что она, поморщившись, отвернулась и тут же увидела миссис Хауленд на кованой железной скамье в тени раскидистого дуба. Почтенная дама сжимала в руке зонтик от солнца, и это напомнило Кире, что ее голубая креповая шляпка скорее выгодно демонстрирует кружева, чем затеняет лицо. К тому же несколько минут назад она сняла перчатки, чтобы потрогать один из прекрасных садовых цветов. Ей могло не нравиться общество миссис Хауленд, но эта дама безусловно была права, и Кире следовало это учесть; от яркого солнца ее и без того оливковая кожа станет еще темнее, усиливая различие между ней и английскими розами вроде этой леди Литчфилд.

Натягивая на ходу перчатки, Кира поспешила в дом, чтобы взять зонтик; хотя и маленький, кружевной, он все-таки поможет ей защититься от солнечных лучей.

Вооруженная всеми дамскими принадлежностями, Кира снова вышла в сад и стала прогуливаться, жалея, что с ней нет Дариуса, и гадая, почему он так внезапно уехал. Они с Джеймсом через три дня вернутся в Норфилд-Парк, чтобы там обменяться клятвами, и она все еще не могла поверить, что Дариус не приедет к этому времени. К сожалению, на свадьбе не будет и ее отца; письму понадобится несколько месяцев, чтобы добраться до него. Разумеется, ей хотелось, чтобы брат был счастлив и хорошо устроен, но она была бы очень рада, если бы он был с ней в день, когда ей предстоит стать женой Джеймса.

Вздыхнув, Кира заметила на скамье, на которой до этого расположилась миссис

Хауленд, трех дам. Дамы сидели к ней спиной, но по их шляпкам и платьям девушка догадалась, что это леди Литчфилд, леди Уэстленд и еще одна дама, с которой Кира еще не была знакома. Судя по их оживленным жестам, разговор серьезно увлек их.

Поскольку ей все равно больше нечего было делать, Кира медленно побрела в сторону скамьи.

— Меня просто убивает, что муж потребовал пригласить мисс Мельбурн на мой прием, — недовольно говорила леди Уэстленд. — Не понимаю, зачем он хочет видеть здесь эту неотесанную проститутку.

Кира остановилась, но не слишком удивилась. Когда она приехала, леди Уэстленд встретила ее с ледяной сдержанностью.

Третья женщина драматичным жестом подняла свой платок.

— О, она так ужасна. Конечно, ее пригласили только из-за родства, или, возможно, наш дорогой лорд Уэстленд просто жалеет ее.

— Я уверена, что все именно так, но каково мне переносить это? — Леди Уэстленд вздохнула. — У моего мужа доброе сердце, и я не хотела бы, чтобы он был другим. Однако я предпочла бы, чтобы он не жалел мисс Мельбурн так сильно и впредь не считал необходимым приглашать ее.

— Вы абсолютно правы, — тут же согласилась леди Литчфилд.

Кира вздрогнула. Возможно, дядя действительно жалеет ее, но так ли он прав в этом? Жалость легко могла превратиться в гордость, если бы он дал себе возможность больше узнать о ней.

— И все же я удивлена. Разве ваш супруг не был всегда против этих метисов? — негодуя спросила третья женщина.

— Конечно, — подтвердила леди Уэстленд. — Однако теперь он заявляет, что его раздражали постоянные разъезды брата и его недостаточная ответственность.

Кира устало прислонилась к росшему поблизости дереву. Ей следовало просто уйти и забыть об их словах, но отчего-то она никак не могла сделать это.

— Тем не менее вы правы, — продолжила леди Уэстленд. — Вы помните ее с братом на приеме у миссис Хауленд? Там они вели себя в высшей степени странно — почти весь вечер жались друг к другу в углу.

Кира нахмурилась. Дариус действительно стоял рядом с ней в тот вечер, чтобы она не чувствовала себя слишком ужасно. Они с братом были очень близки. Необходимость заставила их стать друг для друга друзьями и помощниками, так что в этом плохого?

— Я тоже это заметила, — подтвердила леди Литчфилд.

— Они смотрелись очень... уютно, так, как будто между ними интимная близость.

Остальные дамы тут же захихикали, а Кира слушала и не могла поверить своим ушам.

— Такие запретные отношения не должны никого удивлять, ведь они оба турки, а она не более чем дама полусвета, — не унималась леди Уэстленд.

Какая жестокая, невежественная ложь! И как же сильно Кире хотелось возразить им! Но это только вызвало бы еще большие сплетни. Поэтому она, стиснув зубы, развернулась и как можно спокойнее пошла прочь. Никто не будет искать ее, а быть мишенью для насмешек ей больше не хотелось.

Оказавшись у двери дома, Кира попыталась открыть ее, но дверь не поддавалась. Позади нее три дамы смеялись, словно злобные гиены. И все равно она не будет плакать. Нет, не будет!

Наконец, дверь немного подалась и начала медленно открываться. Кира сильнее толкнула ее и устремилась в дом, чтобы поскорее найти укромное местечко. Оказавшись в пустой бильярдной, она прислонилась к одному из столов, и слезы ярости полились по ее щекам.

Господи, неужели для нее никогда ничего не изменится? Всю свою жизнь она удивлялась, почему люди не могут понять, что она такая же, как и те, кому не приходится бороться со смешанной кровью. У нее есть чувства, она, как все, может радоваться и страдать. Она дышала, ела, спала, мечтала, знала, что хорошо и что плохо. Так почему же с ней не могут обращаться как с любой другой благородной дамой?

Что ж, если так, она выйдет замуж за англичанина и со временем докажет, какой хорошей женой может быть. Кира всего лишь хотела, чтобы люди видели в ней жену священника, а не наполовину персиянку, живущую в Англии и вот-вот готовую стать падшей женщиной. Авторитет Джеймса поможет ей изменить предубеждение людей.

И все же эти мечты казались ей такими зыбкими! Что, если брак не решит все ее проблемы? Нет, должен, должен решить! И все равно она не могла остановить неодобрение света, насмешки и ложь, пока не произнесет брачные клятвы, а до следующего вторника, дня ее свадьбы, оставалось еще так много времени!

Гевин прервал свой разговор с лордом Уэстлендом, чтобы полюбоваться на Киру, идущую по саду к дому дяди. Он восхищался ее легкой походкой, ее фигурой, мягкими алыми губами. Почему он, как ни старается, не может перестать думать о ней?

Продолжая смотреть на Киру, герцог вдруг заметил ее стиснутые зубы и покрасневший нос и похолодел. С того вечера у Бейклифов он помнил, что нос у Киры краснеет от слез. И к тому же она выглядела чертовски злой.

Беспокойство охватило его. Кто-то причинил ей боль, в этом нет сомнений. Проклятие, Кира так чувствительна к глупым замечаниям светских дураков. И почему они не могут просто заткнуться?

Извинившись перед лордом Уэстлендом, герцог, стараясь не привлекать к себе внимания, направился вслед за Кирой в дом. Необходимость действовать скрытно раздражала его не меньше, чем внезапная тревога. Ему ведь должно быть все равно, разве нет?

Едва войдя в дом, Гевин остановился. Что он делает? Кира — женщина, отдавшаяся лорду Венсу без брака, — его враг. Ее чувства не должны иметь для него никакого значения. Что-то расстроило Киру сегодня — что-то, что заставит ее запаковать вещи. Но что пользы в том, чтобы радоваться ее боли? Кроме того, как бы новые обстоятельства не вызвали очередных сплетен о его семье, так что нелишне спросить ее о случившемся.

Оказавшись внутри, Гевин стал методично обходить роскошные комнаты, и с каждой минутой его лицо становилось все мрачнее. Проклятие, да где же она!

Он поморщился. Соблазнение с целью разорвать помолвку казалось таким отвратительным, особенно когда речь шла о девушке с некоторыми очень приятными качествами. И все же стремление удалить ее значительно перевешивало их.

Или это было стремление дотронуться до нее?

Впрочем, он ведь попутно спасает ее от опрометчивого брака! Любой поймет, что она и Джеймс не подходят друг другу.

Наконец решившись, Гевин вошел в бильярдную и обнаружил там Киру сидящей спиной к двери на широком, обитом парчой диване. Ее плечи вздрагивали, но она не издавала ни

звука.

— Кира?

При звуке его голоса девушка резко повернула голову. И тут, увидев ее сжатые кулаки и заплаканное лицо, Гевин забыл обо всем, кроме желания задушить любого, кто причинил ей боль.

— Я прошу, оставьте меня...

Однако он не обратил внимания на ее протест и бесцеремонно сел рядом.

— Что случилось?

Кира покорно взглянула на него своими синими глазами, окруженными густыми черными ресницами. Она определенно негодовала на весь мир.

— Ничего нового.

Кира говорила почти без эмоций, как будто бурный поток чувств, закончившись слезами, оставил после себя одну лишь пустоту. Столь бесстрастное поведение было совсем не характерно для нее.

— Кто-то что-то сказал, — предположил Гевин. Она ответила кивком.

— О ваших... отношениях с лордом Венсом?

— Нет.

Это удивило его и одновременно только сильнее затронуло его душу.

— О вашем происхождении?

Кира замерла в нерешительности, потом снова кивнула.

— Кто?

Ответом ему было молчание. Впрочем, что он может сделать? Противостоять им? Встретиться с виновником, вероятнее всего женщиной, на рассвете с дуэльным пистолетом в руке? Какая глупость!

— Это не важно, — внезапно проговорила Кира. — Все считают, что у меня нет чувств. — Она нахмурилась, борясь с новым приступом слез. — Они не знают, что я тысячу раз желала изменить свое происхождение, но разве такое возможно!

Не зная, что сказать, Гевин просто положил руки ей на плечи, чтобы хоть немного утишить ее боль. Радость едва заметно затрепетала в нем, когда она не напряглась от его прикосновения и даже придвинулась чуть ближе. Он почувствовал, как его переполняют ощущения ее близости, желания и... опасности. Мужчины чертовски плохо умеют выпутываться из таких противоречивых ситуаций, а уж он хуже всех.

— Я сожалею. — Это все, что ему удалось произнести. Кира пожала плечами, и он отпустил ее.

— Я уже сказала, ничего нового. Мне уже пора бы привыкнуть к таким... глупостям.

— Но вы не привыкли.

— Нет, — тихо признала она.

Слезы снова заструились по щекам Киры, и она уже не пыталась остановить их. Больше не раздумывая, Гевин протянул руку и вытер горячие капли с ее лица, чувствуя, как все внутри его сжимается от боли.

— Кира...

— О, я, конечно, благодарна вам за вашу заботу, но мне приходится жить с этим всю мою жизнь. И все же я еще надеюсь, что люди когда-нибудь изменят свое мнение о моей матери-персиянке...

Печаль в ее голосе словно камень легла на его сердце, и Гевин встряхнул головой, чтобы

избавиться от этого ощущения. Ее желание быть принятой — желание, которое, возможно, никогда не будет удовлетворено, — он мог использовать в своих интересах... даже если эта идея не нравилась ему.

— Возможно, возвращение в Персию избавило бы вас от преследования со стороны ограниченных умов в Англии...

— Умы там и умы здесь ничем не отличаются, Гевин.

— Но возможно...

— Нет. Все четыре года, что мы провели в Персии, окружающие избегали нас с Дариусом. Мама оберегала нас как могла, удерживая вдали от своего отца и его братьев, но по ночам мы слышали, как они спорят. Они всячески мучили мою мать только за то, что она вышла замуж за человека другой нации и религии. При этом мои родственники вели себя так, будто нас с Дариусом вообще не существовало. О нас не говорили, нас не учили, даже не кормили, если мама не успевала проследить за этим.

Гевина охватил ужас. Будучи маленькой девочкой, Кира ничем не могла защитить себя. Еще в детстве она узнала, что такое ненависть. И все же где-то в глубине ее сердца сохранилась любовь к другим людям, и это изумляло его.

— Я не знал.

— Вы и не могли знать. — Кира грустно улыбнулась. — Вдобавок ко всему часто я не понимаю сама себя. И знаете, что самое ужасное?

— Нет. — Гевин снова взял ее за плечи и привлек к себе, но у него даже не осталось времени, чтобы подумать, как прекрасно ощущать ее своим телом, потому что Кира, положив голову ему на плечо, содрогнулась от нового рыдания.

Гевин резко выдохнул. Он не должен утешать ее — это глупо и бесполезно. Но как он мог игнорировать ее боль, если ему так хотелось облегчить ее страдания?

— Самое ужасное? О чем вы?

Кира перестала плакать и снова попыталась справиться с собой.

— После почти четырех лет мама поддалась давлению своей семьи и послала за нашим отцом, чтобы он приехал за нами и привез нас сюда. Сначала ей казалось, что ее родители смягчатся и примут нас, но раз уж они этого не сделали... — Кира прикусила губу, чтобы сдержать новые слезы. — Последнее, что сказала мне мама, я помню до сих пор. Нельзя смешивать разные культуры, это просто невозможно. Но я и есть смешение культур. — Неизбывная мука отразилась в ее глазах. — Я не могу избавиться от этого, что бы ни делала, и нигде не могу найти место для себя. Замужество — это моя единственная надежда.

Вот как? А он прилагает все усилия, чтобы лишить ее этой надежды.

Гевин чувствовал, что становится отвлечен сам себе. Черт, черт, черт! Он не хотел видеть, как Кира страдает из-за того, что было не в ее власти. И все же ей не могла быть позволена роскошь этого замужества. По крайней мере не с его кузеном — ведь они все равно не подходят друг другу.

Тем не менее отчаяние Киры терзало его. Если он собирается отобрать у нее будущее — а это так и было, — он должен хотя бы сказать ей что-то в утешение.

— Вы не просто дитя смешения культур, Кира, вы индивидуальность. Как же вы забыли об этом?

— Какое это имеет значение, если все другие забыли?

— Обидные слова, которые вы слышали сегодня, сказала женщина?

Кира кивнула.

— Так вот в чем дело! — Гевин щелкнул пальцами. Кира удивленно взглянула на него.

— Что?

— Они просто завидуют вам... — Он взял ее руку. — Вы красивы, умны, а женщины не любят это в других женщинах.

Кира посмотрела на него так, будто он сошел с ума.

— Да-да, это правда. — Гевин кивнул, словно подтверждал свои слова. — Они завистливые создания и показывают когти, когда считают, что кто-то их превзошел.

Кира покачала головой.

— Это были красивые женщины, которые, я уверена, обладают многими талантами.

Что ж, учитывая уровень сегодняшнего сборища, это было вполне вероятно. Не участвовала ли Корделия в этом унижительном разговоре? Гевин с досадой вздохнул, решив, что это тоже вполне вероятно. И все же она будет для него очень выгодной женой...

— Надеюсь, вы не позволите, чтобы их мнение слишком глубоко влияло на вас.

— Они обвинили меня в инцесте с Дариусом!

Гевин чуть не вскочил с места. Это было уже слишком! С трудом справившись со своим гневом, он твердо решил помочь Кире, по крайней мере на этот раз.

— Ничто из того, что они говорят или делают, не может отобрать у вас качества, которыми вы обладаете. Никогда. — Он сжал ее руку. — Я считаю, что вы прекрасны именно такая, как есть.

Расцветшая на лице Киры улыбка была наградой за его заботу, и Гевин улыбнулся в ответ, чувствуя безумное желание поцеловать ее.

— Вы не видели моего племянника? — услышал он через мгновение из другой комнаты голос тети Кэралайн и быстро встал, чтобы тетя не застала его утешающим Киру. Один Бог знает, что бы она наговорила ему, увидев такое.

— Подумайте о том, что я сказал. Вы обладаете всем, что есть у этих женщин, и даже большим.

Выходя из бильярдной, герцог оглянулся. Благодарность на лице Киры не удивила бы его, но это определенно была любовь. Увиденное произвело на него такое огромное впечатление, что он тут же поверил во все, что мгновение назад сказал ей.

Кира лежала в темноте на прохладных простынях и прислушивалась к доносившемуся из-за окна легкому перестуку дождя. Обычно она находила его успокаивающим, но сегодня ничто не могло помочь ей. Услышанные в саду слова все еще причиняли ей боль, но не они лишили ее сна. Причиной бессонницы были мириады чувств, мятущихся в ней, запутанный клубок желаний, смешение обожания и невозможной тоски. Эмоции переполняли ее, и все они были сосредоточены вокруг Гевина.

Неужели любовь? Кира не знала, что ответить себе, потому что никогда не была в таком состоянии и могла лишь предполагать это, судя по беспорядку в голове и в сердце.

Боже, она любит его!

Конечно, это было глупо, но ей никак не удавалось найти другого объяснения. Она думала о нем постоянно, наслаждалась временем, проведенным с ним, восхищалась его красотой, замирала каждый раз, когда он подходил ближе. Он нравился ей, и Кира все больше находила его забавным и добрым, а в последнее время даже нежным. Только что в бильярдной он доказал, что понимает ее. Быть любимой — разве не это было мечтой всей ее жизни? Она могла бы провести с Гевиним весь остаток своих дней, деля с ним горе и радости.

Кира еще несколько мгновений любовалась этой захватывающей перспективой, позволяя ей сиять в ее воображении. Все ее тело наполнило тепло и удовлетворение.

Девушка вдохнула влажный от дождя, прохладный весенний воздух, и тут же реальность вернулась. О, она слишком легко забыла про леди Литчфилд и про то, что через три дня должна обвенчаться с Джеймсом.

Но что, если это ошибка? Может быть, встреча с Джеймсом была только путем к Гевину и судьба припасла для нее нечто большее, чем брак без любви? Хотя она очень ценила дружбу Джеймса и была благодарна ему за помощь, но ей так хотелось любви! Был ли Гевин ответом на все мольбы ее сердца? Этого Кира не знала. Как же ей узнать правду?

Сейчас ей как никогда хотелось, чтобы Дариус оказался рядом и она смогла поговорить с ним. Возможно, брат не зря считал, что Гевин имеет к ней больше чем родственный интерес. Сердце Киры учащенно забилося. Дариус полагает, что у Гевина бесчестные намерения относительно нее, но нежность в лице герцога выглядела такой искренней! Теперь он казался ей бесконечно далеким оттого заносчивого типа, с которым она познакомилась в свой первый день в Норфилд-Парке.

Приподнявшись, Кира взбила подушку. Разделяет ли Гевин ее чувства или всего лишь восхищается ею как будущей сестрой? Разве не может быть, что он, как и она, влюбился, пока они ради семейной гармонии проводили время вместе?

О, если бы только она знала ответ! Кира даже села в постели. Завтра она найдет Гевина и постарается выяснить все, разумеется, если ей представится подходящая возможность.

Когда она узнает чувства Гевина, ее путь определится и все колебания останутся позади.

Когда Кира с трудом открыла глаза, она поняла, что время скорее ближе к полудню, чем к рассвету, и проворно вскочила с постели.

Пропади все пропадом! Обитатели дома уже наверняка встали, и то особое время, которое они часто делили с Гевином по утрам, давно миновало. Все-таки девушка надеялась, что сможет застать его где-нибудь так, чтобы без свидетелей узнать ответ на главный вопрос: любит ли он ее?

Быстро приведя себя в порядок, Кира нашла Джеймса, и тут обнаружилось, что Гевин уехал с мистером Тейлором, мужем леди Мэдлин. Построенная ими железная дорога должна была открыться уже через три недели, и Джеймс не знал, когда Гевин вернется.

Сердце Киры наполнилось любопытством, волнением и... чувством вины. Хотя Джеймс не любил ее, он великодушно предложил ей стать его женой, и она приняла его предложение, а значит, должна держать свое слово. И все же... Джеймс хотел жениться на ней только из жалости. Если бы она смогла найти любовь с Гевином, зачем им с Джеймсом связывать себя на всю жизнь, когда единственными мотивами их женитьбы были сострадание и отчаяние?

И смеет ли она забыть предостережение Дариуса о том, что Гевин хочет ее, но при этом не собирается жениться на ней!

Смущенная этими мыслями, Кира направилась в гостиную, где Джеймс по-прежнему сидел с Библией в руке. Она опустилась в бледно-зеленое кресло, давно ставшее ее любимым, и стала думать, что же ей делать дальше. Тем временем Джеймс завел разговор о том, что ему предстоит сделать, чтобы устроиться в приходе Танбридж-Уэллс после их свадьбы, и Кира вежливо кивала, хотя мысли ее были куда как далеко от этих проблем.

Через несколько минут она услышала мужской голос у входной двери и встала. Сердце ее бешено билось. Неужели Гевин вернулся так быстро?

Спеша к двери гостиной, Кира едва не столкнулась с дворецким Гевина, который, отступив назад, важно одернул лацканы ливреи. На его морщинистом лице читалось неодобрение.

— Мисс Мельбурн, к вам мистер Берджес. Берджес здесь?

— Кто это мистер Берджес? — спросил Джеймс, неожиданно появляясь рядом с ней.

Кира обернулась, ее мысли лихорадочно заработали. С Дариусом что-то случилось? Может, он заболел?

— Это друг моего брата; Дариус сказал, что следующие несколько недель проведет с ним в Йоркшире.

На лице Джеймса появилось удивленное выражение.

— Но ведь он уже здесь...

— Вот именно. — Кира кивнула дворецкому. — Пожалуйста, проводите его сюда. Немедленно.

Сев, Кира беспокойно ерзала в кресле до тех пор, пока в комнату не вошел молодой человек с грубоватым лицом, внешне походивший на скандинава. Обычно Берджес одевался и говорил просто, и Кире он всегда нравился.

— Мисс Мельбурн! — Гость поклонился в знак приветствия. — Рад видеть вас.

— А я вас. Как ваша жена?

Берджес запустил пальцы в редеющие темные волосы.

— С ней все хорошо. В июле мы ждем рождения малыша.

— Отличная новость. — Кира не любила пустую болтовню. Если этот человек приехал, чтобы рассказать что-то ужасное, почему бы ему не начать прямо с этого?

Но мистер Берджес, похоже, был не склонен много говорить, и Кира решила заполнить паузу:

— Это мой жених, мистер Джеймс Хауленд.

Берджес шагнул вперед и вежливо поздоровался с Джеймсом. После сердечного рукопожатия, от силы которого священник даже поморщился, они сели.

— Со слов брата я поняла, что вы сейчас должны быть в Йоркшире...

Гость покачал головой:

— Я не вернусь туда до следующего месяца — у меня здесь дела.

— Понимаю, — пробормотала Кира, хотя ничего не понимала. — Но вы прибыли сюда из Йоркшира?

Он опять отрицательно покачал головой, и Кира почувствовала беспокойство.

— Вы знаете адвоката по имени Фарроу?

Вопрос явно озадачил гостя.

— Боюсь, мы едва знакомы.

Значит, мистер Фарроу не был близким другом мистера Берджеса и скорее всего не ездил ни в какой Йоркшир. Это означало, что Дариус солгал ей, и она боялась, что знает почему.

— Вы ведь в последнее время не видели моего брата?

Берджес наклонился вперед и положил локти на колени, отчего его широкие плечи нескладно опустились.

— С нашей последней встречи прошла почти неделя.

— И вы не знаете, где он?

— Именно поэтому я и приехал сюда, — признался Берджес. — Когда Дариус приезжал ко мне, он просил позаботиться о вас, если с ним что-нибудь случится.

Внезапно похолодев, Кира испуганно вскинула глаза:

— О Господи!

— Что с вами? — Джеймс нахмурился.

— Дариус потребовал, чтобы я поклялся хранить молчание, но я больше не могу скрывать это. Думаю, он направляется в Корнуолл, и все это из-за письма, которое он перехватил. Оно было адресовано миссис Линд, но я не знаю, кто она такая. — Берджес вздохнул.

— А кто написал это письмо? — спросила Кира, боясь, что мистер Берджес произнесет имя, которое и так уже принесло ей много страданий.

— Этого Дариус мне не сказал.

Столь короткий ответ не удовлетворил ее.

— Но...

Берджес помедлил, затем пожал плечами:

— Подозреваю, оно было от лорда Венса.

Киру охватила паника. Так и есть — Дариус не забыл вероломства Венса и теперь преследовал его тайно; он даже солгал ей, чтобы она не догадалась о его планах. И он действительно держал в руке письмо, когда сообщал ей о своем отъезде.

Борясь со слезами, Кира сжала дрожащие руки.

— Почему Дариус не мог просто оставить все как есть? Разве он не понимает, что преследовать лорда Венса опасно!

Из личного опыта Кира знала, что этот человек носит при себе ужасного вида нож. По той легкости, с какой он обращался с оружием, она догадывалась, что Вене прекрасно знает, как использовать его.

Джеймс и мистер Берджес молчали.

— Все равно я благодарна, что вы сказали мне правду. Вероятно, вам было трудно решиться нарушить обещание.

Мистер Берджес кивнул и поднялся.

— Надеюсь, это было правильное решение.

Кира тоже встала.

— Я все же надеюсь, что еще не поздно спасти брата от опрометчивого шага.

Как только мистер Берджес ушел, Кира решительно повернулась к Джеймсу. Тревога на его лице сказала ей, что он прекрасно понял всю серьезность ситуации.

— Почему Дариус так поступил?

Джеймс нежно положил руку на ее плечо.

— Потому что он любит вас и, возможно, нашел информацию, которая поможет опровергнуть ложь лорда Венса.

Кира была уверена, что Дариус именно так и считает. Упрямый глупец.

— Даже если и так, это вряд ли будет иметь значение, когда...

Кира запнулась и замолчала. Утренняя дилемма вернулась со всей беспощадной очевидностью. Гевин. Его чувства. Ее решение. Боже, неужели этот день может стать еще сложнее?

— Когда мы поженимся, — закончил за нее Джеймс. — Я знаю. Но если ваш брат в опасности...

— Я в этом уверена, хотя лорд Венс не говорил мне ничего о своих... планах во время нашего тайного бегства.

На самом деле Кира уже через несколько часов поняла, что Венс не собирается жениться на ней, но почему он удерживал ее против воли и зачем вообще делал это ложное предложение, до сих пор оставалось для нее загадкой. Его настойчивое, очень интимное обследование, когда он пытался убедиться в ее непорочности как невесты, было только одним из многих пунктов в списке унижений.

Тем не менее она была уверена, что он совершенно определенно что-то скрывает.

Джеймс тяжело вздохнул.

— Намерения вашего брата чисты.

— И это тревожит меня больше всего! — Ужасные предположения пугали ее. — Что, если благородство Дариуса приведет к его ранению или, хуже того, к смерти?

До этого момента Кира надеялась, что, прежде чем пройдет свадьба, Дариус не начнет действовать. А после венчания он поймет, что ложь лорда Венса больше не волнует свет. Но он не стал ждать, и ее надежды пошли прахом. Что же ей теперь делать?

— Прежде всего вам следует успокоиться, мисс Мельбурн.

— А я считаю, что должна ехать за ним. — Мысли Киры уже были заняты тем, какие вещи ей взять с собой.

— Вы не можете говорить это серьезно.

Кира с недоумением уставилась на Джеймса. Она никогда не слышала от него столь категоричных высказываний.

— Я должна. Вернусь так скоро, как смогу.

Джеймс неодобрительно покачал головой.

— Вы женщина и не можете одна путешествовать по стране! Пойдут разговоры...

— Они и так пойдут. Я не могу заботиться об этом, когда жизнь Дариуса в опасности.

— Я понимаю, однако вокруг полно воров и прочих мерзавцев, которые в любой момент могут напасть на вас.

Джеймс был прав, и Кира знала об этом, но это ничего не меняло.

— Я не могу сидеть здесь, заботясь о себе, когда мой брат преследует человека, представляющего опасность для любого, кто приближается к нему.

Лицо Джеймса приняло покорное выражение.

— Тогда поеду я.

— Но...

— Через три дня я стану вашим мужем, а Дариус уже для меня как брат. Позвольте мне найти его. Оставайтесь здесь в безопасности с мамой и Гевинном.

Остаться? Но Кира вовсе не хотела пребывать в бездействии. Она обязана сделать так, чтобы брат вернулся целым и невредимым.

— Хорошо, давайте поедем вместе.

Однако Джеймс стоял на своем:

— Невозможно. Мы еще не женаты, и чтобы обвенчаться сейчас, нам понадобится подать прошение о специальной лицензии или ехать назад в Норфилд-Парк и венчаться в понедельник после последнего оглашения имен.

— Джеймс, я все понимаю и ценю вашу заботу о моей репутации, но о происходящем никому не нужно знать. Кроме того, меня ничуть не заботит репутация, когда Дариус в опасности.

— Тогда подумайте обо мне, — взмолился он. — Мой пост в Танбридж-Уэллсе очень важен. Если я окажусь впутанным в скандал еще даже до приезда туда, меня тут же уволят.

Не зная, что предпринять, Кира стала ходить из угла в угол. Она не могла не признать, что Джеймс прав. Он так много сделал для нее, предложил такую огромную помощь, что она не могла отплатить ему, подвергая опасности его карьеру, просто чтобы избавить себя от боли ожидания.

Как ни тяжело это было для нее, но она все же решила уступить:

— Я понимаю и... я останусь здесь.

— Вы действительно умница. — Джеймс мягко улыбнулся.

— Но вы пообещаете, что будете все время писать, сообщая новости о Дариусе?

Джеймс кивнул:

— Я буду писать вам каждый день, если смогу. С вашего позволения я пойду собираться, чтобы уехать еще до захода солнца. — Он нежно потрепал ее по щеке. — Не беспокойтесь, я очень скоро привезу Дариуса, и тогда мы с вами сможем обменяться клятвами.

Кира взяла его руки и крепко сжала.

— Будьте осторожны.

— Я вернусь так быстро, что вы даже не успеете соскучиться по мне, обещаю.

С этого момента Кире ничего не оставалось, как только надеяться, что Джеймс сможет

сдержатъ свое обещание.

На следующий вечер Гевин вернулся в свой лондонский дом усталый и раздраженный.

Чрезвычайная ситуация на железной дороге заставила его все это время заниматься обрушившимся туннелем, в котором едва не были погребены заживо семеро рабочих. К счастью, всех их спасли, и они с Броком договорились выплачивать пенсию одному из них — рабочему, потерявшему ногу.

Все это время Кира не выходила у него из головы. Боль и тоска в ее глазах, так же как и ее невероятная красота, не покидали его мысли. Он скучал по ее смеху. Он скучал, не слыша ее пения. Он даже раз или два пожалел, что не может поговорить с ней.

Но в конечном счете время, проведенное вдали от Киры, напомнило Гевину о его главной цели. В последнее время он был слишком сосредоточен на ее красоте, забыв о ее прошлом, о ее любовной связи с Венсом. Он позволил своему вожделению и нежности к ней повлиять на него.

Через два дня Кира должна обвенчаться с его кузеном, а Гевин все еще не доказал Джеймсу, что мисс Мельбурн женщина легкого поведения и поэтому не может быть его женой. О да, он считал Киру умной и доброй, но это не могло изменить того факта, что она провела с лордом Венсом два дня и вернулась невенчанной. Сплетни все еще распространялись, такие же отвратительные, как раньше. К тому же это не могло изменить его мнения о том, что они с Джеймсом не подходят друг другу.

К счастью, теперь у Гевина был план, как открыть Джеймсу глаза. Осуществление это плана началось уже сегодня, так что с глупым сочувствием к Кире пора было заканчивать.

Поднимаясь по лестнице и снимая с себя пальто, Г-вин громким голосом позвал камердинера Хансона, а когда вошел в свою комнату, тут же бросился к секретеру и достал бумагу, перо и чернила. Набросав письмо, он передал его слуге.

— Подожди полчаса и отдай это моему кузену, мистеру Хауленду лично.

— Да, ваша светлость.

Хансон всегда хорошо выполнял поручения, и Гевин удовлетворенно потер руки, а затем взглянул в зеркало. Черт, ему необходимо поскорее подстричься. Его волосы завивались на концах, отчего его можно было принять за необузданного и неорганизованного человека, а он не хотел быть ни тем, ни другим. Понимая, что сейчас не время заниматься этим, Гевин надел чистую рубашку и взглянул на карманные часы. Начало одиннадцатого. Тетя Кэролайн наверняка только что прибыла на первое в этот вечер светское сборище, а Джеймс, по возможности избегавший подобных мероприятий, должно быть, сидит сейчас в своей комнате с книгой.

Гевин снова глянул в зеркало, и оно подтвердило, что он выглядит достаточно презентабельно для встречи с женщиной не слишком строгих правил. Ему не нравилось так думать о Кире, но это была правда. Если он хочет защитить будущее Джеймса и спасти тетю Кэролайн от страданий, ему придется забыть о той чувствительной точке, которая развилась в его душе. Кира Мельбурн и Джеймс не подходят друг другу, и он должен положить конец этой помолвке, прежде чем они испортят друг другу жизнь.

Стремительно выйдя из комнаты, Гевин отправился искать Киру. Ему было приятно обнаружить ее именно там, где он и рассчитывал — в библиотеке.

Когда он вошел, Кира обернулась, и ее синие глаза расширились. На ней была ночная рубашка из мягкого белого льна и простой халат сливочно-желтого цвета; в руке она держала книгу, и Гевину оставалось только догадываться, что девушка пришла сюда, чтобы найти

что-нибудь почитать на ночь. Отсутствие корсета и нижних юбок давало ему точное представление о ее соблазнительной фигуре.

Его план скомпрометировать Киру включал в себя поцелуй и хотя бы легкое прикосновение к ней; и по дороге домой он не мог думать ни о чем другом, а ее вид без обычного утягивающего белья дал дополнительную пищу буйству его фантазии. Если бы Кира могла прочесть его мысли, она наверняка плотнее запахла бы полы халата. Интересно, знает ли она, как возбуждающе действует на мужчину ее притворное целомудрие?

— Ах, Кира, если бы вы только знали, как мне приятно видеть вас! Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете?

Кира торопливо спряталась за массивным диваном, чтобы скрыть свое ночное одеяние, и смущенно улыбнулась.

— Достаточно хорошо, но...

— Я в этом не сомневался. — Он приблизился, протянул к ней руки. — Вы разве не хотите поприветствовать меня?

Чем ближе Гевин подходил к Кире, тем шире открывались ее глаза. В конце концов он взял ее за руки и тут же, ощутив упрямое сопротивление, поморщился. Есть ли шанс, что она ответит на его ухаживания отказом?

— Конечно, но...

— Неужели вы не рады видеть меня? Я так много думал о вас, пока был в отъезде, — прошептал Гевин, придвигаясь к дивану, стоявшему, как барьер, между ними.

Лицо Киры смягчилось, на губах появилась улыбка.

— Правда?

— Такую женщину, как вы, нелегко забыть.

Герцог надеялся, что Кира не услышала неискренности в его тоне. В следующее мгновение ее щеки очаровательно порозовели, и Гевин понял, что победил.

— Это были ужасные несколько дней, — пожаловался он.

— Мне жаль. — Сострадание смягчило ее лицо. — Что случилось?

Он вкратце рассказал ей, и Кира искренне расстроилась, услышав, что человек потерял ногу. Как видно, у нее действительно доброе сердце, но это было сердце падшей женщины, связанной со скандалом, которая принесет его семье новые трудности, и он должен помнить об этом.

Гевин осторожно взглянул на карманные часы. Двадцать четыре минуты до прихода Джеймса, а значит, до момента, когда он продемонстрирует кузену одну из многих причин, почему Кира не будет такой женой, какая ему нужна.

— Это несчастье задержит открытие железной дороги? — спросила Кира, по-видимому, она была искренне встревожена.

— На неделю, возможно, на две. Больше никаких разговоров о делах, прошу вас; я ужасно устал и очень счастлив оказаться здесь с вами.

Сначала Кира улыбнулась его словам, и глаза ее засветились, но вдруг она нахмурилась.

— Я должна поговорить с вами еще об одном важном деле. Джеймс...

— Нет-нет, прошу вас. Мы поговорим о моем кузене позже, хорошо? — Гевин не хотел, чтобы Кира вспоминала о том, что у нее есть жених. Если у нее есть хоть намек на совесть, разговор о Джеймсе наверняка насторожит ее.

— Да, но я должна рассказать вам...

— Ш-ш. — Он прижал палец к ее губам.

От этого прикосновения Кира чуть вздрогнула; ее широко распахнутые глаза неуверенно смотрели на него, и Гевин видел, как ее зрачки все больше расширились. Итак, она действительно знала, как соблазнить мужчину видом экзотической невинности.

— Позже, — прошептал он, не отрывая пристального взгляда от ее губ и чувствуя, как его тело закипает. Он ждал, казалось, целую вечность, прежде чем прикоснуться к мягким алым губам Киры. Ее пряный запах окутывал его. Еще несколько мгновений, и его член затвердел, как обычно бывало в ее присутствии. Ожидание прикосновения к ней словно разрывало его на части.

Он порывисто вдохнул, оторвал взгляд от ее губ и снова взглянул на часы. Двадцать одна минута. Если он поцелует Киру сейчас, у него будет двадцать одна минута, чтобы насладиться ее вкусом, прикоснуться к ней, впитать ее существо — и, можно надеяться, избавиться от этой странной одержимости ею.

— Но, Гевин, Джеймс...

— Я не хочу сейчас говорить о Джеймсе, — сказал он в ответ на ее протест. — Только не когда я наедине с вами.

У Киры перехватило дыхание, она не мигая смотрела на него.

— И не тогда, когда я так по вас соскучился, — пробормотал он. Его голос понизился на целую октаву. — А вы хоть чуть-чуть скучали по мне?

Он и подумать не мог, что ему так легко удастся быть столь слащаво-убедительным.

— Да. — Кира не отрываясь смотрела на него. Потом ее взгляд опустился к его губам.

Мощная волна предвкушения обрушилась на Гевина. Догадывалась ли она о том, каким взрывным может быть секс между ними? Такая возможность жгла его.

— Вы думали обо мне?

Его дыхание вдруг стало неровным и хриплым, но напряженный взгляд Киры сказал ему, что она не против. Он наклонился ближе, так близко, что мог слышать стук ее сердца. Она прикусила губу, потом отпустила ее. Гевину мучительно захотелось почувствовать ее вкус. Между тем время шло.

— Да.

Ее признание было коротким, хриплым слогом, как будто вырвавшимся глубоко изнутри.

— Даже очень часто, — добавила она.

Она призналась, что хочет его! Увы, его триумф будет омрачен. И все же, хотя Гевин все время боялся, что она обладает распутными наклонностями, где-то в душе он надеялся на лучшее. А пока — пока он наконец-то сможет прикоснуться к ней.

Гевин придвинулся еще ближе, и теперь их разделяло всего каких-то шесть дюймов. Ее зрачки еще больше расширились.

— Я не могу перестать думать о вас, — прошептал он и снова наклонился вперед. Кира не отступила, а только смотрела как зачарованная. Медленно, очень медленно он приблизил свой рот к ее губам, намереваясь слегка коснуться их — дать ей достаточно времени возразить, если она этого захочет.

Но едва Гевин коснулся Киры, ощущение ее близости пронзило все его тело. Что-то глубоко внутри его ожило, запульсировало в венах, требуя большего. В ответ он положил руку на ее затылок и притянул к себе, а потом полностью завладел ее ртом, ослепленный мягкостью ее губ, теплом ее тела, ее пряным ароматом. Кира опьяняла его; она была как

величайшее безумие, и он не хотел отпускать ее.

Шелк ее волос запутался в его пальцах, и он слегка раздвинул ее губы. Она сдалась без борьбы, лишь легкий стон вырвался из ее груди. Он жадно проглотил его и погрузился в божественную глубину.

Ее рот оказался даже лучше, чем Гевин представлял: щедрый, теплый, гостеприимный. Черт, она была лучше рая. Он пил, брал, отдавал, наслаждался ее таянием, тем, как она встречала его язык.

В следующее мгновение Кира обняла его и прижалась к нему всем телом. Гевин почувствовал, что тонет, падает в глубину ощущений таких ослепительных и раскаленных, что он не мог думать. Он никогда не чувствовал ничего подобного, никогда. Инстинкт, который она разбудила в нем еще раньше, теперь ревел как дикий зверь, требуя: заяви на нее свои права, прикоснись к ней, возьми ее, — и он даже не пытался бороться с этим чувством.

Спинка дивана все еще стояла между ними, и ему захотелось, чтобы она исчезла как можно скорее. Ни на мгновение не отрывая губ от Киры, Гевин осторожно обошел диван. Она наклонялась вместе с ним в поцелуе, пока он не встал рядом с ней, прижав свое возбужденное копьё к ее животу.

Она удивленно открыла рот, и он почувствовал ее возбуждение, ее согласие, когда она запустила пальцы в слишком длинные пряди волос на его затылке.

Он поднял голову, чтобы полюбоваться ее припухшими, красными от поцелуя губами и томным выражением глаз. Она была так чертовски красива, так невероятна на вкус...

— Я хочу тебя, — признался Гевин; его голос звучал как вымученный шепот. Он никак не мог успокоить дыхание, остановить бешеное биение сердца. Ничто теперь не значило для него больше, чем его возрастающее желание прикоснуться к ней.

Нежное местечко на ее шее привлекло его внимание, и он опустил губы на ее бархатистую кожу. По телу Киры пробежала дрожь, ее дыхание стало быстрым и поверхностным, когда она отклонила голову назад, чтобы ему было удобнее.

— Ты уверен? — едва удалось выговорить ей.

Как она может спрашивать, чувствуя телом каждый дюйм его возбуждения? Разве она не знает, что сводит мужчин с ума?

— Более чем когда-либо.

Их взгляды встретились. Сияние в ее глубоких синих глазах сказало ему, что она чувствует то же самое.

Господи, его острое как бритва желание было похоже на неотвратимое безумие. Он всего лишь целовал Киру и уже тонул в своем первобытном стремлении овладеть ею.

— А ты? — Гевин взял ее руки, желая, чтобы она приняла его. Кровь кипела в его венах.

— Да... — прошептала она задыхаясь.

Волна восторга охватила его вместе с новым приливом желания. Жадными руками он распахнул полы ее халата и опустил его вниз. Кира помогала ему, ища губами его рот. Большого приглашения ему не требовалось.

Гевин хотел взять ее всю сразу, погружаясь горячим ртом в ее рот нежнейшим поцелуем, от которого забыл обо всем, умоляюще прижимая бедра к ее бедрам, накрывая ее груди жадными ладонями.

Все в ней возбуждало его: ее экзотическое лицо, ее сочувствие, ее острый ум, груди, которые так идеально наполняли его ладони.

Он провел большим пальцем по одному набухшему пику. Кира вскрикнула, у нее

подкосились ноги. Когда Гевин, следуя за ней, опустился, перед ней на колени, она снова поцеловала его. Ее руки сжались сзади на его рубашке, вытаскивая ее из брюк. Тогда он с рыком отстранился и, стянув рубашку через голову, швырнул ее на пол, ни на мгновение не отрывая от нее взгляда.

Обнаженный до талии, Гевин нетерпеливо ждал, когда Кира посмотрится на него. Дрожа, она подняла руки, и огонь в его груди превратился в адский пламень. Кира, лаская, провела пальцами по его коже, медленно, осторожно, отчего он совершенно потерял голову. Ее ногти задели плоские соски, и его охватила волна наслаждения.

Он резко выдохнул и с трудом вдохнул снова. Кира просто смотрела на него своими поразительными миндалевидными глазами. Гевин мог поклясться, что в этот момент она была искушающей колдуньей, которая знала все его тайные желания. Все, что он когда-либо подавлял в себе, сегодня рвалось на свободу. На этот раз он не будет сопротивляться.

Отведя в сторону кружево на лифе ее ночной сорочки, Гевин стал неловко расстегивать пуговицы, но они все время ускользали от него. Когда он, яростно выругавшись, снова потянулся к ним, руки Киры уже были там, медленно высвобождая каждое перламутровое зернышко. Она смотрела на него с легкой улыбкой, как будто ей нравилось заставлять его ждать.

Предвкушение нарастало, вздымаясь выше всяких пределов. Когда последняя пуговица была расстегнута, он взялся за подол ее рубашки и стянул ее через голову, и Кира издала непонятный звук — не то протест, не то одобрение. После того как девушка оказалась полностью обнаженной, Гевин нагнулся, взял один из коралловых сосков в рот и с силой втянул. Никакими словами нельзя было описать ее вкус и божественное ощущение от этого прикосновения. Он застонал и поднял руку к другой груди, желая уделить ей такое же внимание.

— Гевин! — вскрикнула она, затем последовал стон. Это, а еще ее вспыхнувшая кожа и набухшие груди сказали ему лучше всех слов, что она тоже возбуждена.

Гевин провел языком по самому кончику ее соска, и у нее перехватило дыхание. Он делал это снова и снова, пока она не скорчилась и застонала, произнося его имя.

Без промедления он опустил ее на расстеленный полудрагоценный абиссинский ковер, а затем снова набросился на ее сладостный рот и стал исследовать остальные сокровища, которые могла предложить Кира.

Мягкая плоскость ее живота, округлое совершенство бедра с маленькой красной отметиной — он тщательно исследовал каждый нежный дюйм ее тела. Ему нравилась ее кожа, сияющая золотом в свете свечей. На ней не было ни пятнышка, ни вен, ни шрамов, которые так часто огорчают более бледных представительниц ее пола, — Кира являла собой полное совершенство.

Она изогнулась от его прикосновения, ее тихие сладострастные стоны подстрекали его, умоляя о большем. И он дал ей это большее, скользнув пальцами в самый центр ее женственности, скрытый шелковистыми темными кудряшками.

Кира с трудом вздохнула и развела бедра, чтобы принять его. Ее нежные складки набухли. Гевин отчаянно хотел чувствовать ее вокруг себя, он дрожал от непомерного желания быть внутри ее.

Но еще больше он хотел увидеть, как она раскроется для него.

С трудом дыша, он ввел два пальца в ее влагище и большим пальцем стал ласкать выпуклость над ним. Ее влажная жаркая глубина приняла его, даже когда она отпрянула от

его руки с долгим тихим стоном.

— Я хочу, чтобы ты наслаждалась этим.

Ее тело напряглось, бедра выгнулись. Кира открыла глаза и посмотрела на него полным желанием взглядом.

— Я уже наслаждаюсь.

— Тогда покажи мне.

На мгновение в ее лице промелькнул протест, но он стер его своими пальцами. Вокруг него ее губы набухли еще больше. Она начала учащенно дышать. Гевин чувствовал силу ее возбуждения, ее готовность сдаться — и свою способность вызвать и то и другое.

— Гевин? — воскликнула она, ее голос был высоким и взволнованным.

— Поддайся этому, Кира.

Она сделала еще один судорожный вдох, краска залила ее щеки. Твердые пики ее сосков манили его.

— Но...

Взяв один сочный шарик в рот, Гевин стал сосать, и ее тело напряглось так сильно, что задрожали ноги, а живот затрепетал. Мелкие капельки пота заблестели на ее груди, и она крепко зажмурила глаза.

— Поддайся, — потребовал он.

С долгим страстным стоном Кира сдалась. Гевин почувствовал, как ее сотрясают спазмы, видел, как абсолютное наслаждение изменило ее черты. Он никогда не чувствовал себя более могущественным в такой поразительный момент.

Но его желание быть ближе к ней, трогать ее всеми возможными способами было сильнее желания продлить это и насладиться своим триумфом.

Кира лежала, пресыщенная, пока Гевин сражался со своими брюками. В ответственные моменты они оказывались такими неподатливыми. Наконец он стянул брюки и короткие кальсоны с бедер, и они упали к его ногам.

Быстрым движением он лег на Киру и настойчивыми руками схватил ее бедра, обвивая ими свои бедра. Он чувствовал ее разгоряченный центр под собой, он манил его. Сейчас! Все внутри его словно кричало от нетерпения, и он наконец поддался ненасытному желанию, войдя в нее одним неистовым рывком.

Но тут же замер. Кира была девственницей, по крайней мере до этого момента.

Она закричала от боли и напряглась, сопротивляясь его вторжению, а его мозг бешено заработал. Девственница? Разве это возможно! Но Гевин не мог не заметить несомненные доказательства ее невинности.

Проклятие!

Хуже того, ее нежная плоть сомкнулась вокруг него такими доставляющими наслаждение тисками, что он словно ослеп. Инстинкт заставлял его входить в нее снова, и снова, и снова, пересиливая все разумные мысли.

— Гевин?! — В ее голосе звучали боль и страх.

Он не мог отпустить ее. Он зачахнет и умрет, если не сможет удержать ее здесь, не сможет насладиться их единением. Собрав все терпение, которое смог найти, Гевин завладел ее ртом и стал медленно ласкать его.

Постепенно Кира расслабилась, ее руки перестали отталкивать его грудь, и он смог достичь самого ее центра. А потом она поцеловала его, и Гевин почувствовал, как в нем снова закипает кровь. Ее торчащие, возбужденные соски жгли ему грудь, распалая его еще

сильнее.

— Больше не будет больно, — только и смог прошептать он.

После этого простого заверения она обвила его руками и крепко прижала, говоря без слов, что доверяет ему.

Заставляя себя двигаться медленно, Гевин вышел из восхитительной жаркой глубины, а потом вошел снова. Наслаждение затопило его, пульсируя так сильно, как никогда прежде, и он снова вошел в нее. Весь мир превратился в туман ощущений и желания. Вожделение овладело им и не отпускало.

Но Кира не двигалась, и он остановился, чтобы положить руки под ее бедра и показать ей, как двигаться вместе с ним. К его радости, она оказалась способной ученицей и уже скоро стала двигаться под ним, пока они не совпали в чувственном ритме.

Он намотал спутанную массу ее шелковистых волос на руку и захватил ее рот, не переставая обладать телом. Но и этого оказалось недостаточно. Каким-то образом, он должен был получить больше, почувствовать оргазм Киры.

Гевин скользнул рукой между их телами и нашел бугорок, с которым недавно играл. Вскоре она ответила, изогнувшись навстречу его неистовым движениям. Просто удивительно, как потрясающе приятно ее тугие мускулы обхватывают его. Кира вскрикнула, над ее верхней губой теперь выступили капельки пота, так же как и между их телами, когда их дыхание слилось в одно. Ее тело снова затрепетало, дыхание стало еще прерывистее. Он знал, что ее пик близок.

Проклятие, его тоже, но он оставался на грани, стиснув зубы, чтобы побороть стремление взорваться.

— Вот так, — прошептал он ей на ухо, снова погружаясь в нее. — Это идеально.

На этот раз она не протестовала и вместо этого просто сжала его в объятиях.

Гевин почувствовал, как она пульсирует вокруг него, сжимая его копье так, словно требует отдать все. Наслаждение взвивалось, нарастая по спирали, пока не взорвалось окончательно. Тогда он вскрикнул, изливаясь в нее в ослепляющем золотом моменте.

Он лежал бесконечно долго, стараясь восстановить дыхание, не имея сил пошевелиться, зарывшись лицом в ее пахнущую ванилью шею.

Чувствовал ли он когда-либо себя более удовлетворенным, чем сейчас? Испытывал ли когда-либо оргазм столь сильный и совершенный? Нет и еще раз нет. Но разве не знал он с самого первого момента, как увидел Киру, что она не такая, как все?

Возможно, это все из-за того, что она была девственницей. Или потому, что она все еще обручена с его кузеном?

И тут реальность лавиной обрушилась на него, унося прочь наслаждение, струящееся в его теле.

Какого черта он наделал?

Гевин содрогнулся от беспощадности этого вопроса.

И все же, несмотря на это, он хотел остаться внутри ее, окруженный ее теплом и ошеломительными воспоминаниями об их единении, а пока обдумать ответ.

Ему мучительно хотелось сделать именно это... пока он не услышал стук каблучков за дверь библиотеки.

Звук приближающихся шаркающих шагов заставил Гевина напрячься. Кира тоже услышала шум, и они оба вскочили. Он еще сражался с пуговицами на бриджах, когда взглянул на Киру и увидел, что она снова полностью одета и заплетает волосы в косу. Странное разочарование охватило его. Хотя физически он был удовлетворен, он допустил ужасную ошибку.

Проклятие, он понятия не имел, что делать. Девственность Киры восстановить нельзя, а Джеймс... Повод, почему Гевин был сегодня здесь, вдруг встал перед его глазами. Джеймс! Он снова взглянул на Киру, все еще выглядевшую немного растерянной. Невеста Джеймса еще недавно была девственницей.

Господи, что же он наделал?

Гевин торопливо посмотрел на карманные часы. Слава Богу, что Джеймс не пришел вовремя. Узнав, что он наделал, его кузен, которого он любил как брата, никогда больше не стал бы разговаривать с ним. Дьявол, он и не станет, если догадается, что произошло.

При мысли о том, какую боль причинит Джеймсу этот его поступок, Гевин поежился. Как он мог позволить такому случиться, почему не остановился после поцелуя или двух, как планировал?

Потому что это оказалось невозможно.

Неужели печально известная кровь Даггетов наконец подняла голову? Очень похоже на то. Неудивительно, что его отец слыл таким ужасным развратником.

Шаги остановились перед дверью. Гевин, торопливо натянув рубашку, безжалостно засунул ее полы в брюки...

И тут же раздался стук.

Кира испуганно открыла рот. Он обернулся, хотел сказать ей, что никто не узнает, но ее распухшие губы заставили его замолчать. Красные следы от его усов на чувствительной коже ее шеи тоже выглядели весьма подозрительно.

Тогда он показал ей на стул в углу комнаты в тени. При плохом освещении предательские следы, пожалуй, не вызовут подозрений; по крайней мере он на это надеялся.

— Войдите, — наконец произнес Гевин.

Дверь открылась, и вошел его камердинер. Если Хансон и заметил что-то предосудительное, выражение его лица не выдало ровно ничего.

— Ваша светлость, мистера Хауланда нет дома.

Гевин испустил дрожащий вздох.

— Нет дома? Где же...

— Это я и пыталась сказать вам, — откликнулась Кира из другого конца комнаты.

Гевин бросил взгляд в ее сторону и увидел, что она сидит неподвижно на стуле, взъерошенная и соблазнительная как сам грех. Нет, он не может думать об этом сейчас. Лучше сфокусироваться на том, что Джеймса не было дома во время их близости. Или, возможно, ему следует подумать о том, что Кира пыталась сказать ему что-то до того, как он набросился на нее.

Рассеянно кивнув слуге, Гевин мрачно поежился. Хансон, всегда воплощение приличий, уходя, оставил дверь открытой, но теперь ему было все равно. Как ни тяжело было это признавать, этот день ему придется запомнить как один из самых неудачных в его жизни,

если, конечно, не считать того пронзительного, потрясающего наслаждения, которое Кира доставила ему.

Проклятие, он должен был думать головой, а не...

— Джеймс уехал вчера после того, как мы узнали, что мой брат поехал искать лорда Венса, чтобы отомстить за меня, — тихо сказала она.

Да, как же он забыл. Лорд Венс! Разумеется, негодяй солгал, когда несколько недель назад описывал свое рандеву с Кирой. Зачем? Вряд ли это сейчас имело значение. И все же Венс заслуживал, чтобы ему набили морду за такое поведение. Вот только откуда он узнал о родимом пятне Киры?

— Джеймс должен остановить вашего брата? — сдавленным голосом поинтересовался Гевин.

— Если потребуется.

— Потребуется? — Гевин потер внезапно заболевший лоб. — Но Джеймс не может драться. Я знаю, какова ловкость лорда Венса в обращении с дуэльными пистолетами. Если кузен попытается остановить вашего брата и окажется между ними во время дуэли, то...

— Надеюсь, до этого не дойдет. — Кира встала и медленно подошла к нему. — Джеймс должен сначала найти Дариуса. Основываясь на письме от некой дамы по имени миссис Линд, мы предположили, что Дариус направился в Корнуолл.

— Так это письмо от владелицы борделя?

— Вы знаете ее? — Кира вопросительно подняла брови. Гевин не без досады вспомнил, что когда-то провел вечер-другой в ее заведении.

— Совсем немного. Что еще говорилось в письме?

Кира пожала плечами:

— У нас не было письма. Но не волнуйтесь, Джеймс пообещал, что будет писать каждый день. Как раз сегодня утром я получила письмо, в котором говорилось, что с ним все хорошо и он уже кое-что узнал о моем брате. Очень возможно, что сейчас они оба уже едут домой.

Гевин заметил, как Кира кусала губу. Вряд ли она верила в то, что говорила, но ей очень хотелось верить.

Он вздохнул:

— Вот уж неприятность так неприятность.

— Мне жаль. — Она робко коснулась его плеча. — Я правда пыталась...

От ее прикосновения герцог вздрогнул. И тут же его тело взволнованно встрепенулось, мысли бешено заметались в голове.

— Я знаю.

Кира снова прикусила губу.

— Гевин, что мы скажем Джеймсу о... нас?

Сказать Джеймсу? Непостижимо. Почему она решила? Потому что у нее все еще было сознание невинной девственницы и она думала о замужестве. Теперь он не мог сделать единственное, чтобы отговорить кузена от женитьбы на ней, — занять его место!

И все же она была невенчанной, когда он обесчестил ее. Разве он не в долгу перед ней?

— Я... я не... — Гевин понятия не имел, что ответить Кире.

Если бы он только знал, как лорд Венс увидел родимое пятно Киры. Возможно, Венс действительно заплатил слуге за эти сведения...

Остаться одному и подумать — вот что ему сейчас нужно.

— Давайте обсудим это позже, а сейчас я должен идти. Если кто-то еще застанет нас наедине, пойдут разговоры. — С этими словами Гевин развернулся и чуть не бегом помчался в свою спальню. Он был готов отправиться куда угодно, лишь бы найти укромное место, где нет Киры, ее страстных глаз и ее ванильного аромата, сводящего его с ума; куда угодно из той самой комнаты, где он только что испытал величайшее наслаждение. Возможно, тогда он сможет думать о чем-то другом, кроме невесты своего кузена, и придумает способ выпутаться из этого несчастья.

Гевин не вышел к завтраку.

Кира, сидя одна за утренним столом два дня спустя, не сомневалась, что он наверняка тревожится о кузене, отважно выступившем против грозного лорда Венса. Бог свидетель, она тоже беспокоилась о нем и о Дариусе.

После того как она узнала истинную причину отъезда Дариуса, Кира целых два дня не могла прийти в себя, и только первое письмо от Джеймса хоть немного успокоило ее. Потом он прислал еще две записки, где сообщал, что все хорошо, по крайней мере пока. Ей хотелось верить, что так оно и есть.

Все это время Кира скучала по Гевину и надеялась, что его настроение скоро переменится. В тот момент, когда камердинер вошел к ним в библиотеку, он показался ей каким-то отстраненным, и с того раза она его больше не видела. Если верить Хансону, все время герцога занимали проблемы с железной дорогой. Кира знала, что совсем недавно железная дорога столкнулась с трудностями, но она надеялась сегодня наконец увидеть Гевина. Они должны поговорить об их совместном будущем, назначить дату свадьбы. В свете ее помолвки с Джеймсом им придется обвенчаться по специальному разрешению, не привлекая всеобщего внимания. Что ж, она была не против; со временем она сможет прокричать о своей любви к нему на весь мир.

Кира улыбнулась, хотя никто не мог ее видеть. До того как они занимались любовью, она надеялась на какой-то знак о чувствах Гевина, да, но никак не ожидала ничего столь страстного и значительного. И вот в один момент он полностью овладел ею и ее мыслями.

“Никогда в жизни я не был так уверен”, — сказал тогда Гевин. От того, что он испытывал к ней такие сильные чувства, у нее кружилась голова. Несомненно, у них будет чудесная совместная жизнь! Ей нравилось в нем все: его ум, его доброта... а еще то, как он занимался с ней любовью. Она и представить не могла, что ее брачная постель будет такой страстной, такой богатой наслаждениями...

Пока Гевин имел все права переживать из-за судьбы Джеймса, но Кира была вынуждена признать, что с нетерпением ждет их помолвки. Она нахмурилась. Сначала им следует сообщить эту новость Джеймсу. Вряд ли он будет страдать от настоящей сердечной боли, ведь Джеймс никогда не показывал, что его предложение вызвано чем-то большим, чем доброта и милосердие. Правда, миссис Хауленд наверняка станет возражать, но возможно, меньше, чем если бы Кира вышла за ее единственного сына. От этой мысли она хихикнула. А вот к леди Литчфилд она вряд ли будет столь же снисходительна. Кира очень надеялась, что бесчувственная молодая вдова зачахнет от ревности.

Когда Гевин вернется в свой городской дом, они смогут обсудить все детали их женитьбы. Разумеется, было в высшей степени неправильно позволить Гевину овладеть ею. Слава Богу, теперь он знает ее достаточно хорошо, чтобы понять: она вовсе не женщина легкого поведения, каковой он ее поначалу считал. И все же наслаждение, которое он доставил ей, все еще переполняло ее. Только это и ее любовь к нему могли объяснить

случившееся. Не то чтобы она сожалела, о нет! Гевин любит ее, и то, что он занимался с ней любовью, было ясным доказательством его чувств. Конечно, она не могла позволить ему повторить все снова, пока их клятвы не будут произнесены, не важно, насколько ей самой этого хотелось.

Пять несчастных дней прошло с того момента, как Гевин совершил свою огромную, непоправимую ошибку на полу в библиотеке с Кирой Мельбурн. Пять долгих дней с того момента он не знал покоя, не мог спать, все время думая о женщине, которую обесчестил.

На пятый день, покидая ранним утром свой лондонский дом, он вдруг вспомнил, что от Джеймса уже два дня не приходило писем, но тут же попытался успокоить себя. Возможно, у кузена просто не было времени писать или почта шла слишком медленно. О других возможностях Гевин даже не желал думать.

Войдя в большую контору Брока, расположенную в Сити прямо напротив Английского банка, и кивнув секретарю, окруженному горами бумаг, Гевин шагнул в личный кабинет Брока, даже не постучав.

— А, ты снова вернулся. Какой сюрприз! — Брок улыбнулся.

— Отстань!

Тейлор рассмеялся.

— И такой же веселый, как вчера. Определенно что-то тут не так.

Гевин нахмурился, зная, что в последнее время выглядел менее чем дружелюбным.

— Поговори со мной о железной дороге, — потребовал он.

Улыбка Брока стала шире.

— Наконец-то все почти готово. После аварии дорога восстановлена. Леди Литчфилд осмотрела несколько отелей и одобрила их. Мы с Мэдди осмотрели остальные и убедились, что они соответствуют самым высоким стандартам. Открытие запланировано на седьмое июня.

— Что я могу сделать?

— Ничего. — Брок ухмыльнулся. — Только сидеть и ждать, когда к нам потекут денежки. Надеюсь, мы нашли золотое дно.

— Хорошо бы.

Встав и обогнув стол, Брок присел рядом с Гевинком.

— Ты вот уже пятый день приходишь сюда ежедневно и не говоришь почему. Я много раз заверял тебя, что с железной дорогой все в порядке и она принесет нам больше, чем мы могли мечтать. Ты ни в коем случае не можешь сомневаться, что о твоей кузине Мэдди хорошо заботятся...

— Да-да, я знаю.

Гевин действительно знал, но он никак не мог объяснить другу, что приходит сюда, пытаясь отделаться от мыслей о Кире и от необходимости принять решение относительно нее.

— Есть ли другая причина, по которой ты приходишь сюда так часто и мешаешь мне работать?

Гевин молчал. Он не знал, что сказать и что делать.

— Мне нужно выпить.

Брок достал из кармана часы.

— Прости, но сейчас только двадцать минут десятого.

Гевин пожал плечами и встал.

— Время вряд ли имеет значение.

Когда он повернулся к двери, Брок пошел вслед за ним.

— Хорошо, давай поедem ко мне домой. И я угощу тебя выпивкой, а потом ты мне расскажешь, почему так зачастил в мою контору.

Хотя Гевин не был уверен, что хочет кому-либо рассказывать о своей катастрофической ошибке, ему не оставалось ничего другого, как пойти вслед за другом. Возможно, алкоголь прояснит его мысли и поможет забыть об идиотском промахе.

Они молча доехали до дома Брока в Сент-Джеймсе, вошли внутрь и отдали пальто, шляпы и перчатки дворецкому.

Гевин хотел тут же пройти в библиотеку, но голос Мэдди откуда-то сверху остановил его.

Если он не поздоровается с ней, она потом обязательно припомнит ему это. Кроме того, он искренне любил эту дерзкую девчонку.

Спускаясь по лестнице, Мэдди рассмеялась и обернулась к кому-то позади нее. Гевин немного наклонился, чтобы посмотреть, кто идет следом, и обнаружил Киру Мельбурн, грациозно спускающуюся по ступенькам. Ее простое серое платье колыхалось вокруг гибкого стана, мгновенно напомнив ему, какой она была в его объятиях обнаженная. Как обычно в присутствии Киры, он почувствовал возбуждение.

Стараясь увлажнить пересохший рот, Гевин сглотнул. Что, черт возьми, он должен сказать — ведь он не видел ее с той ночи.

Увидев его, Кира замерла, потом робко улыбнулась и поспешила навстречу через сумрачное, обшитое деревянными панелями фойе. Очевидно, она хотела брака, ждала его. Что же ему делать?

— Мисс Мельбурн, — поприветствовал он ее официальным поклоном.

На лице Киры промелькнуло замешательство, и она присела в реверансе.

— Ваша светлость.

Долгое мгновение она смотрела на него, явно ожидая чего-то большего, и он тоже не мог оторвать от нее глаз. Его тело реагировало так, будто он никогда не прикасался к ней, опять требуя, чтобы она полностью отдалась ему. Гевин чувствовал вокруг себя тот восхитительный ванильный аромат, который всегда окружал Киру, — экзотический, таинственный, неуловимый. Вожделение бурлило, жаркое и жаждущее, почти непереносимое. Чистое безумие.

Гевин заставил себя перевести взгляд на Мэдди, вопросительно наблюдавшую за ним.

— Дорогая кузина.

— Привет, кузен. Как поживаешь?

Он снова посмотрел на Киру, разрываясь между вожделением и своей совестью. Как может он желать невесту Джеймса с такой неутолимой жаждой? Впрочем, во всем нужно винить похоть Даггетов. Теперь, когда она завладела им, он явно уже докатится до всех тех презренных поступков, которые совершал его отец, чтобы удовлетворить ее.

Или нет? Ошибка совершена, да, но с этого момента он будет держать эту чертову дистанцию, по крайней мере пока не решит, что же делать дальше.

— Гевин! — окликнула его Мэдди.

— Да? — Он снова повернулся к кухне, стараясь изобразить на лице приятную улыбку. — Все это время я был очень занят. А ты?

— Всегда на ногах.

— Не всегда, — проворковал ей на ухо Брок, бросая взгляд на ее немного увеличившийся живот.

Брок не хотел, чтобы его замечание услышали другие, но Гевин стоял слишком близко и слышал его. Против своей воли он испуганно взглянул на Киру.

Что, если она забеременела? Гевин закрыл глаза от охватившего его чувства опасности. Как он мог быть настолько глуп, что позволил себе совершить такую немыслимую ошибку? Джеймс унижен, тетя Кэролайн будет справедливо возмущена...

— Брок, по-моему, ты предлагал мне выпить, — напомнил Гевин.

— Да, конечно.

С лестницы донесся детский визг. Гевин взглянул вверх и увидел Эйми, дочь Мэдди, и ее подружку Молли, играющих в салки. Пухлые щечки Молли покраснелись — ни намек на девчушку с улицы, которую Брок “нанял” в компаньонки своей дочери два года назад. Эйми росла прямо на глазах, ее светлые косы болтались у талии, когда она с хохотом пыталась увернуться от Молли.

Полуторагодовалый сын Брока и Мэдди — Майкл, словно колобок, спускался по лестнице, его тонкие волосики стояли дыбом.

— Ты водишь! — выкрикнула Молли.

Эйми рванулась вперед и дотронулась до руки девочки своими маленькими пальчиками.

— А теперь ты!

— Дамы, у нас гости. — Мэдди подняла малыша на руки.

Обе девочки вскинули глаза, на их лицах было написано раскаяние.

— Извините, — хором пробормотали они.

— Мама, — произнес малыш, его серые глазки не отрывались от Мэдди.

— Мама любит Майкла. — Она поцеловала его в нос.

— Разве вы не должны быть в классной? — строгим голосом спросил Брок девочек.

— Да, — пробормотали они. Мэдди постаралась не улыбаться.

— Тогда идите.

Девочки повернулись к лестнице и, сделав несколько шагов, возобновили игру.

— Очаровательные дети, — сказала Кира Мэдди. — Благодарю вас за то, что вы познакомили меня с ними, и за приглашение посетить вас сегодня утром.

Мэдди улыбнулась и взяла Киру за руку.

— Я рада, что вы пришли, несмотря на ранний час. Я хотела непременно увидеться с вами и боялась, что после обеда у меня уже не будет времени.

Дамы медленно направились к двери, но на пороге Кира остановилась и оглянулась на Гевина. Ее глаза сказали ему, что ей нужен какой-то знак, что-то вроде одобрения, но он не знал, как это сделать, и отвернулся.

— Давай все же выпьем, — предложил Брок.

— Давай.

Оказавшись в библиотеке, хозяин дома закрыл дверь и налил обоим бренди, Гевин проглотил свое одним большим глотком, а затем сел на огромный зеленый диван, занимавший почти полкомнаты.

Брок подошел к окну и посмотрел на залитый солнцем весенний сад.

— Сцена между тобой и мисс Мельбурн была весьма выразительной.

Гевин напрягся. О чем смог догадаться его друг?

— Скажи мне, что ты не спал с ней.

Резко выдохнув, Гевин с кривой усмешкой подумал, что Брок никогда не слыл тугодумом. И что ему теперь делать? Солгать?

В итоге он не сказал ничего, и Брок с улыбкой повернулся к нему:

— Ах, Гевин, Гевин. Что же ты теперь будешь делать?

— Сам не знаю.

— Очевидно, лучшим выходом было бы жениться на ней.

— Да. — Гевин сглотнул.

— Но ты не рассматриваешь такой вариант, так ведь?

Слишком взволнованный, Гевин вскочил и начал расхаживать по комнате.

— Как я могу? Джеймс будет просто убит, если узнает о моем поступке. О реакции тети Кэролайн я и думать боюсь. — Он вздохнул, потирая затылок, чтобы избавиться от напряжения. — С таким скандалом за плечами Кира не может стать даже женой священника — так что уж говорить о герцогине? Я выглядел бы посмешищем. И это помимо того, что я увел невесту у своего собственного кузена.

— Да, злые языки разойдутся не на шутку, — согласился Брок.

— К тому же она наполовину персиянка. Это не ее вина, но ведь я могу проследить мою родословную почти до последнего древнесаксонского короля, и все мы англичане до мозга костей. А что я буду делать с детьми — на четверть персами? Над ними будут всю жизнь насмехаться, точно так же, как сейчас над Кирой.

Брок опустил в массивное кресло красного дерева.

— Ты ставишь довольно сложные вопросы. И все же, женившись на ней, ты одновременно положишь конец скандалу с лордом Венсом и исправишь свою ошибку.

— Этот скандал — фальшивка, — буркнул Гевин.

Насколько проще была бы его жизнь, если бы он знал все заранее!

— Так она что, не убегала с лордом Венсом? — удивился Брок.

— Убегала. Но все остальные мерзкие рассказы Венса — это ложь.

— Ты уверен?

Гевин опустил голову на руки.

— Еще бы. Она была... была...

Он не мог заставить себя произнести это слово, высказать вслух, как ужасно он недооценил Киру. Глаза Брока засветились пониманием.

— Что ж, для тебя должно служить некоторым утешением хотя бы то, что она все-таки не оказалась падшей женщиной.

Гевин фыркнул:

— Это больше похоже на шок.

— Гм... И все-таки мисс Мельбурн позволила тебе такую близость. Лорду Венсу такая привилегия, очевидно, не была оказана, несмотря на два дня, проведенные с ней наедине. Интересно, с чего бы это?

— Не знаю. Я уже тысячу раз задавал себе этот вопрос. — Гевин уставился в потолок, словно желая, чтобы кто-то оттуда, сверху, дал ему ответ. — Может, она надеялась, что я женюсь на ней из чувства вины или что нас застанут и мы будем вынуждены пожениться? А может, она просто не способна контролировать свое вожеление? — “Как и я”, — подумал он с отвращением.

— Возможно ли, что Кира позволила тебе лечь на нее просто потому, что любит тебя?

Для невинных это обычная мотивация.

Гевин поднял голову и недоверчиво уставился на Брока.

— Если она считает, что влюблена в меня, это временно, я уверен.

Брок удивленно вскинул брови:

— Это почему же?

Гевин неловко пожал плечами:

— В какой-то момент Кира считала себя достаточно влюбленной в лорда Венса, чтобы убежать с ним. Это было чуть больше двух месяцев назад. То, что она позволила мне... — И с такой легкостью, подумал он. — Что ж, она, наверное, непостоянна, как кошка. Она может выйти за меня, а потом в один прекрасный день объявит, что полюбила другого.

— Лорд Венс, конечно, ошибка с ее стороны, но если она не легла с ним в постель, значит, достаточно быстро поняла — это не тот человек...

— Он видел ее обнаженной, — выпалил Гевин и потом вздохнул. — По крайней мере это я знаю точно: у нее на бедре есть родимое пятно, и Венс знал о нем.

Воздух в кабинете вдруг стал невероятно густым, и наступила почти абсолютная тишина. Встав, Гевин налил себе еще бренди, хотя и первая порция пока что неприятно бултыхалась в его пустом желудке.

— Что ж, — наконец произнес Брок. — Я понимаю тебя. Мисс Мельбурн действительно может стать бедствием, а не женой. Но я очень сомневаюсь, что Джеймс ожидал получить непорочную невесту. Ты всегда можешь позволить кузену жениться на ней и поселиться в Танбридж-Уэллсе. После того как у них родится ребенок или двое, никто не...

— Прекрати. — От вызванных словами Брока образов у Гевина все перевернулось в душе. Кира и Джеймс поженятся, родят детей, а он будет просто смотреть?

— Кроме этого варианта, у тебя есть только один выход — жениться на ней самому.

Гевин сглотнул. Слова компаньона были неприятны, но именно в них заключалась правда. Он вздохнул, надеясь побороть настроение, подозрительно похожее на отчаяние.

— Скажи, почему ты был с ней?

Ответ на этот вопрос казался Гевину таким же сложным, как и на вопрос, что ему теперь делать. Он знал только, что в этом ответе присутствует испорченная похотью кровь Даггетов, и это пугало его.

— Я... я не знаю. Когда я обнял ее, то потом просто не мог отпустить. Во мне бурлила страсть, в которой утонули и логика, и разум, и здравый смысл. Я никогда не испытывал таких сильных чувств. — Гевин усмехнулся. — Господи, и почему я тебе все это рассказываю?

— Потому что ты взволнован. Кроме того, однажды ты помог мне пройти через нечто подобное.

— Тогда я орал на тебя.

Брок пожал плечами:

— Иногда это одно и то же. Я хорошо помню тот день. — Он рассмеялся. — Ты тогда сказал мне, что человек, наделенный властью, должен владеть собой, и я был уверен, что ты никогда в жизни не подчинялся импульсам.

— До той ночи с Кирой я тоже был в этом уверен. — Гевин нахмурился. — А теперь не могу понять, что случилось. Я прикоснулся к ней и уже больше не мог думать.

— Помнишь, я говорил тебе, что любовь заставляет мужчину совершать безумные

поступки, чтобы завоевать даму сердца?

Гевин озадаченно посмотрел на друга:

— Ты считаешь, что я влюблен в Киру Мельбурн?

— А ты в этом сомневаешься?

Тремя днями позже Кира получила новое приглашение от леди Мэдлин. Она очень надеялась, что встретит в городском доме Тейлоров Гевина, как это было в прошлый раз, когда ей так и не удалось поговорить о предстоящем браке. Теперь она очень волновалась. Разумеется, Гевин человек чести, но ей все же хотелось, чтобы в этот вопрос была внесена окончательная ясность.

Но еще больше ее тревожил тот факт, что они уже почти неделю не получали никаких вестей от Джеймса.

Когда Кира приехала на Сент-Джеймс-сквер, леди Мэдлин приветствовала ее с обычной любезностью. Она была одной из прекраснейших женщин, каких Кира встречала в своей жизни, и тепло ее улыбки, казалось, освещало всю комнату. К тому же леди Мэдлин совсем не смущала персидская кровь Киры.

Кира видела, что леди Мэдлин и ее муж безгранично любят друг друга, и ей хотелось, чтобы у них с Гевином было то же самое. Даже если он очень занят железной дорогой, они все равно должны поговорить как можно скорее.

— Пожалуйста, садитесь, — предложила Мэдди.

— Благодарю вас. — Кира вежливо улыбнулась, окидывая взглядом очаровательную комнату. Яркие цветочные узоры на желтом фоне с нежно-розовыми и зелеными акцентами покрывали все вокруг. Это была явно женская комната, в ней одновременно присутствовали элегантность и теплота. И еще эта комната была очень похожа на свою хозяйку.

— А где ваши дети? — вежливо поинтересовалась Кира.

— Девочки, должно быть, в классной, хотя в такую солнечную погоду, как сегодня, никто не знает, сколько они смогут выдержать в четырех стенах. А у Эйми и Молли новые воздушные змеи.

Заметив, как свежий ветерок играет листьями дерева, растущего перед окном, Кира кивнула:

— Сегодня идеальный день, чтобы запустить их.

Мэдди улыбнулась:

— К счастью, Майкл сейчас спит. Когда он бодрствует, ему нравится прятаться в самых невероятных местах и смотреть, сколько времени нам понадобится, чтобы найти его.

Кира рассмеялась. Именно этого она хотела и для себя: любящего мужа, очаровательных детей, одобрения, счастья и всего, что может предложить жизнь. Если бы Гевин нашел для нее всего несколько минут, они могли бы начать прямо сейчас. Она, конечно, не хотела показаться нетерпеливой, но почему он не может уделить ей хоть чуточку своего времени? Уж не избегает ли он ее?

— Так когда же вы и мистер Хауленд собираетесь пожениться?

Кира молча заморгала, не зная, что ответить. Она еще не думала о том, как отвечать людям на такие вопросы.

— Видите ли, мистер Хауленд сейчас в отъезде вместе — с моим братом. — Чтобы избежать нового развития скандала, она скрыла, что они поехали за лордом Венсом. — Вероятно, мы решим это, когда они вернутся.

— Но оглашение имен уже состоялось?

— Да, конечно. Я надеюсь, мы скоро сможем... прийти к какому-то соглашению.

— Конечно. Что ж, всего вам наилучшего.

— Спасибо.

Хозяйка дома улыбнулась.

— Вашему жениху очень повезло. На приеме у миссис Хауленд вы были самой красивой женщиной в зале. Наверняка головы поворачиваются в вашу сторону везде, где бы вы ни проходили.

Неожиданный комплимент ошеломил Киру.

— О нет! Это о вас можно сказать, что вы выглядели просто очаровательно.

— Я? — Леди Мэдлин рассмеялась, потом поддразнила: — Я теперь просто скучная замужняя женщина. А вот вам повезло. Я всегда мечтала иметь шелковистые черные волосы, такие, как у вас. И еще у вас идеальная кожа, без малейшего изъяна.

Кира никогда не задумывалась о том, что ее кожа или волосы как-то особенно красивы — просто они были не такими, как у всех, — лишнее доказательство ее персидской крови. И вот, оказывается, они нравятся леди Мэдлин. Эта мысль заставила ее улыбнуться: значит, она не так уж непривлекательна...

— Вы слишком добры ко мне, — прошептала она.

— Вовсе нет. Я вам даже скажу, что леди Литчфилд, привыкшая быть самой популярной дамой в любой гостиной, заметила в тот вечер, что она уже больше не единственная женщина, привлекающая внимание.

— Думаю, вы неверно истолковали это. Просто леди Литчфилд я не очень-то нравлюсь.

— Конечно, не нравитесь. Никакой женщине не понравится, что ее затмили.

Кире очень хотелось поверить леди Мэдлин, но возможно ли такое? Скорее, это была ревность леди Литчфилд, а не предубеждение. Да, наверняка так оно и есть.

С новообретенной уверенностью Кира решила поинтересоваться, какая причина разлучает ее с любимым.

— Я подозреваю, что приближающееся открытие железной дороги отнимает у вашего мужа много времени.

— В общем, да, но сейчас почти все уже позади.

— Вот как? Значит, кто-то другой принял на себя эти обязанности?

Мэдди покачала головой:

— Нет, на самом деле все готово. Пробные прогоны прошли успешно, все отели готовы к открытию, работники наняты. Поезда тоже готовы и стоят на своих местах. Открытие через несколько недель, и объявление об этом уже сделано. Сейчас мы просто ждем.

Кира нахмурилась.

— Значит, в настоящий момент никто ничего не должен делать?

— Нет. — Мэдди улыбнулась. — Мой муж в очередной раз доказал, что прекрасно организован и умеет окружить себя такими же блестящими людьми, как он сам.

— А что инвесторы? — Кира сглотнула, смутившись. — Они наверняка очень заняты.

Мэдди только махнула рукой.

— А они и того меньше. Брок организовал все так, что инвесторы могут просто сидеть и ждать своих прибылей.

Иными словами, никто не был как-то особо занят железной дорогой. Но тогда почему же Гевин словно исчез для нее? Где же он?

— Вы видели сегодня своего кузена Кропторна? — спросила Кира, надеясь, что ее голос не выдал слабость, которую она ощущала.

— Сегодня нет, но на этой неделе он практически переселился в контору Брока. Понятия не имею почему. — Мэдди пожалала плечами. — Брок объяснил, что Гевин приходит просто чтобы убить время.

Кира закрыла глаза. Ну уж нет, герцог ходит в контору мистера Тейлора вовсе не за тем, чтобы убить время. Вероятнее всего, он делает это потому, что избегает встреч с ней. Шок и уныние вдруг охватили ее, и она попыталась сдержать эти чувства. Зачем ему эта отсрочка? Он должен понимать, что она хочет обсудить их женитьбу...

Если только он не избегает ее потому, что вовсе не собирается на ней жениться.

О Господь милосердный!

Кира вдруг почувствовала, как тошнота волной подступила к ее горлу; глаза жгли слезы. Как мог Гевин так страстно заниматься с ней любовью и говорить, что никогда ни в чем не был так уверен в своей жизни, как в своих чувствах к ней, а потом так жестоко бросить ее?

И все-таки, похоже, он сделал именно это.

— Так у его светлости нет сейчас дел по железной дороге с вашим мужем?

— Никаких, я полагаю. — Мэдди наклонилась вперед и отставила чашку с чаем в сторону. — Но вы что-то выглядите осунувшейся. Вам нехорошо?

Да, нехорошо, и, возможно, уже никогда не будет хорошо.

— Боюсь, что да. Наверное, мне пора идти. — Кира поднялась, но ноги плохо слушались ее.

Мэдди тоже встала.

— Я найду к вам через день-два убедиться, что вы в порядке.

Рассеянно кивнув, Кира вышла, и когда кучер помог ей сесть в наемный экипаж, она рухнула на сиденье, едва за ней закрылась дверь. Застарелый запах сигар и немых тел ударил ей в нос, и ее затошнило. Мысли в ее голове неслись быстрее вырвавшегося на свободу жеребца.

Итак, Гевин не занимается железной дорогой и у него нет никаких дел с мистером Тейлором. Он отсутствовал день и ночь без всякой причины. Кира могла — вернее, боялась — сделать только один вывод: он избегает ее, чтобы избежать женитьбы. Неужели он действительно думал забрать ее девственность и не совершить после этого благородный поступок? Только презренные мерзавцы поступают так отвратительно... и знатные вельможи, соблазняющие женщин, которых считают ниже себя по положению.

Боже, какая отвратительная правда! Кира с трудом сдерживала слезы. Гевин был таким внимательным, таким понимающим, таким заботливым в последние несколько недель — совсем не похожим на надменного герцога, с которым она познакомилась вначале. И он вовсе не казался человеком, который может обесчестить женщину и ничуть не заботиться о последствиях, с которыми она потом столкнется.

Впрочем, она не первый раз ошибалась в мужчине. Возможно, Гевин все время считал ее распущенной женщиной и просто хотел найти возможность переспать с ней. Разве не об этом говорил ей Дариус? Если так, то, значит, Гевин вовсе не знал и не понимал ее, и это делало все, во что она верила и что любила в нем, ложью.

Эта мысль поразила Киру. Сокрушающая волна чувств наполнила ее душу страданием и злостью. Велев кучеру поспешить, она дала себя клятву поговорить с Гевинном как можно скорее.

Около трех часов ночи Гевин, спотыкаясь, вошел в свою комнату. От него несло бренди,

и он так устал, что способность играть в карты покинула его много часов назад.

И опять ему не оставалось ничего, кроме как думать о Кире, хотя он ненавидел эти размышления. Совершенно бесполезное занятие, но он никак не мог остановиться, также как не мог жениться на ней. Просто не мог по всем тем причинам, которые обрисовал Брок. Почему же тогда он так переживает по поводу всей этой ситуации?

Со вздохом Гевин зажег лампу. Какого черта он собирается делать? Он ведь не может прятаться от Кире вечно.

Вдобавок и вестей от Джеймса все не было. Проклятие, это начинало его беспокоить.

— Добро пожаловать домой, — услышал он за спиной спокойный женский голос и резко обернулся: в мягком палисандровом кресле в углу сидела Кира, полностью одетая, и на ее лице можно было прочесть такое явное выражение ярости, которое нельзя было спутать ни с чем.

Но даже рассерженная, она выглядела такой чувственно-элегантной с разметавшимися по плечам локонами, а ее пухлые алые губы так и манили поцеловать их. Ее строгое коричневое платье с пуговицами почти до подбородка не могло скрыть изгибы, которые он однажды уже ласкал.

Кровь в его венах запульсировала, густая и горячая, побуждая Гевина стереть поцелуями гнев с ее лица, а после обнять ее и заставить смеяться.

И все же он сдержит свои порывы.

— Что вы здесь делаете? Вдруг вас увидят...

Кира бросила на него сердитый взгляд.

— Сейчас это волнует меня меньше всего. Думаю, вы должны кое-что объяснить мне...

Гевин напрягся. Вот оно, ее требование. Он вздохнул. У нее есть все права требовать, а он даже не знает, что сказать в ответ.

— Кира, я... я сожалею.

Она насмешливо подняла бровь.

— Сожалеете, что избегали меня?

О, она и это вычислила? Неудивительно, что она в ярости.

— Нет. — Ледяное выражение ее прозрачных синих глаз сказало ему, что это был неправильный ответ. — Да, я сожалею, если вам показалось, что я избегал вас.

— Так мне действительно показалось? — ядовито заметила она.

Он решил пропустить этот вопрос.

— Что вы хотели обсудить?

— То, что произошло в библиотеке. — Она нахмурилась. — Это была...

— Ошибка, — перебил Гевин. — Вина полностью на мне. Я позволил себе поддаться вашим... чарам. Это было безответственно с моей стороны, и я сожалею о своем поступке.

Ну вот и хорошо. Может быть, если он взял всю ответственность на себя... Впрочем, безудержная ярость, с которой она смотрела на него, сказала ему, что извинения не помогут делу.

— То, что мы сделали, было ошибкой? Но тогда я спрашивала вас, и вы сказали, что никогда в жизни не были более уверены. Вы говорили это несерьезно?

Гевин вздохнул:

— Я действительно так думал... к несчастью. И я действительно хотел вас. — Точнее, надо было бы сказать “хочу”, да так отчаянно, что это почти не имело смысла.

— А что изменилось теперь? Вы не желаете даже видеть меня... — Она крепко

зажмурила глаза, стараясь удержать слезы, и у Гевина сжалось сердце. Обычно ему удавалось гораздо более ловко, чем сейчас, прекращать любовную связь. Проклятие, почему он не догадался сделать ей подарок или что-то еще, чтобы смягчить боль их расставания, — это наверняка бы помогло.

Правда, до сих пор его партнерши никогда не думали о браке... и они не были девственницами.

— Кира, женщиной управляет се сердце, в то время как мужчиной... мужчиной управляет похоть. Когда я сказал, что хочу вас...

— Вы просто хотели переспать со мной. — Она скрипнула зубами. — Боже, какая же я дура!

— Теперь-то я понимаю, что вы уже тогда думали о браке, — промямлил он.

— Несомненно. Думая иначе, я должна была бы быть самой... — У нее перехватило дыхание, и она посмотрела на него пылающим взором. — Ну а вы решили, что я женщина легкого поведения и вам нетрудно будет соблазнить меня, падшую женщину. Мой брат был прав. — Она сжала кулаки. — Вы ничего не поняли во мне за эти последние недели, да и не хотели понять. — Боль просочилась сквозь ее гнев, и Гевин не выдержал; быстро пройдя через комнату, он взял ее за плечи.

— Нет, я хорошо узнал вас. — Он не мог сказать, что не собирался соблазнять ее, он не мог солгать. — И я не хотел причинить вам боль. Проклятие, я не ожидал, что такое случится...

— И тем не менее не остановились перед тем, чтобы соблазнить невесту кузена, хотя и не собирались жениться на ней. Да что же вы после этого за человек?

— Негодяй, по-видимому. — Его вдруг охватило отвращение к самому себе. — Если вас это хоть немного утешит, меня ужасает мое поведение.

— Но все же не настолько, чтобы заставить поступить, как свойственно благородному человеку? — с вызовом спросила она. — Вам было гораздо легче поверить, что я шлюха и, следовательно, легкая мишень для вас. Но поскольку я доказала, что вы ошибались...

— Откуда мне было знать, что вы невинны?

— Так вы поверили лорду Венсу?

— Несколько недель назад я лично разговаривал с ним.

Кира рванулась прочь от него, и Гевин понял, что опять сказал что-то не то.

— Его слова звучали очень убедительно, — сказал Гевин. — И он знал о вашем родимом пятне.

Несколько мгновений Кира молчала и смотрела на него.

— А как вы узнали о нем до той ночи в библиотеке?

Тут придется солгать, подумал Гевин. Конечно, если он скажет Кире, что еще несколько недель назад видел каждую выпуклость и впадинку ее оливкового тела... О, вот тогда она будет — и совершенно справедливо — в настоящей ярости.

— Слуга.

На ее лице было написано глубокое возмущение.

— Что ж, позвольте мне рассказать вам о моих делах с гнусным лордом Венсом. Он узнал о моем родимом пятне только потому, что, после того как, предложив мне брак и пообещав поездку в Гретну, привез меня в Лондон, привязал к кровати и раздел донага. Я кричала, умоляла, я угрожала мерзавцу, а он лишь смеялся надо мной. Это была просто удача, что мне удалось освободиться от пут и выпрыгнуть в окно прямо в повозку,

груженную сеном. Так я смогла убежать. — Слезы наполнили ее глаза, превратив их в прозрачные озера. — Венс пригрозил убить меня, если я хоть кому-то расскажу правду. Хотя никто все равно не стал бы слушать — ведь все считали меня шлюхой... даже вы.

Гевину показалось, что его ударили в грудь. Венс связал ее и раздел? Он представил эту картину, услышал ее мольбы... Так вот почему Дариус помчался вдогонку за негодяем! Гевин пожалел, что не может прямо сейчас присоединиться к брату Киры.

— Венс не...

— Нет. По крайней мере в этом смысле он пощадил меня.

Лорд Венс явно был не слишком щепетилен. Почему же он не воспользовался беспомощностью Киры, когда представилась такая возможность? Гевин напряг все свои мыслительные способности и тут вспомнил упоминание Брока о том, что, по слухам, Венс был содомитом.

Но если это действительно так, зачем он делал предложение Кире? Очевидно, у него была какая-то цель...

Прежде чем Гевин успел обдумать это предположение, Кира посетовала:

— Я так наивна. Однажды я поверила, что красивый знатный мужчина хочет взять меня в жены, поверила, что он любит меня. Я поверила в это так безгранично, что убежала с ним, а он обманул меня. И вот я снова оказалась настолько глупа, что поверила очередному соблазнителю, поверила настолько, что позволила вам...

— Кира, вы не должны винить ни себя, ни меня.

— Нет, должна, потому что я поверила, что вы не высокомерный негодяй, каким я вас считала сначала. — Она направилась к двери, но вдруг обернулась и скрестила руки на груди. — Когда Джеймс вернется, мы с ним тихо обвенчаемся и уедем в Танбридж-Уэллс, где я забуду о происшедшем. Надеюсь, что вы в этом окажетесь джентльменом и тоже забудете обо всем.

Гевин вздрогнул. Кира и Джеймс поженятся? Но это же абсолютно неправильно! Кира — слишком страстная натура, чтобы удовлетвориться любовью Джеймса. Ей нужен кто-то с твердой рукой, кто будет знать, когда потакать ей, а когда “натянуть вожжи”. Это была роль, которую Гевин знал в совершенстве.

— Так мы договорились?

Безумное, импульсивное желание предложить ей руку и сердце чуть не сорвалось с его языка. Он мог бы излечить ее, мог исправить зло, которое причинил ей. Но, сделав это, он погубил бы себя и свою семью — а может быть, даже и Киру.

Сглотнув, герцог неохотно кивнул.

Напоследок Кира бросила на него взгляд, который пронзил Гевина насквозь, потом повернулась к двери.

Гевин вдруг почувствовал, что не хочет отпускать ее. Как только Кира выйдет из комнаты, они станут друг для друга не больше чем вежливыми незнакомцами. Что, если он никогда впредь не увидит это экзотичное чувственное создание, с которым совсем недавно занимался любовью? Мысль об этом ему определенно не нравилась. Если он сейчас позволит ей уйти, их отношения уже никогда не станут прежними, и он знал это.

Схватив Киру за руку, Гевин заставил ее обернуться. От удивления алые губы Киры приоткрылись, обжигающе синие глаза расширились, и Гевин стиснул зубы, мысленно проклиная себя за неистовое желание поцеловать ее.

— Чего еще вы хотите? — спросила Кира, многозначительно глядя на его руку.

Герцог нахмурился. Он желал... очень многого.

— Прежде всего вы должны знать, что я очень сожалею и не хочу, чтобы вы злились или ненавидели меня. А еще я не хочу, чтобы вы винили себя или сожалели о том, что случилось.

Кира спокойно высвободилась из его рук.

— Боюсь, вы требуете невозможного.

Следующие четыре дня прошли в напряженном молчании — и без единого письма от Джеймса. Кира не обсуждала это с Гевинном — его светлостью, мысленно поправила она себя, — но не сомневалась, что, как ни мало герцог думает о ней, он все же искренне любит кузена, а значит, волнуется.

Визит мистера Тейлора не слишком облегчил ее волнения.

— Добрый день, — с тревогой приветствовала она Берджеса.

— Мисс Мельбурн. — Он кивнул и сел.

— Надеюсь, ваша семья здорова. К сожалению, я не...

— Вы хотите знать новости о вашем брате, я понимаю. — Берджес вздохнул и, вытащив из кармана письмо, протянул его Кире.

Она открыла конверт дрожащей рукой. Это было письмо, написанное небрежным почерком Дариуса, датированное прошлой неделей.

“Мистер Берджес!

Я прибыл в окрестности города Тавистока и остановился в гостинице “Высокое дерево”. Не знаю, как долго я здесь пробуду. Пожалуйста, не говорите ничего о моем местонахождении сестре. Если вам доведется встретиться с ней, скажите, что я в Йоркшире, куда вы скоро возвращаетесь. Я не хочу, чтобы она беспокоилась обо мне.

Я по-прежнему уверен, что мне грозит опасность. Теперь я точно знаю, что за мной следят. Люди, которых я ищу, занимаются опасными делами, но сейчас я не смею сообщить большего.

Пишу вам, чтобы напомнить об обещании, которое вы так любезно дали мне при нашей последней встрече. Позаботьтесь о моей сестре, если я не вернусь. К тому моменту, когда вы получите это письмо, она и мистер Хауленд уже должны обвенчаться. Если они еще не обвенчались, должен просить вас действовать вместо меня и исправить ситуацию. Я рассчитываю на вашу дружбу и благодарю вас от имени сестры.

Искренне ваш,

Дариус Мельбурн”.

Кира снова перечитала письмо. Дариус знал, что он в опасности и что за ним следят? И он еще тратит силы, беспокоясь о ней? Она с трудом вздохнула, страстно желая обнять его, а потом как следует вздуть.

И где же Джеймс? Если бы они уже встретились, в письме Дариуса имелось бы хоть какое-то упоминание о нем.

— Благодарю, что познакомили меня с этим письмом, — наконец произнесла она.

— В свой прошлый приезд я заметил на вашем лице тревогу и подумал, что должен сообщить вам о новостях, которые я получил от вашего брата.

— Это очень мило с вашей стороны. — Кира попыталась улыбнуться. Она не сомневалась: нужно срочно что-то делать. Дариус в опасности, а Джеймс пропал, и это ее вина. С ними сейчас все было бы в порядке, если бы она так глупо не сбежала с лордом Венсом.

— Вы и мистер Хауленд уже обвенчались? — спросил мистер Берджес.

— Нет. — Кира не знала, огорчаться ей или радоваться этому. — Джеймс уехал искать моего брата сразу же после вашего прошлого визита, как раз перед тем, как мы должны были пожениться.

— Он намеревается помочь Дариусу?

— Нет, остановить его. Преследование Дариусом лорда Венса опасно и никому не нужно. Это никак не поможет восстановить мою репутацию.

Мистер Берджес опустил глаза.

— Долг брата — защищать честь сестры.

— Возможно, — согласилась Кира. — Но обязанность старшей сестры — опекать брата.

Ей придется поехать вслед за Дариусом и Джеймсом, и она не успокоится, пока не узнает, что они оба здоровы и им ничто не угрожает.

Кира улыбнулась и встала. Мистер Тейлор последовал ее примеру.

— Еще раз благодарю вас.

Берджес пожал плечами:

— Не за что. Если я получу еще какую-нибудь информацию, то обязательно сообщу вам.

— Да, пожалуйста, — ответила Кира, хотя сама планировала вскоре быть в Тавистоке.

Вечером Гевин приехал домой не совсем трезвым и получил огорчительное известие о том, что Кира в этот день принимала гостя — мужчину, и что указанный мужчина уже был здесь раньше в отсутствие Гевина, и что в данный момент она пакует вещи, чтобы ехать неизвестно куда.

Его загуманенный спиртным мозг отреагировал мгновенно. Всего несколько дней назад Кира велела ему убираться к черту и вот уже принимает других джентльменов в его собственном доме, а заодно собирает вещи. Неужели какой-то ублюдок опять убедил Киру убежать вместе с ним? Бог свидетель, она и шага не сделает из этого дома, пока он не научит ее уму-разуму.

Не обращая внимания на то, что вокруг все странно раскачивается, Гевин, спотыкаясь, поднялся по лестнице и вошел в спальню Киры. Она стояла там, прикусив губу, ее гладкие черные волосы свернуты кольцом, густые локоны упали на спину. Горничная — Керри или Кэти... нет, Китти — стояла рядом с ней, укладывая ее одежду в чемодан.

— И куда это, черт побери, вы собрались?

Кира резко обернулась, ее глаза расширились; в них Гевин без труда угадал гнев и презрение. Впрочем, он и правда выглядит слегка помятым, но что с того...

— Уходите, прошу вас.

В качестве приветствия это было ужасно. Конечно, он тоже не был слишком вежлив, но все же хотел услышать ответ.

— Нет, я не уйду, — заплетающимся языком произнес Гевин, — потому что мне надо поговорить с вами.

— А мне нет.

Гевин скрипнул зубами. Хотя он восхищался силой духа этой женщины, у него начала болеть голова, и ему опять понадобилось в туалет. Но он пойдет туда не раньше, чем прочистит Кире мозги.

— Ты можешь идти! — рявкнул он на горничную. Молоденькая светловолосая служанка — кажется, ее все-таки зовут Китти? — молча посмотрела на хозяйку, ожидая указаний. Кира выглядела так, будто очень хотела возразить ему, но в конце концов, видимо, передумала.

— Ладно, иди.

Вот и умница. Очевидно, Кира, так же как и он, не хотела посвящать горничную в интимные подробности их... ситуации.

Китти прошла мимо герцога, не отрывая взгляда от ковра под ногами, а когда она вышла, Гевин резко захлопнул за ней дверь.

— Я хочу, чтобы дверь была открыта, — потребовала Кира.

— А я хочу поговорить о вашем госте. — Герцог сделал шаг вперед и оказался так близко к Кире, что мог разглядеть каждую ее ресничку. Ее образ немного расплылся, но снова прояснился, когда он моргнул.

Гевин ничуть не удивился, когда она демонстративно вскинула голову, отказываясь отступить.

— Неужели вы так быстро забыли меня? — угрожающе проворчал он.

Кира сглотнула, не зная, что делать, и зло посмотрела на него.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Если вы считаете меня настолько развратной, чтобы так быстро завести другого мужчину, то какое вам дело?

Хороший вопрос. Гевин вдруг почувствовал ужасную усталость. Медленно соображающие шестеренки в его мозгу повернулись, пытаясь найти ответ на заданный ему вопрос, но все было напрасно.

— Если вы позволяете мужчинам ухаживать за вами под моей крышей — под той же самой крышей, где живет ваш жених, это не может не вызвать сплетен, и я не потерплю этого!

Недоуменно пожав плечами, Кира отступила, взяла несколько пар туфель и положила их в свой небольшой чемодан.

— Поскольку я уезжаю, единственная сплетня, которую может вызвать мой отъезд, будет о том, как сильно вам повезло, когда вы избавились от такой неприятной гостьи.

Вероятнее всего, Кира была права, но Гевина это ничуть не успокоило.

— Так вы собираетесь бросить моего кузена, даже не удосужившись попрощаться? Джеймс хотел жениться на вас, несмотря на...

— Да, несмотря на скандал и мое смешанное происхождение. Джеймс настолько понимающий человек, что не испугался ни того, ни другого. У меня и в мыслях нет бросать его, глупый вы человек. Напротив, я собираюсь найти вашего кузена.

— С помощью неназванного гостя? Разве это не вызовет косых взглядов?

Кира перестала укладывать вещи и, уперев руку в бок, уставилась на Гевина так, будто он сошел с ума.

— Почему мужчины полагают, что женщины не могут без них обойтись, когда им самим слишком явно не хватает умственных способностей? — Она с отвращением вздохнула.

Герцог гневно посмотрел на нее.

— Вы оскорбили меня!

— Да, оскорбила. Я еду одна, безмозглый фигляр. Подумайте сами: если я опять останусь с мужчиной, который не является моим мужем, то перейду все границы приличия. Вопреки вашим пьяным мыслям я больше не сделаю такой ошибки.

— Ехать одной не менее скандально. Это даже хуже, потому что кругом столько воров и мерзавцев...

— Не забудьте посмотреть в зеркало.

— Кира, будьте благоразумны...

— Не буду. Я не могу больше празднично сидеть и беспокоиться о брате и женихе только потому, что вы считаете меня слишком беспомощной, чтобы что-то сделать.

Беспомощной? Но он никогда не рассматривал ее в таком свете. Впрочем, если на нее нападет кто-то на темных английских дорогах, она ничем не сможет защитить себя; а если ее найдет лорд Венс, то уж вряд ли позволит ей снова так легко ускользнуть.

— Ладно, тогда я еду с вами, — внезапно заявил он.

— Нет, не едете. — Кира заталкивала в чемодан чулки.

— Нет, еду. Как вы собираетесь найти их? Вы же не больше меня знаете, где они находятся.

— А вот тут вы очень ошибаетесь, — язвительно заметила Кира.

От этого известия весь хмель мгновенно слетел с него.

— Так вы правда что-то знаете? И ничего не сказали мне? Тетя Кэролайн проплакала всю прошедшую неделю, горюя о том, что ее сын пропал, а вы все это время молчали!

— Насколько мне помнится, вы провели большую часть двух прошедших недель, избегая меня.

Проклятие, так все и было! Герцог покачал головой. В любом случае ее скрытность неуместна.

— Я настаиваю на том, чтобы поехать с вами.

Кира недобро усмехнулась:

— Ваша светлость, очевидно, не учли, что подумает свет о столь импульсивном поступке? Скорее всего вас просто перестанут принимать в приличных домах. Да и вашей тетушке придется все вечера проводить дома, если вас увидят со мной. Так что лучше уж вам не рисковать...

Гевин вздрогнул. Кира была права; люди будут болтать бог знает что, если узнают о том, как он и невеста Джеймса путешествуют вместе без сопровождения. Впрочем, он может что-нибудь придумать и отвести от себя подозрения; например, выдумать поездку в Бирмингем для окончательной проверки готовности железнодорожной ветки к открытию. Это звучало неплохо — даже умно, несмотря на бутылку бренди, которую он недавно употребил.

— Мне все равно. Я еду с вами.

— Дариус мой брат, моя семья!

— Джеймс мой кузен, и я отвечаю за него.

Кира презрительно взглянула на него и стиснула зубы.

— Я отказываюсь ехать с вами.

— Как пожелаете. Пока мы не найдем наших родственников, я буду ехать позади вас. — Герцог улыбнулся; ему сразу же понравилась эта идея. — Куда бы вы ни направились, я последую за вами и буду очень близко, пожалуй, дюймах в шести за вашей спиной...

— Вы не посмеете. — Ее сузившиеся глаза сказали ему правду: она очень боится, что он посмеет.

И тогда Гевин улыбнулся ей обезоруживающей улыбкой, а затем пошел укладывать вещи.

— Помните, вы моя кузина, — прошептал Гевин, когда они, поручив лошадей мальчишке, направились к гостинице “Высокое дерево”, находившейся в самом сердце Корнуолла.

Кира хотела возразить ему, но за прошедшие несколько ночей путешествия она поняла, что ни один уважающий себя содержатель гостиницы ни за какие деньги не дал бы ей комнату, если бы она путешествовала одна.

Все же она искренне надеялась, что заставит герцога чувствовать себя хотя бы наполовину таким же несчастным, какой чувствовала себя она. Кроме того, что все мышцы ее тела болели от долгих часов, проведенных в седле, ей приходилось бороться с чудовищно красивым негодяем, разбившим ее сердце, который все время пытался заговорить с ней, но ни разу не проронил и слова о женитьбе. Очевидно, герцог рассчитывал, что его присутствие сделает ее счастливой, несмотря на то что он обесчестил и бросил ее.

Больше всего Кире хотелось, чтобы они нашли Дариуса и Джеймса в ближайшие пять минут, но это вряд ли могло случиться. За последние пять дней лишь несколько владельцев

гостиниц вспомнили что-то о тех, кого они искали, но никто не смог сообщить никаких существенных деталей. К счастью, Кира захватила с собой письмо Дариуса к мистеру Берджесу, и теперь, когда они достигли Тавистока, надеялась отделаться от Гевина и сама разобраться с этим делом. Герцог может убираться куда хочет, главное — чтобы его не было рядом с ней, потому что, когда он находился близко, ей с трудом удавалось сдерживать сердечную боль.

Когда они устроились в гостинице под чужими именами, жена хозяина появилась в гостиной со знаменитыми корнуоллскими пирогами и крепким горячим чаем.

— Надеюсь, это поможет вам согреться...

Кира внимательно посмотрела на крепкую пышногрудую женщину с седеющими волосами, свернутыми на голове в тугой пучок. Трактирщица словно специально была создана для того, чтобы выживать на этой суровой каменистой земле.

Закончив расставлять перед ними тарелки, хозяйка заведения улыбнулась. Кире очень хотелось расспросить ее о Дариусе и Джеймсе, но для этого она планировала остаться женщиной наедине, а Гевин пусть сам добывает информацию.

— Я скоро вернусь с лепешками и топлеными сливками, дорогие мои.

Прежде чем они успели ответить, трактирщица вышла.

Держа чашку с чаем в руке, Гевин повернулся к Кире, но она не желала слышать ничего, что он собирался сказать.

— По тому, что мы остановились именно здесь, я делаю вывод, что место было вам известно заранее, — безапелляционно заявил он, — и поэтому настаиваю, чтобы вы сообщили мне сведения, которые получили еще в Лондоне.

Как ни странно, он уже сам о многом догадался, но Кира скорее отрезала бы себе язык, чем признала это.

— Настаивайте, если хотите.

Сделав глоток обжигающего чая, Гевин отставил чашку.

— Проклятие, как я могу помочь вам, если вы отказываетесь что-либо мне рассказывать?

— Я не просила вашей помощи.

— И все же она нужна вам.

Очевидно, герцог намеренно использовал самые резкие и глубокие ноты своего голоса, чтобы напугать ее, но Кира не желала поддаваться и лишь преувеличенно любезно попросила:

— Не могли бы вы передать мне сахар? Гевин нетерпеливо сунул ей в руки сахарницу.

— Мы найдем их быстрее, если вы расскажете мне все, что знаете.

Положив две ложки сахара в свою чашку, Кира, ни слова не говоря, вернула ему сахарницу, затем молча размешала чай, подула на дымящуюся поверхность, чтобы немного остудить, и сделала осторожный глоток. Как красиво здесь все цветет весной, подумала она, глядя в окно. Корнуолл обладал какой-то дикой красотой, очарованием, которое нельзя укротить. Как интересно...

— Вы не можете отказываться говорить со мной всегда, когда вам этого захочется.

Голос Гевина звучал почти гневно, и Кира удовлетворенно улыбнулась.

— А вот и я, — произнесла трактирщица, входя в комнату. — Свежие лепешки и топленые сливки. Если захотите еще, просто позовите меня.

Теперь Кире еще больше хотелось, чтобы Гевин ушел. Может быть, женщина вспомнит

что-то о Дариусе или Джеймсе. Возможно, она сможет дождаться, когда Гевин ляжет спать, и тогда обратится к женщине.

— Миссис Керр? — приветливо улыбаясь, обратился Гевин к женщине.

Боль пронзила желудок Киры. Ей вспомнилось, как Гевин улыбался ей — тогда она верила, что он действительно любит ее. Теперь она знала его лучше — гораздо лучше.

— Да, мистер Ривз? — назвала трактирщица вымышленное имя герцога.

Гевин решил обратиться к трактирщице по фамилии, что было очень умно. По крайней мере она это запомнит.

— Вот интересно, не помните ли вы двух джентльменов, которые, я уверен, останавливались у вас?

Кира возмущенно обернулась. Боже, как бы ей хотелось вырвать герцогу язык! Кажется, он угадал весь ее план.

— Не знаю. У нас тут бывает много джентльменов.

— Уверен, вы вспомните, — заверил ее Гевин. — Одного джентльмена звали Джеймс Хауленд.

— О, этот очень приятный священник был здесь на прошлой неделе. Он сказал, что разыскивает брата своей невесты.

Кира попыталась вздохнуть с облегчением, но не смогла — она все еще не узнала, что случилось с ним и Дариусом.

— Действительно, это он. А мистер Хауленд не говорил, куда собирается ехать дальше? Седые брови миссис Керр сошлись вместе.

— Нет. Вообще-то он оставил тут кое-какие вещи и не вернулся за ними. Они так и лежат у меня.

Гевин встревожено нахмурился. Джеймс никогда не был забывчивым.

Кира крепко сжала кулаки, стараясь не поддаться тревоге, прокрававшейся в ее душу.

— Вы помните человека, которого искал мистер Хауленд? Его имя...

— Мистер Мельбурн? Конечно. — Трактирщица взмахнула рукой. — Он не из тех мужчин, кого женщине легко забыть, не важно, какого она возраста. Высокий, темноволосый и похож на иностранца. Я права?

У Киры екнуло сердце. Женщина действительно помнила!

— А когда он уехал и куда направился? — поинтересовался Гевин.

В его словах звучала та же настойчивость, с какой говорила бы Кира, только низкий голос Гевина звучал более повелительно.

Миссис Керр пожалала плечами.

— Он все расспрашивал меня об аристократе, недавно поселившемся в нашей местности, и, пробыв день или два, исчез — посреди ночи, оставив деньги на оплату счета. Возможно, он спешил к сестре, о которой очень волновался.

Сердце Киры готово было разорваться от любви и тревоги. Господи, пусть только Дариус будет в безопасности. Пусть они с Джеймсом будут в безопасности. Тревога затопила ее душу, и она боялась расплакаться прямо на глазах Гевина и трактирщицы.

— А тот аристократ, — произнес он, — как его звали?

— Лорд Венс. — Она разгладила руками свой широкий, без единого пятнышка фартук. — По-моему, этот очаровательный человек недавно снял Фентлет-Мэнор, недалеко отсюда. Дом стоял пустым почти десять лет, так что можете представить наше удивление, когда появляется лондонский джентльмен и говорит, что ищет место, где можно отдохнуть

от столичной суеты.

Кира нахмурилась. Лорд Венс говорил то же самое, когда прошлой зимой снимал Бенхолоу-Холл в Суффолке.

— Этот господин все еще живет там? — спросила она трактирщицу.

— Да, насколько я знаю, хотя старшая дочь моей сестры, которая работает там горничной, говорит, что слышала от его камердинера, будто он вскоре собирается снова поехать в Лондон по каким-то семейным делам.

— Полагаю, — любезно предположил Гевин, — вы не против рассказать нам, как найти этот Фентлет-Мэнор?

— Ну конечно. Я даже попрошу мужа нарисовать вам карту.

На следующее утро Кира проснулась рано, по меньшей мере за час до восхода солнца, и торопливо оделась. Гевин может держать у себя карту дороги в Фентлет-Мэнор, но у нее прекрасная память, поэтому она помнит каждое слово из объяснений миссис Керр. Женщине одной даже легче пробираться по окрестностям. Может быть, лорд Венс не узнает ее и ей удастся сделать вид, будто она ищет место служанки, а тем временем выведать у слуг, не видели ли они Дариуса.

Кира на цыпочках пробралась в холл и спустилась по скрипучим ступеням, вздрагивая от каждого шороха. Если она постарается двигаться осторожно, то не разбудит Гевина, иначе он будет настаивать на том, чтобы сопровождать ее. Разумеется, его помощь может пригодиться, и она бы чувствовала себя гораздо спокойнее, зная, что он рядом, но Кира просто не хотела иметь с ним никаких дел. К тому же она сама может разыскать брата и жениха, ведь, в конце концов, они пропали из-за нее.

Как же ей хотелось, чтобы она никогда не встречала лорда Венса — или хотя бы не верила ни единому слову этой скользкой змеи.

Общий зал был холоден и пуст, когда она проходила через него, хотя свет на кухне сказал ей, что кто-то уже на ногах. Осторожно пробираясь к двери, Кира оглянулась через плечо, но никого не обнаружила.

Обрадованная этим, она на цыпочках подбежала к двери, открыла ее ровно настолько, чтобы выскользнуть наружу, и осторожно закрыла за собой.

Утро выдалось влажным и холодным, с окрестных болот нещадно дул ветер; хотя в Лондон уже пришла весна и температура поднялась, солнце еще не успело согреть эти отдаленные места.

Кутаясь в плащ, Кира поспешила к конюшне, надеясь, что на этот раз ей удастся наконец найти Дариуса и Джеймса и она сможет вздохнуть спокойно. Они с Джеймсом назначат дату свадьбы, и она навсегда забудет наглеца, который обесчестил ее.

Кира изо всех сил постаралась отбросить мысли о Гевине, но когда она распахнула дверь конюшни, то поняла, что это ей не удастся.

Герцог стоял в конюшне, седлая лошадь, его волосы блестели в свете лампы, на губах играла самодовольная улыбка. Он выглядел свежим и отдохнувшим, в то время как она совсем не чувствовала себя таковой.

— Я ждал вас по меньшей мере четверть часа назад, — небрежно произнес он. — Проспали, да?

Не говоря ни слова, Кира направилась к своей кобыле; но когда она проходила мимо Гевина, он схватил ее за руку и притянул к себе.

Кира нехотя взглянула в его лицо и прочла в нем непреклонную решимость.

— Давайте пойдем друг друга. Джеймс член моей семьи, так же как Дариус — вашей. Вы знаете что-то, чего я не знаю. Таким образом, я буду преследовать вас как тень, пока мы не определим, что с ними произошло.

Его темные глаза сказали Кире, что он не шутит и не блефует. Герцог действительно собирался оставаться рядом с ней, пока это суровое испытание не закончится.

Плохо. Присутствие герцога будет напоминать ей о времени, проведенном вместе. Кира знала, что не может доверять ему, но и не могла отрицать, что ее тело — и сердце — все еще стремилось к нему, а в его глазах было что-то опасное. Огонь. Она знала это выражение. Гевин смотрел так перед тем, как поцеловал ее в первый раз, и она боялась, что слишком хорошо понимает то, что происходит сейчас в его голове, потому что, то же самое происходило и в ее. Но она не могла этого позволить.

Кира вырвала руку из его пальцев.

— Если я скажу вам правду, вы уйдете?

— Нет. Мы преследуем вероломного негодяя, и вам нужна защита.

Хотя доводы Гевина показались Кире разумными, она вовсе не собиралась признавать этого и, наоборот, гордо вздернув нос, продефилировала мимо упряма к стойлу.

Герцог молча смотрел, как она седлает лошадь, не предлагая помощи, от которой она все равно бы отказалась.

Через час их молчаливой поездки ее желудок начал ворчать, но Кира решила не обращать на это внимания.

Гевин рассмеялся:

— Что-то забыли?

— Да, карту дороги в ад, которую собиралась дать вам! — резко выпалила она.

Его долгий низкий смех рассердил ее еще больше, но тут он повернулся и бросил ей пару божественных лепешек миссис Керр. Кира поймала их в благодарном молчании и тут же демонстративно откусила кусок.

Да, она была голодна, но она могла бы и сама найти себе что-нибудь на завтрак. Не нужны ей его заботы, и ему нет необходимости вести себя так, будто она совершенно беспомощна.

В течение следующего часа Кира злобно созерцала спину герцога; но наконец на горизонте показался Фентлет-Мэнор. Удачно расположенный в широкой долине, дом с запада окружал маленький залив, который можно было перейти по очаровательному каменному мостику. Обширные сады вокруг выглядели довольно запущенными. Хотя сам дом явно нуждался в ремонте — покосившиеся колонны и осыпающаяся штукатурка, — во всем остальном он выглядел неплохо. Кира понимала, почему такой вздорный человек, как лорд Венс, решил поселиться здесь, если это на самом деле был его план.

Когда путники приблизились к дому, в ста ярдах от него им преградили дорогу двое крепких мужчин верхом на лошадях, но, к счастью, это не были те же самые бандиты, которых Венс нанимал в Суффолке.

— Вы въехали в частные владения, — проворчал один из них. У него был отвратительный шрам, начинавшийся из-под носа и проходящий через всю губу. Каким бы образом он ни получил эту рану, вряд ли она была благородного происхождения.

— Если у вас нет дела к графу, тогда убирайтесь, — добавил другой.

Гевин выпрямился и принял самый величественный вид.

— Я герцог Кропторн и знаком с его сиятельством, а теперь приехал с визитом.

Двое переглянулись.

— Его сиятельство не упоминал о вас.

— Я случайно оказался в этих краях и, когда я услышал, что он тут живет, не мог не заехать к нему.

Тот, что со шрамом, бросил на них подозрительный взгляд.

— Следуйте за нами! — прорычал он.

Кира и Гевин подчинились и через несколько минут оказались в доме. Когда они прошли через фойе в гостиную и за ними закрылась дверь, Кира оглядела комнату и вдруг узнала пурпурный бархатный диван из дома, который Венс снимал в Суффолке.

Вокруг было совершенно тихо, и это совсем не соответствовало ее плану. Она собиралась тайно проникнуть в дом или попытаться подкупить слуг, чтобы что-то разведать, но даже представить не могла, что ей придется войти через парадную дверь.

— Зачем мы здесь? — прошептала она.

— Чтобы поговорить с лордом Венсом.

Он что, сошел с ума?

— Как только он увидит меня, то больше не скажет ни слова о своих действиях, каковы бы они ни были.

— Он нас не увидит.

— Тогда зачем мы здесь? — Кира нахмурилась, не зная, что и думать.

Осторожно пробравшись к двери, Гевин чуть приоткрыл ее и выглянул наружу. То, что он увидел, должно быть, удовлетворило его, и он также тихо вернулся к ней.

Когда он оказался рядом, его тепло и мускусный запах наполнили всю ее. По коже побежали мурашки; волоски сзади на шее поднялись дыбом. Взгляд, которым герцог смотрел на Киру, сказал ей, что он все знает. Странно. Он обесчестил ее, и она не должна бы ничего чувствовать к нему, но она чувствовала. Хуже того, она никак не могла это прекратить. От его улыбки у нее останавливалось сердце.

— Обыщите комнату, — прошептал Гевин. — Обыщите хорошенько — каждую книгу, каждый стол, каждый уголок этого отвратительного пурпурного дивана, и сделайте это быстро. У нас есть всего несколько минут.

Кира вдруг поняла, что он собирается сделать, и кивнула. Но что, если их поймают? Она никогда в жизни не делала ничего тайком.

— Что мне искать?

— Все, что вызывает подозрение. И будьте осторожны.

Кира кивнула, и Гевин отпустил ее запястье, а затем направился к двери.

— Куда вы идете?

— Искать его кабинет. Я скоро вернусь.

— Но...

Взмахом руки он заставил ее замолчать и, приоткрыв дверь, выглянул в коридор, а через мгновение исчез, беззвучно закрыв за собой дверь.

Кира стояла неподвижно, растерянно глядя на широкую белую дверь, и ее сердце бешено колотилось. Лорд Вене очень опасен. Что, если Гевина поймают или лорд Вене вдруг войдет в гостиную? Разумеется, она справится с этим; у нее просто нет другого выхода, но, Господи, как же ей страшно!

Сделав глубокий вдох, Кира сначала оглядела комнату, а затем начала искать везде, где только можно. Однако она так и не нашла ничего подозрительного, кроме нескольких

ворсинок и фартинга.

Наконец вернулся Гевин. Он отсутствовал около десяти минут, но Кире они показались часами. Да, он вел себя далеко не лучшим образом, но она никак не хотела бы видеть его убитым.

Не думая о последствиях, Кира рванулась и прижалась к нему, а он, не медля ни секунды, заключил ее в объятия. Кира сама не понимала, почему должна чувствовать единение с мужчиной, который не любит и не уважает ее до такой степени, что даже отвергает брак с ней. Что же ей делать?

— Что-то случилось? — осторожно спросил Гевин.

— Нет. А вы... вы нашли что-нибудь? — Кира чувствовала, как сильно бьется сердце; но было это из-за опасности или из-за его близости, она не хотела гадать.

— Письмо, которое он начал писать вчера и не закончил. Оно адресовано миссис Линд.

— Владелице борделя? — Кира тут же вспомнила, что герцог однажды уже задал этот вопрос.

Гевин пожал плечами.

— И о чем письмо?

— Не здесь. Идемте. — Гевин направился к выходу, и Кира послушно пошла за ним.

У парадной двери их встретил на удивление молодой дворецкий; в его живых зеленых глазах нельзя было прочесть ничего.

— Лорда Венса нет дома, ваша светлость.

— Ничего страшного; не исключено, что я зайду позже. Да, кстати: я остановился в гостинице “Высокое дерево”, и если у его сиятельства будет свободное время, возможно, он сам захочет нанести визит.

Молодой человек вежливо поклонился, продемонстрировав свои густые, коротко стриженные волосы; при этом на его губах не было и намека на улыбку.

— Я передам, ваша светлость.

После этого они покинули усадьбу.

Кира дождалась, пока они добрались до вершины холма, и лишь тогда позволила себе поинтересоваться:

— Почему вы сказали лорду Венсу, где нас искать? Что, если он придет за нами?

Гевин насмешливо посмотрел на нее.

— Готов поспорить, что он сделает именно это, и очень скоро.

Кира нахмурилась.

— Кажется, вы сами ищете опасности...

Прежде чем ответить, Гевин вытащил из кармана письмо, которое нашел в кабинете лорда Венса. Когда он просмотрел написанные там несколько строк, его лицо стало еще мрачнее.

— Что в этом письме? — Кира попыталась из-под руки Гевина самостоятельно прочесть написанное на листке, но она находилась недостаточно близко и не могла ничего разглядеть.

Гевин нахмурился.

— Венс сообщает миссис Линд, что у него есть два товара, а не один, как она просила.

— Товары? Но это может означать все, что угодно.

— Верно, только у меня на этот счет очень плохое предчувствие. Подозреваю, Венс скоро захочет закончить это письмо, возможно, всего через несколько часов. Ожидаю ли я

опасности? О да!

Как и предсказывал Гевин, лорд Венс очень скоро обнаружил, что его письмо исчезло, и тут же начал действовать.

Полдень окрасил небо сияющей лазурью, порывистый ветер превратился в ленивый бриз, а день уступил место прохладной сине-черной ночи, наполненной сияющими звездами, когда Кира удалилась в свою маленькую комнату в гостинице. Светло-желтые стены и деревянный пол в сочетании с танцующим в очаге огнем, пробуждающим вечерние тени, создавали очень уютную атмосферу.

Миновала полночь. Мягкая как пух постель Киры пахла мхом, и в любую другую ночь она бы заснула на ней спокойным сном, но сегодня она никак не могла отвлечься от мысли, что Гевин лежит рядом, всего в нескольких футах, с другой стороны их маленькой общей гостиной, и думает о ней самое ужасное. Его отношение к ней ранило Киру, но она понятия не имела, как изменить его.

Внезапно скрип и звук глухого удара снаружи привлекли ее внимание, и она нахмурилась. Что это могло быть? Ветка дерева? Бездомная кошка?

Но тут в тишине ночи прозвучало приглушенное проклятие, и Кира, подбежав к окну, увидела в лунном свете прислоненную к стене лестницу и чью-то ногу, торчащую из окна Гевина. Ее сердце тревожно забилось.

Через мгновение нога исчезла внутри комнаты, и она определенно не принадлежала Гевину — если только у него вдруг не развилась непреодолимая жажда карабкаться в окна в очень грязных сапогах.

Теперь Кира не сомневалась, что над Гевиним нависла беда, и она должна помочь ему. Заснув, Гевин мог стать легкой добычей для злодея, забравшегося в окно.

У нее засосало под ложечкой, кровь бешеным потоком понеслась по венам. Она оглянулась в поисках оружия. Шалью можно ненадолго ослепить врага, но это вряд ли поможет. Нож, которым она пользовалась за ужином, миссис Керр унесла вместе с подносом.

И тут Кира заметила кочергу, стоящую рядом с камином. Схватив ее, она прокралась в гостиную и прислушалась.

Внезапно в тишине прозвучало проклятие, а затем раздались крики и шум борьбы. Сделав для храбрости глубокий вдох, Кира с замершим от ужаса сердцем бросилась в комнату с кочергой в руке и тут поняла, что у Гевина не один гость, а два. Первый стоял за Гевиним и держал хозяина комнаты сзади за локти, не давая ему пошевелиться; второй направил блестящее лезвие ему в живот.

Это зрелище ужаснуло Киру; теперь она не могла думать ни о чем, кроме спасения Гевина.

— Берегись! — крикнул тот, что держал Гевина.

— Чего? — проворчал человек с ножом.

— Сзади...

Решив не дожидаться, пока бандит повернется, Кира изо всех сил ударила вооруженного головореза по голове, и он со стоном упал на колени. Нож со звоном полетел на пол.

Другой бандит перевел глаза с кочерги в ее руке на нож, поблескивающий в лунном свете, продолжая при этом крепко держать Гевина. Он явно нервничал.

— Опустит кочергу, — потребовал негодяй.

— Нет. — Кира осторожно двинулась к ножу, лежащему на полпути между двух злодеев, и хотя Гевин покачал головой, делая ей молчаливое предупреждение, она проигнорировала его.

Ей оставалось всего несколько дюймов до широкого лезвия, когда державший Гевина бандит отшвырнул его в сторону и бросился на нее.

Кира кинулась на пол, чтобы схватить нож, изо всех сил стараясь при этом удержать в руке кочергу, но вдруг почувствовала чью-то руку на своей лодыжке. Головорез, которого она только что ударила, ожил и схватил ее.

Она взвизгнула, но тут же почувствовала в своей ладони рукоять ножа и крепко сжала ее.

Как будто бы издалека она услышала резкий звук и хриплое проклятие. Поднявшись с пола с клинком в руке, Кира поняла, что это Гевин ударил нападавшего на него бандита и не дал негодю добраться до нее. Она хотела поблагодарить его, но тут же заметила, что другой ее противник медленно поднимается на ноги.

Бандит был невысок, но его пальцы, сжимающие ее лодыжку, доказывали, что он достаточно силен. Отпустив ее ногу, он одним движением вскочил и бросился на нее. Кира повернулась к нему спиной, прижимая нож и кочергу к груди, чтобы держать их как можно дальше от него, но он схватил ее сзади, пытаясь вырвать нож из ее руки.

Кира изо всех сил сжала рукоятку ножа; рука ее дрожала. Она видела, что герцог и его противник все еще продолжают бороться, но не могла понять, кто одерживает верх. Господи, только бы это был Гевин!

— Нож! Отдай мне нож! — Хриплый шепот негодяя обжег ее ужасом. — Если отдашь сама, твоя смерть будет безболезненной.

Смерть? Так эти злодеи пришли, чтобы убить их? Горячая кровь запульсировала во всем теле. Не слишком ли они самонадеянны? Когда она вернулась после фиаско с лордом Венсом, Дариус научил ее кое-каким вещам; так почему бы не использовать их сейчас...

Кира бросила кочергу на пол и наступила на нее, чтобы она не досталась противнику. Холодный металл больно врезался в ее босые ноги, но она только сильнее прижала кочергу к полу и ударила нападавшего локтем в живот.

Лицо негодяя побледнело; он тут же отпустил ее и отступил назад, согнувшись пополам.

— Ах ты, сука!

Кира тоже не испытывала к нему нежных чувств и поэтому, развернувшись, ткнула его пальцем в глаз. Злодей взвыл от боли, и тогда, осмелев, она рискнула приблизиться, чтобы нанести ему удар в самое чувствительное место.

В тот же миг он бросился на нее, вырвал нож и швырнул ее на пол.

— Ах ты, наглая герцогская шлюха! — прорычал он, тяжело дыша. — О нет, я не сразу убью тебя!

Кира отчаянно закричала, но Гевин не мог прийти ей на помощь, так как схватка между ним и его соперником все еще продолжалась; в темноте Кира отличала одного от другого только по тому, что на Гевине были надеты кальсоны.

— Посмотри на меня: сейчас я перережу тебе горло! — завопил ее противник.

Не желая подчиниться негодю, Кира зажмурила глаза, но тут страшный вопль из противоположного угла комнаты привлек внимание головореза к другой паре дерущихся. Заметив, что он отвлекся, Кира резко согнула ногу, и ее колено мощным ударом врезалось в

его пах.

Нападавший испустил долгий, почти беззвучный стон, скатился с нее и рухнул на спину, схватившись за гениталии, и Кира, не теряя времени, попыталась вырвать у него из рук нож. Все же он был гораздо сильнее, и она, не добившись своего, упала на четвереньки и попыталась в темноте найти кочергу. Она нащупала тонкую рукоятку, как раз когда ее противник, шатаясь, поднялся на ноги, и быстро ударила его снова, на этот раз в висок, после чего он со стоном рухнул на пол.

Кира осторожно опустилась на колени рядом с ним, держа наготове кочергу, но, внимательно взглянув в лицо врага, поняла, что он без сознания. Ликование охватило ее. Выхватив нож из его руки, она бросилась к Гевину и его противнику, которые были на полу, перекатываясь, как пара сцепившихся котов.

— Держи! — Она сунула Гевину в руку рукоять ножа, и он, едва взглянув на нее, тут же поднес нож к горлу бандита.

— Кто, черт возьми, послал тебя? Говори, или я тебя убью!

— Куда тебе, хлипкий аристократишка! У вас у всех кишка тонка, — презрительно произнес негодяй.

— О, ты очень ошибаешься. — Голос Гевина был похож на отдаленный гром, и Кира не сомневалась, что он говорит серьезно. — Если бы мне не нужны были кое-какие сведения, тебя бы сейчас уже встречали в аду.

— Да пошел ты!

Гевин сильнее нажал на нож, и из-под его острия появилась капля крови. Глаза бандита расширились, а кожа покрылась потом.

Однако в этот момент сообщник негодяя, поднявшись, бросился на герцога и сбил его с ног. Мерзавец, которого Гевин едва не заколол, тут же метнулся к окну и выскочил наружу. Второй налетчик бросил осторожный взгляд на злое лицо Гевина и быстро последовал его примеру.

Гевин подбежал к окну, но бандиты уже убрали лестницу и исчезли в ночи до того, как он успел погнаться за ними.

— Проклятие! — выругался он, тяжело дыша. — Надеюсь, они не поранили вас?

— Н-нет.

И все же в каком-то смысле Кира была ранена: страх причинял ей почти физическую боль. Что, если Дариус и Джеймс уже стали жертвами этих головорезов? Живы ли они? Страх неизвестности оказался даже еще ужаснее, чем угроза собственной жизни.

— Они... напугали меня, — призналась она.

Не говоря ни слова, Гевин прошел через всю комнату и обнял ее.

— Я знаю, это было ужасно.

Несмотря на прохладную ночь, большое тело Гевина излучало жар, проникающий через ее тонкую ночную рубашку. Она прильнула к нему, и запредельный страх уступил место ощущению безопасности, когда он обнимал ее.

— Вы думаете, это были люди лорда Венса?

— В этом нет никакого сомнения. Уж очень мерзавец, напавший на меня, похож на охранника с рваной губой из Фентлет-Мэнора...

У нее все сжалось внутри от страха.

— Они хотели убить нас. — Ее голос задрожал. Гевин кивнул. Его подбородок погладил ее по щеке, мягкая щетина усов скользнула по коже. Ладонь, которую он положил на ее

спину, казалось, была готова поглотить ее всю. Кира чувствовала себя гораздо лучше рядом с ним, и она прижалась к Гевину еще крепче.

— Знаю. — Он поцеловал ее в висок. — Но к счастью, они не смогли! Как вам удалось справиться со вторым негодяем?

Кира пожала плечами, изо всех сил стараясь выглядеть спокойной. В душе она понимала, как близка была к смерти, и теперь эмоции захлестнули ее так, что у нее почти перехватило дыхание.

— Дариус научил меня некоторым... приемам. — Она неожиданно разрыдалась.

Гевин обнял ее еще крепче.

— Ш-ш... Вы прекрасно поработали, защищая себя. Теперь мы в безопасности.

— Нет, — возразила она. — Мы не в безопасности. Дариус и Джеймс все еще неизвестно где, и кто-то собирается убить нас...

— Мы справимся. Все будет хорошо. — Гевин поцеловал ее в щеку так нежно, что Кира растаяла и прижалась к нему. Он и в самом деле заставил ее поверить, что все кончится хорошо, и она крепче обняла его.

Гевин провел ладонями по ее спине вверх, к шее, лаская и успокаивая.

— Никто не сможет причинить вам зло сегодня ночью.

— Обещаете?

Кира понимала всю абсурдность этого вопроса, но от нежного заверения Гевина ей определенно стало лучше.

— Обещаю.

Она прильнула к нему и замерла, слушая стук двух сердец, от всей души желая поверить ему.

Когда Гевин поднял голову, чтобы еще раз посмотреть на нее, Кира почувствовала, что ее поглощает океан чувств: страх, любовь и еще множество других эмоций, которых она не могла назвать. Но Гевину она могла довериться в любой опасности. Надежда и восторг охватили ее.

Она преодолела последние несколько дюймов между ними и накрыла губами его губы.

Он встретил ее нежным прикосновением, пробудившим все ее чувства, ласковым, долгим соединением их губ. Потом долгую минуту он просто обнимал ее, его большие ладони гладили ее по спине, успокаивая нервное возбуждение.

— Гевин...

Едва она успела прошептать его имя, как он коснулся ее губ поцелуем, который оказался обнадеживающим и страстным одновременно. Она ответила безудержно смело, нуждаясь в его утешении, его прикосновении. В следующее мгновение он поцеловал ее так, что сердце Киры учащенно забило. В конце концов он завладел ею, проникнув между ее губ, и ласкал ее нежными движениями языка, пока она не почувствовала, что тает. В поцелуе медленно разгоралась страсть, как будто он считал ее редкостной милостью, которой можно наслаждаться.

Гевин взял ее лицо в ладони, словно никак не мог насладиться ею. Кира снова прильнула к нему, чувствуя, как от нарастающего в ней сладостного желания страх куда-то уходит. Она скользнула руками с его плеч на спину, ее пальцы запутались в шелковистых темных волосах на его затылке.

Поцелуй продолжался, бесконечный, совершенный, вечное доказательство силы их единения. Они как будто составляли одно целое: он, защищающий и в то же время нежный;

она, отзывчивая и отдающая.

Когда Гевин, лаская, провел пальцами по ее щеке, Кира стала еще податливее в его руках. Ей отчаянно хотелось, чтобы это чувство принадлежности и защищенности продолжалось вечно.

— Не отпускай меня, — прошептала она.

Он замер, глядя ей в глаза. Его испытующий взгляд проник в нее, словно пытаешься что-то прочесть в ее лице. Что бы он ни увидел, это, должно быть, убедило его, и Гевин снова прильнул к ее губам так нежно, что это было похоже на сон. Едва ощутимо касаясь, он ласкал ее от плеч до талии.

Кира, выгибаясь, ответила тихим стоном. Все в его прикосновении казалось ей таким прекрасным, таким правильным, как будто ей предназначено быть с ним всегда.

Она провела руками по его широкой обнаженной спине, наслаждаясь ощущением шелковистой кожи, и в ответ он стал покусывать ее губы, побуждая ее к его прикосновениям.

Горячими пальцами Гевин спустил рубашку с ее плеча, открывая тело ночному воздуху. Он проложил горячую дорожку поцелуев от ее рта вниз, к шее, и ее дыхание стало прерывистым. Она выгнулась ему навстречу, охваченная желанием, и тогда он схватился за пуговицы на вороте ее ночной сорочки, расстегивая их одну за другой.

— Не могу высказать, как сильно я хотел прикоснуться к тебе, — прошептал Гевин. — И как испугался, когда тот бандит напал на тебя. Мое сердце едва не остановилось, когда я понял, как сильно он мог ранить тебя.

Прежде чем Кира могла ответить на его хриплое признание, он поцеловал ее снова. Она чувствовала страсть в его поцелуе — и что-то, чего она не распознала, когда они занимались любовью на полу в библиотеке: сильное желание, идущее из самого сердца.

Кира бросилась в его поцелуй как в омут, их языки переплелись, дыхание слилось в одно.

Вдруг ночная рубашка соскользнула с ее руки, обнажая грудь. Гевин накрыл тугой холм ладонью, лаская его чувственными пальцами. Его прикосновение обжигало. Когда он медленно провел большим пальцем по затвердевшему соску, ощущение тепла пронзило все ее тело, а желание возросло так сильно, что она вскрикнула.

Гевин не нуждался в большем поощрении. Он стянул рубашку так, что она в конце концов упала белым озерцом к ее ногам, а затем подхватил Киру на руки и, подойдя к кровати, положил ее на матрас, а затем опустился рядом, ни на секунду не отводя от нее взгляда. В бледном отблеске луны его глаза светились любовью.

Кира протянула к нему руки, и он упал в них, увлекая ее медленным, бесконечным поцелуем, пока не опустился на нее. Ее ресницы дрогнули, и она ощутила неземное блаженство. Кира знала, куда он стремится, но все же была ошеломлена первым прикосновением его горячих губ к набухшему пику ее груди. Легчайшим касанием языка Гевин обрисовывал его форму, лаская кончик, а потом засосал его в горячую пещеру своего рта.

Он баюкал ее в своих объятиях и никак не хотел отпускать. Это отвечало всем желаниям Киры, особенно когда он ласкал языком нежную кожу между ее грудей, проводил ладонью по изгибу ее бедра, когда его пальцы огибали ее ягодицы, скользили по бедру.

Постепенно она начала ощущать разгорающийся огонь. Бормоча что-то нежное, Гевин обратил свое внимание на другую грудь. Кира трепетала в вихре ощущений и вдруг прижала его голову к себе. Стрелы наслаждения летели от ее сосков к животу и еще ниже. Очень

медленно он исследовал ее тело, поглощал ее, словно пируя в ее нежной капитуляции, как будто неуловимые чувства между ними были слишком драгоценны для него.

Кира гладила твердые пластины мышц на его груди, жесткое пространство живота, стягивая кальсоны вниз, чтобы обнажить узкие бедра, и Гевин, застонав от ее прикосновения, беспокойно задвигался над ней. Она скользнула ладонью вниз по твердому изгибу его ягодиц...

— Милая, — пробормотал он куда-то в ее шею. — Ты заставляешь меня чувствовать...

Ее сердце едва не остановилось от его признания.

— Я и сама чувствую что-то невероятное...

Его вздох прозвучал как вздох облегчения, когда он ласкал ее бедра, разведя их.

Кира с готовностью подчинилась, отчаянно желая снова познать внутри себя твердую силу Гевина. Она хотела быть с ним единым целым, принадлежать ему и знать, что хотя бы в этот момент он принадлежит только ей.

Его тело, горячее и влажное, прижалось к ней от груди до бедер, и тут же одним неторопливым движением Гевин вошел в нее.

Кира чувствовала себя наполненной Гевинем, чувствовала ритм его сердца, ощущала его нежные прикосновения именно там, где она больше всего этого хотела.

Гевин осторожно отстранился, почти выйдя из нее, прежде чем погрузиться в нее снова долгим, неторопливым движением, и Кира изогнулась навстречу ему.

Тогда он, нежно лаская, провел пальцем по чувствительному бугорку между ее бедер, а затем повторял это снова и снова, пока Кира не почувствовала себя пьяной от желания.

Она прильнула к нему; ощущения мерцали внутри ее, сначала едва уловимые, затем нарастающие, вздымающиеся. Ее ноги задрожали, живот напрягся, дыхание стало прерывистым и затрудненным.

При каждом выпаде Гевин повторял ее имя:

— Кира, Кира, Кира...

Чувствуя огонь снаружи и внутри, она с трудом сделала вдох, и тут кульминационное мгновение настигло ее. Кира увидела сверкающие звезды, переливающиеся всеми цветами радуги; наслаждение kloкотало в ее крови безудержными волнами. С каждым приливом наслаждения она сжимала член Гевина внутри себя, обнимая его всем своим телом.

Возвышаясь над ней, он захватил ее губы грабительским поцелуем, а пальцами отчаянно вцепился в ее волосы. Затем, застонав, он напрягся на несколько бесконечных мгновений.

Потом он стал двигаться медленнее и наконец остановился. Его поцелуй снова превратился в нежную ласку, прежде чем Гевин со вздохом поднял голову.

— Кира, — пробормотал он, зарываясь лицом в изгиб ее шеи. — Все было просто... идеально.

Несколько мгновений спустя она услышала его глубокое ровное дыхание. Он задремал — на минуту или на полчаса, Кира не знала, так была погружена в свои мысли.

Их единение казалось таким естественным, таким неотвратимым. Чувствует ли он то же самое или он просто воспользовался ее уязвимостью, не зная переспал с ней для своего удовольствия? И почему она позволила ему заниматься с ней любовью до того, как узнала ответ? Возможно, потому, что слишком боялась его ответа. Теперь из-за робости ей придется добавить еще один страх к списку ожидавших впереди тревог.

После долгого молчания Кира почувствовала, что ей нужно хоть немного подвигаться: у нее затекла нога, а Гевин был слишком тяжел, чтобы вечно лежать на ней. И все же она не

хотела его отпустить.

Когда она пошевелилась под ним, он обхватил ее рукой за талию, и его теплая ладонь согрела Киру. Его темные глаза с тревогой смотрели на нее.

— Я сделал тебе больно? — с тревогой спросил он.

— Нет.

Гевин отпустил ее, и Кира закрыла глаза.

Он ни словом не упомянул ни про любовь, ни про брак, несмотря на их страстную близость, а значит, между ними ничего не изменилось. В конце концов, хотя она чувствовала связь между ними, это еще не означало, что он чувствует то же самое и хочет жениться на ней.

И все же Кира не могла оторвать взгляд от мужественного лица Гевина, пытаясь угадать, что происходит в его сердце; однако суровое выражение его лица не оставляло ей ни малейшей надежды.

Ей нужно было побыть одной, подумать и решить, как возместить ущерб, нанесенный ее будущему после того, как она во второй раз позволила герцогу уложить ее в постель.

— Думаю, мне пора вернуться в мою комнату. — Она попыталась встать с кровати, но рука Гевина снова обвилась вокруг ее тела.

— Прошу тебя, останься.

У нее замерло сердце. Он предлагает ей провести ночь в его комнате, чтобы, обнимая ее, поговорить об их совместном будущем, или просто надеется снова утолить с ней свои сексуальные потребности? Как ей узнать это? Ее острая тоска по нему, по его одобрению была так велика, что Кира боялась, оставшись в его тепле, окончательно лишиться здравого смысла и отдать ему все, что он захочет.

— Я не уверена, что это разумно, — наконец произнесла она.

— А вдруг бандиты вернуться? Я не вынесу, если с тобой что-то случится.

Кира разволновалась. Гевин прав. Люди лорда Венса наверняка придут в большом количестве и с еще большей решимостью убить их, если... если действительно вернуться. А если она останется и снова уступит ему, то откажется от последних остатков своей гордости. Так что же ей делать? Кира никак не могла решить, броситься ли снова в его объятия или бежать прочь из гостиницы.

— Я должна идти. — Она прикрыла простыней обнаженную грудь. — Мне нужно побыть одной.

— А если я пообещаю держаться на дальнем краю кровати? — В его голосе прозвучала умоляющая нотка, которая удивила ее.

Даже если он останется на дальнем краю кровати, это не изменит ее желания подумать в покое, подальше от возбуждения, которое он неизбежно вызывал у нее.

— Я иду в мою комнату, — сказала Кира и покачала головой. — Если только вы не хотите что-то обсудить.

— Нет. — С тяжелым вздохом Гевин отпустил ее.

Борясь с волной уныния, Кира стала искать ночную рубашку и быстро поняла, что рубашка лежит на полу в другом конце комнаты, до которого ей не добраться — ведь тогда он увидит ее обнаженной.

— Я... мне нужна моя рубашка, — сказала она, не смея посмотреть в его сторону. — Полагаю, она довольно близко от вас.

— О, конечно!

Гевин скатился с постели и, без особой скромности медленно пройдя по комнате, начал искать рубашку. Луна не слишком хорошо освещала комнату, но Кира прекрасно видела его мускулистый зад и длинные стройные ноги.

Когда хотел, он был чудесным любовником и очень чувственным мужчиной. Кира была уверена, что он будет прекрасным мужем, но, увы, не для нее. Наконец, Гевин нашел ее рубашку и молча протянул ей. Пронзительным взглядом он наблюдал, как она, одевшись, прошла по залитой лунным светом комнате.

— Останься, пожалуйста...

Его просьба была такой соблазнительной... Но рассудок все же победил. Кира покачала головой и протянула руку к двери.

— Если вам больше нечего сказать, то у меня нет причин задерживаться здесь.

Гевин вздохнул, сдаваясь.

— Если вы услышите или увидите что-то подозрительное, сразу зовите меня, и я приду.

Кира, кивнув, постаралась сдержать слова, рвавшиеся с ее языка, — ведь все они были о любви, которой он не чувствовал к ней.

Утром, войдя в гостиную, Кира увидела там Гевина, полностью одетого и скучающего в ожидании ее прихода. Когда она вошла, он поднял голову, и его темные глаза не мигая посмотрели на нее. Только тут Кира осознала: все, что она помнит, — это то наслаждение, которое он давал ей, умоляя остаться. Ее щеки порозовели, сердце учащенно забилося. Что он скажет ей теперь?

— Надеюсь, вы хорошо спали?

Гевин пожал плечами:

— Неплохо. А вы?

— Нет.

Он нахмурился.

— Те бандиты прошлой ночью, они ведь не ранили вас?

— Нет. — Она сглотнула.

Он смотрел на нее так, как будто хотел сказать что-то еще, но режущая слух тишина словно навсегда замерла в воздухе.

— Сахар? Молоко?

Гевин покачал головой, и она подала ему чашку.

После пары глотков Гевин, поставив чашку, взял ее руку и принялся водить большим пальцем по ее ладони. Его бархатные темные глаза не отрываясь с теплом и тревогой смотрели на нее.

— Кира, думаю, нам нужно поговорить.

Ее сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Неужели прошлой ночью она неверно поняла его? Собирался ли он действительно сделать предложение? Кира задержала дыхание, надеясь...

— Есть что-то, что я очень хочу сказать...

Настойчивый стук в дверь прервал его.

— Проклятие! — Гевин встал. Разочарованная, Кира наблюдала за тем, как герцог, взяв у камина кочергу, осторожно подошел к двери, готовый при необходимости пустить свое оружие в ход. Однако, к их общему удивлению, на пороге появился Дариус, и выглядел он более чем раздраженным.

Не в силах поверить своим глазам, Кира вскочила с дивана.

— Дариус!

Однако брат проигнорировал ее и продолжал смотреть на Гевина ледяным взглядом.

— Какого дьявола вы делаете здесь с моей сестрой?

Гевин ничего не ответил, и Дариус обернулся к Кире:

— Поскольку он не женился на тебе с тех пор, как я уехал, я должен напомнить его светлости о необходимости пристойного поведения.

Кира не мигая смотрела на брата, не в силах вымолвить ни слова. Она не могла солгать ему.

Опустив кочергу на пол, Гевин смерил Дариуса пристальным взглядом.

— Если вы спрашиваете, зачем я привез вашу сестру в Корнуолл, мой ответ таков — я ее не привозил, она приехала сама. Я последовал за ней, чтобы...

— Чтобы поселиться с ней в одной комнате?

— У нас всего лишь общая гостиная... — Надеюсь переменить тему, Кира бросилась обнимать брата. — Слава Создателю, ты в безопасности! Лорд Венс не убил тебя.

— Я не позволил ему подойти слишком близко. — Дариус, хмурясь, высвободился из ее объятий. — Как вы нашли меня?

На этот раз Гевин взял инициативу в свои руки.

— Несколько недель назад мой кузен покинул Лондон и отправился искать вас. Вы видели его?

Затаив дыхание, Кира посмотрела на брата.

— Он... со мной, и я скоро привезу его к вам.

— Надеюсь, с ним все в порядке?

— Разумеется, только он... связан.

Уловив главное, Кира улыбнулась. Джеймс тоже в безопасности. Какое облегчение!

— Как ты нашел нас здесь?

— Я следил за лордом Венсом и завязал знакомства в его доме. Рано утром мой источник сообщил, что вчера к нему с визитом приезжали герцог Кропторн и красавица, на вид иностранка. Я понял, что это вы и никто другой.

— Мы выяснили, что лорд Вене имеет дело с чем-то краденым, — пояснил Гевин. — Ваш источник сообщил вам, что это такое?

Лицо Дариуса стало серьезным.

— Да, и это очень, очень мерзко. — Он повернулся к Кире, в его лице смешались страх и гнев. — Этот негодяй поставляет в лондонские бордели девственниц.

Слова брата словно обожгли Киру.

— Он... он просил меня бежать с ним, чтобы потом...

— Продать тебя? Боюсь, ты угадала.

— О черт! — Гевин с напряжением посмотрел на нее, и Кира угадала в его взгляде ужас и заботу о ней. И еще она заметила, как его руки сжались в кулаки. Может быть, он действительно небезразличен к ней, хотя бы чуть-чуть?

— Я вчера перехватил письмо, которое Венс писал миссис Линд, — Кира слова Гевина. — Из письма следует, что Вене уже выбрал две новые жертвы.

Дариус кивнул:

— Я даже знаю, о ком идет речь. Думаю, Венс планирует совершить все сегодня; вот почему ваш визит к нему оказался таким несвоевременным. Вам следует держаться от него подальше, иначе у него снова возникнут подозрения.

— Об этом я не знал. Простите, если мое вмешательство оказалось несвоевременным. — Слова прозвучали едва слышно; сразу было видно, что Гевин не часто извинялся.

Дариус с недовольным видом проговорил:

— Рядом с Венсом всегда есть один-два головореза, так что мне понадобится ваша помощь, чтобы поймать его.

— Я готов. — Гевин поднялся. — Этого негодяя давно пора остановить; он уже и так причинил слишком много зла невинным.

— Несомненно. — Дариус взглянул на Киру, и его голос понизился до шепота: — Но если я узнаю, что ты притронулся к моей сестре, тебе придется очень сильно пожалеть об этом.

Забрав вещи из гостиницы, Кира и Гевин поехали вслед за Дариусом по цветущим полям. Их общий разговор касался только ночного нападения людей Венса и плана, который, по-видимому, уже вечером собирался осуществить этот негодяй, но ни слова не было сказано о том, что не случилось — или случилось — между Гевином и Кирой до приезда Дариуса.

Через час они подъехали к заброшенной хижине недалеко от Фентлет-Мэнора, в которой Дариус жил после того, как уехал из “Высокого дерева”. Здесь они увидели Джеймса, растрепанного и небритого, неуклюже сидящего в ветхом кресле. Одна его рука была привязана к подлокотнику. Оказывается, упомянув о том, что Джеймс связан, Дариус отнюдь не шутил.

— Что, ради всего святого, это все значит? — взревел Гевин.

Кира подбежала к Джеймсу, чтобы развязать его, но Дариус остановил ее, схватив за запястье.

— Мистер Хауленд страдает от ложного представления, будто, если мы объясним лорду Венсу порочность его действий, он прекратит свою торговлю.

— И он прекратит! — настаивал Джеймс. — Люди хотят поступать правильно, когда им объясняют их ошибки.

— Боюсь, это безумие, — не сдержавшись, произнесла Кира, и Джеймс бросил на нее полный боли взгляд.

Гевин зло посмотрел на Дариуса.

— Разве нельзя было убедить Джеймса как-то иначе, не привязывая его к креслу?

— Слежка за Венсом заняла почти все мое время. Мне пришлось выбрать — либо убеждать вашего кузена, либо остановить негодяя. Без сомнения, мой выбор правилен, хотя и не слишком гуманен.

— Пусть даже и так, но это варварство! — Гевин указал на путы Джеймса. — Отпустите его.

— Отпустить? А кто будет наблюдать за ним, пока мы с вами будем ловить Венса? Вы думаете, что если ваш кузен действительно захочет проповедовать слово Божье об отречении от греха лорду Венсу, Кира одна сможет остановить его?

Гевин зло выругался и, подойдя к Джеймсу, принялся распутывать веревки на его запястьях. Когда священник встал на ноги, растирая затекшие руки, он раздраженно посмотрел на Дариуса:

— Вы не джентльмен, хотя прежде я вас считал таковым.

Оскорбление Джеймса ничуть не тронуло Дариуса.

— Боюсь, ваше непонимание ситуации слишком опасно.

Внезапно Гевин почувствовал странную радость от их перепалки. Если Дариус не одобряет Джеймса как будущего мужа Киры, возможно, заявленная свадьба вообще не состоится. Тетя Кэролайн будет счастлива, скандал предотвращен, а Кира и Джеймс спасены от самой большой ошибки в их жизни.

Разумеется, Гевин не хотел, чтобы Кира провела всю жизнь старой девой, зависящей от благожелательности своего брата, он желал ей счастья. Но Джеймс все равно не сможет сделать ее счастливой. Порвать с ней и в то же время предотвратить ее несчастливый союз с

Джеймсом — вот правильное решение, учитывающее все имеющиеся в наличии обстоятельства...

На этом месте Дариус прервал его размышления:

— Идемте со мной: нам нужно составить план на сегодняшний вечер.

Но Гевин медлил.

— Вы что, собираетесь оставить моего кузена и вашу сестру наедине, без сопровождения?

Он знал, что это нелепо. Если и был кто-то, кто не прикоснулся бы неприличным образом к Кире до свадьбы, то это Джеймс. И все же мысль оставить ее одну с женихом... Конечно, его реакция смешна, и Гевин знал это, но он уже привык считать Киру своей и никак не мог это прекратить.

Дариус, прищурившись, посмотрел на герцога.

— Вопрос решен — они остаются. — Он быстро вышел из лачуги, и Гевин неохотно последовал за ним.

На улице ярко светило весеннее солнце, так что Гевину пришло в голову, что даже этот день слишком прекрасен для такого опасного предприятия...

И тут Дариус резко повернулся к нему.

— Как вы могли? — Молодой человек тяжело дышал от возбуждения, его кулаки сжались. — Как вы могли соблазнить невесту своего кузена? Как вы могли ради собственного удовольствия использовать невинную девушку, которая и так уже стала жертвой злобных сплетен?

Но Гевин вовсе не собирался бесчестить Киру и не хотел причинять ей боль ни сейчас и никогда. Тем не менее он не мог озвучить эти свои чувства, понимая, что все сказанное им вряд ли вызовет у его собеседника хоть крупицу доверия. К несчастью, все было слишком просто. Он только хотел обнять ее и потом уже не мог остановиться. Любое прикосновение к ней было возбуждающим — и даже больше; в этот момент что-то пронзало его насквозь и лишало разума, требуя обладать ею при каждой возможности. Проклятое “что-то” легко побеждало весь его здравый смысл — и сопротивляться этому он был не в силах.

— Проклятый ловелас! — прорычал Дариус сквозь стиснутые зубы. — Когда лорд Венс будет публично обличен, а моя сестра оправдана, я приду за вами, и тогда берегитесь!

Гнев на смуглом лице Дариуса подтвердил Гевину, что молодой человек не шутит. Чтобы уменьшить возникшее напряжение, он примирительно произнес:

— Я восхищаюсь вашей сестрой...

Лицо Дариуса напряглось.

— Но не настолько, чтобы жениться на ней.

— Этого я просто не могу сделать.

— Чепуха! — Дариус наклонился к Гевину, сжимая кулаки. — Вы можете, но не хотите жениться на ней.

Как Дариус мог понять, какой скандал омрачил прошлое его семьи? А чувство долга по отношению к тете Кэролайн и ответственность, налагаемую его титулом, положением в обществе? Любой, принадлежащий к сословию пэров, ни на миг не усомнится, что герцогиня-полуперсиянка в лучшем случае вызовет удивление, а в худшем он будет выглядеть самым безответственным из дураков.

И как может Дариус понять его внутреннюю борьбу с самим собой и доставшейся по наследству испорченной кровью, потворствование которой может привести его к гибели?

Наконец, Дариус отстранился и разжал кулаки.

— Я хочу, чтобы вы поклялись: как только мы покинем Корнуолл, вы не станете препятствовать вашему кузену в женитьбе на моей сестре.

Дариус просил о невозможном.

— Они сделают друг друга несчастными. Кире нужен...

— Не смейте говорить о том, что нужно моей сестре. В настоящий момент ей нужен муже хорошей репутацией, и ничего больше. Или вы хотите и это отобрать у нее?

Гевин опустил глаза.

— Она не подходит в жены священнику.

— Я это знаю и без вас, но вы сами вынудили меня принять окончательное решение. Если Кира забеременеет — что тогда скажет ваша напыщенная светлость?

Действительно, что? Гевин одернул сюртук и поправил галстук. Боже, как бы ему хотелось увидеть ребенка, созданного им и Кирой... но это разрушило бы ее жизнь.

— Я не из тех, кто может бросить на произвол судьбы своего ребенка или его мать, но не делайте и ее, и Джеймса несчастными на всю оставшуюся жизнь.

Несколько мгновений мужчины в молчании смотрели друг на друга, и наконец, Гевин вздохнул:

— Хотя бы сегодня вечером давайте сконцентрируемся на лорде Венсе. Мы не можем позволить себе отложить это дело. Я так же сильно, как вы, хочу увидеть его наказанным за его преступления.

Некоторое время Дариус медлил, зло глядя на герцога, но затем все же неохотно кивнул:

— Хорошо, сначала мы поймаем его. Но не воображайте, что наш разговор закончен.

Ночь пришла в волне тумана и низких облаков. Безлунное небо словно нависало над землей, темное таинственное. Дариус и Гевин скакали к Фентлет-Мэнору, почти не разговаривая по дороге.

— Согласно моему источнику в доме Венса, его светлость ухаживает за одной местной девушкой, дочерью отставного полковника, — буркнул Дариус. — Их побег запланирован на сегодняшнюю ночь. Другая девушка — фермера, жаждущая увидеть Лондон, прелестное создание с огромными голубыми глазами и копной буйных рыжих кудрей. Очевидно, Венс пообещал ей проводить ее до Лондона, когда в следующий раз поедет туда, и, по его словам, это произойдет сегодня.

Судя по всему, Дариус хорошо потрудился, чтобы разведать планы виконта.

— Куда мы направляемся сейчас?

— В усадьбе Венса есть заброшенная церковь. Негодяй сказал обеим девушкам, что будет ждать их там, чтобы не рисковать и не приводить их в дом, где слишком много слуг могут стать свидетелями побега.

Гевин кивнул, сочтя сведения Дариуса вполне достаточными.

В полумиле от заброшенной церкви они спешили и привязали лошадей к дереву, а потом пошли в темноте по едва заметной тропинке, и каждый шаг по душистой весенней траве приближал их к цели.

Наконец они подошли к развалинам. Направившись к почерневшему остову сгоревшей часовни, Дариус вытащил пистолет, и Гевин тоже достал свой.

Впереди они заметили пару часовых в темной одежде и, чтобы не быть обнаруженными, укрылись за большим кустом, а затем стали изучать охранников.

На первом охраннике была рваная шляпа, затенявшая лицо, однако во втором Гевин сразу узнал бандита с причудливым шрамом на губе.

Когда охранники прошли мимо, видимо, намереваясь обойти здание вокруг, Гевин взглянул на Дариуса, и тот кивнул. Едва караульные исчезли из виду, они вскочили на ноги.

— Я пойду вперед, разделаюсь с охранником и проберусь внутрь, — прошептал Дариус. — А вы займитесь вторым охранником. Когда я дам сигнал, мы захлопнем ловушку. Я хочу взять негодяя живым, — Дариус крепче сжал в руке оружие, — и пусть он вытерпит не меньшее унижение, чем то, которое перенесла моя сестра.

Гевин не мог не согласиться с желанием брата Киры и кивнул, после чего Дариус, крадучись, удалился.

Напряжение словно сгущалось в воздухе, пока Гевин осторожно шел вдоль обгоревшей стены; ладони, сжимавшие оружие, стали влажными, сердце учащенно билось. Удастся ли им поймать проклятого негодяя, который пытался продать Киру в бордель? Гевин надеялся на это, но Вене уже не раз доказал, что увертлив, как змея.

Хотя Гевин не мог жениться на Кире, он отчаянно желал положить конец этому кошмару. Возможно, публичное разоблачение махинаций Венса поможет восстановить ее репутацию.

Проскользнув за спину головореза в рваной шляпе, Гевин поднял четырехствольный револьвер и быстрым движением обрушил тяжелое оружие на его голову. Здоровяк рухнул на землю как подкошенный.

И сразу вдруг воздух прорезал отчаянный крик. Дариус? Напряжение в животе Гевина превратилось в боль, он обернулся. Последовал еще один крик, на этот раз более высокий. Теперь и Гевин понял, что кричала женщина.

Сердце Гевина забилося со скоростью вырвавшейся на свободу птицы. Он быстро вошел в заброшенное строение через осыпающуюся арку, бывшую когда-то задней дверью церкви, и скрылся в тени полуобрушенной стены. Каменные столбики стояли рядами там, где когда-то находились деревянные скамьи; осколки цветного стекла лежали на полу в дальнем углу здания, отражая слабый лунный свет, пробивающийся сквозь изменчивые облака.

Прячась за каменными основаниями скамей, Гевин на четвереньках пробирался от ряда к ряду. Скрытый в тени, он подползал все ближе, пока не смог разглядеть босые ноги девушек, свисавшие над плитами, на которых они лежали.

Лорд Венс, поставив лампу между двумя извивающимися фигурами, лежащими около алтаря, рассматривал одну из девушек недовольным взглядом, и Гевин приподнялся, чтобы определить, в каком состоянии пленницы. Он был потрясен, увидев их обеих совершенно обнаженными, прикованными цепями за руки и за ноги к большой каменной плите.

Проклятие, что же за животное этот лорд Венс? И тут он вспомнил слова Киры: “Он узнал о моем родимом пятне только потому, что, после того как пообещал жениться на мне и отвезти в Гретну, привез меня в Лондон, привязал к кровати и раздел донага”.

Лорд Венс бесстрастно осмотрел грудь рыжеволосой девушки.

— Стыдись, Шарлотта. Твои платья заставили меня поверить, что у тебя гораздо более пышный бюст. Ты что, специально набивала их чем-то?

По приглушенному крику Шарлотты Гевин понял, что Венс предварительно заткнул ей рот.

— Ладно, это не так уж важно. Некоторым мужчинам нравятся женщины с маленькой грудью, — пробормотал негодяй. — Хотя почему мужчинам нравятся большие груди — это

выше моего понимания, ведь они больше похожи на гигантское коровье вымя. — Он поморщился, потом опустил руку между ног девушки.

Шарлотта попыталась отстраниться, ее тело выгнулось, сопротивляясь, но лорд Венс железной рукой заставил ее опуститься, надавив на бедра.

Тени не позволяли Гевину увидеть все, но он знал, что собирается сделать Венс, и от одной мысли об этом его затошнило. Он вспомнил Киру. Неужели она тоже прошла через это и Венс прикасался к ней вот так? Она наверняка была в ужасе от унижения, которое он заставил ее вытерпеть.

Гевин был в такой ярости, что у него потемнело в глазах. Потерев их рукой, он посмотрел в дальний конец алтаря, но никого там не увидел. Проклятие, где же Дариус?

Венс наконец с улыбкой убрал руки от рыжеволосой и потрепал ее по щеке.

— Ты была хорошей девочкой, Шарлотта. Твоя девственность очень приятна.

Напряженно извивающееся тело Шарлотты сказала Гевину, что девушка в такой ярости, что если бы не кандалы, она бы убила своего мучителя.

Тем временем Вене с мерзкой усмешкой обратился к другой девушке:

— Беатрис, ты сохранила невинность или ты была плохой девочкой?

Девушка замотала головой, пытаясь что-то прокричать сквозь кляп. Она так же была готова сражаться, если бы только ей удалось освободиться от цепей.

Гевин поморщился, глядя, как рука Венса исчезает между бедер Беатрис. Хотя девушка извивалась и брыкалась, злодей без труда закончил свою проверку.

Пора остановить это, подумал Гевин и оглянулся. Куда, черт возьми, подевался Дариус?

— Великолепно, — промурлыкал Венс. — Как приятно, что обе вы целы. — Он бесстрастно провел рукой по груди Беатрис. — Ты, моя красавица, будешь особенно популярна у джентльменов, потому что у тебя такая грудь, от которой у большинства мужчин текут слюнки. — Он с довольным видом ухмыльнулся. — А я определенно скоро сделаюсь богачом.

Обе девушки снова яростно задергались, но Вене не обращал на них никакого внимания.

— Конечно, я не стану таким богатым, каким был бы, закончись история с мисс Мельбурн благополучно. — Он недовольно надул губы. — Но вы вдвоем хоть отчасти окупите ее. К тому же она еще не совсем потеряна для меня...

Этот извращенный негодяй все еще имеет виды на Киру? Ну нет! Венс никогда больше не прикоснется к ней.

Взревев, Гевин вскочил и бросился к алтарю с пистолетом в руке, в то время как Венс, быстро обернувшись на звук, проворно вытащил нож из ножен, прикрепленных к бедру, и, когда Гевин приблизился, сделал внезапный выпад. Гевин поднял пистолет, отчаянно желая выстрелить, но тут же вспомнил, что Дариус хотел взять Венса живым и заставить негодяя пройти через все унижения, которые пришлось испытать Кире.

Он сделал шаг назад и посмотрел на виконта со всей ненавистью, на которую только был способен.

— Ах, ваша светлость! Как странно видеть вас здесь... — Вене выглядел напряженным и готовым к прыжку.

— Вы должны немедленно отпустить их. — Гевин кивнул на девушек.

— Я так не думаю.

Виконт говорил так небрежно, будто разговор шел о погоде, и это заставило Гевина стиснуть зубы.

— Это молодые девушки, а вы безжалостно хотите уничтожить их жизни...

— Это ничего не значащие девки, которых никто не будет искать.

Гевина охватило отвращение.

— А как же их семьи? Как вы можете использовать их невинность, чтобы набивать свой кошелек? Это омерзительно и...

— О, какая мелодрама! — Вене округлил глаза. — Вы всегда так гордились своим честным поведением, Святой Кропторн, но я готов держать пари, что даже у вас есть парочка тщательно, скрываемых тайн.

О да. У него была Кира, невеста его кузена — женщина, с которой он уже дважды спал и боялся, что и в следующий раз не сможет устоять, если она даст ему хоть малейшее поощрение. Эта женщина проникла в его кровь, из-за нее он не мог отделаться от грешных мыслей...

“Кровь Даггетов всегда проявится”, — любил говаривать его отец, но Гевин отказывался верить в это — до тех пор, пока его желание к Кире не доказало, что влияние крови не только существует, но от него практически невозможно избавиться.

— Что бы я ни сделал, это не связано с незаконной торговлей или с жестоким использованием чьей-либо невинности, — буркнул Гевин.

Виконт отбросил с лица прядь светлых волос — его, кажется, даже забавляло появление Гевина.

— Ну надо же! Да вы, похоже, все знаете обо мне. В последние несколько дней я чувствовал, будто кто-то наблюдает за мной, но так и не понял, в чем дело. Полагаю, это были вы?

— Нет, это был я.

Гевин и Венс повернулись к дальней части алтаря, где перед пустой аркой окна стоял Дариус с пистолетом в руке; по его губе текла кровь.

Венс недовольно поморщился:

— Простите, не имею чести знать.

— Дариус Мельбурн, брат Киры и человек, который надеется увидеть тебя повешенным и униженным, тварь!

— Ба, как мы амбициозны! Боюсь, мне придется отклонить ваше любезное приглашение. Барнз! Рафферти!

— Если ты ищешь тех двух ублюдков, что стояли на страже, — сказал Дариус, вытирая кровь из угла рта, — то мы уже разобрались с ними. Теперь здесь только ты и два человека, которые хотят заставить тебя заплатить за то, что ты сделал.

На этот раз лорд Венс явно забеспокоился и стал нервно переводить глаза с Дариуса, стоящего справа от него, на Гевина, стоящего слева, и обратно.

— Ну вот ты и в ловушке. — Гевин мрачно улыбнулся, но прежде чем он успел моргнуть, Венс бросился на него, угрожающе занеся нож. Защищаясь, Гевин вскинул пистолет и, отпрыгнув назад, поспешно прицелился, однако клинок виконта успел оставить глубокий разрез на его запястье. Кровь теплым ручейком потекла по коже, падающие капли быстро сделали пол алым.

Он выругался и прижал руку к телу.

— В сторону, Кропторн, ты мешаешь мне пристрелить ублюдка! — раздраженно крикнул Дариус.

Венс снова взмахнул ножом, и Гевин отпрянул, уклоняясь от страшного удара, но

виконту все же удалось сделать еще один порез на его бедре, и он, шатаясь, отступил. Тем не менее, когда Вене попытался пробежать мимо него, Гевин здоровой рукой схватил негодяя за сюртук и резко дернул.

Виконт тут же обернулся и, подняв нож над грудью Гевина, нанес удар, но Гевин в последнюю секунду уклонился от ножа и, оттолкнув злодея, выстрелил.

Тут же он услышал эхо еще одного выстрела и ощутил резкий запах пороха.

Венс взвыл от боли и отступил, шатаясь, прижимая руки к животу. В то же мгновение красная кровь побежала во все стороны, тонкими ручейками заливая его белую крахмальную рубашку: судя по всему, второй выстрел ранил негодяя в плечо.

Очевидно, они с Дариусом целились одинаково, только один из них оказался точнее, но сейчас Гевина не заботило, кто именно попал, — него было важно лишь то, что Венсу уже не уйти.

Виконт поднял глаза на Дариуса, потом перевел их на Гевина; в его голубых глазах затаились ярость и боль.

— Проклятые ублюдки!

— Вовсе нет. — Дариус не спеша подошел к виконту. — Эта честь принадлежит тебе. Я чертовски хотел увидеть, как ты будешь страдать перед смертью...

— Глупые дикари! — не унимался Венс. — Это всего лишь женщины, и вы не имели права калечить меня из-за них.

— А ты всего лишь преступник, — спокойно возразил Гевин.

Не выдержав, Дариус схватил виконта за лацканы сюртука.

— Почему ты охотился за моей сестрой?

— Пошел к черту, — процедил тот, морщась от боли.

— Почему? — настаивал Дариус.

— Потому что она красива, чувственна, умна и необычна. Многие заплатили бы целое состояние, чтобы обладать ею, — все так же спокойно произнес Гевин.

Дариус зло посмотрел на него и снова повернулся к Венсу.

— За то, что ты оклеветал ее перед светом, тебе придется гореть в аду!

Вене вдруг побелел и оторвал руки от живота. Посмотрев на них и увидев, что они залиты кровью, он издал какой-то булькающий звук; затем его глаза расширились, и он замертво рухнул на землю. Дариус отвернулся от него и сглотнул.

— Кира не заслужила того ада, через который этот мерзавец заставил ее пройти.

— Нет, не заслужила, — эхом отозвался Гевин. Крики в дальней стороне алтаря заставили мужчин обернуться, и тут же оба ринулись туда, где были прикованы пленницы лорда Венса. Через несколько секунд они нашли ключи и освободили девушек, а затем Дариус снял свой длинный сюртук и набросил его на плечи Шарлотты. Гевин сделал то же самое для Беатрис, и та, всхлипывая, бросилась ему на грудь.

Гевин возблагодарил Бога за то, что они с Дариусом успели вовремя. Теперь он своими глазами увидел, что довелось пережить Кире, и мысль о том, что он навсегда потерял ее, наполнила его душу безграничной мучительной пустотой.

Глава 16

На следующий день Дариус отправился к местному констеблю, чтобы рассказать о смерти лорда Венса и спасении девушек, а Кира в сопровождении Джеймса и Гевина уехала в Лондон.

Кира могла поклясться, что перестук крупных капель дождя по крыше на протяжении многих миль был единственным звуком в мрачном пространстве кареты, поскольку Гевин, которому наложили пару швов на запястье и пять на бедро, проспал почти весь день, а Джеймс был странно молчалив.

Она все еще не имела представления, что Гевин собирался сказать ей перед тем, как Дариус появился в гостинице “Высокое дерево”, и ей ужасно хотелось знать ответ. Хотя это было глупо, но Кира все еще надеялась, что он сделает предложение.

Возможно, она хочет луну с неба, но поведение герцога после того, как они в последний раз занимались любовью, было совсем не таким, как раньше. Даже сейчас ее ладонь ощущала покалывание там, где он гладил ее большим пальцем. И разве не Гевин, рискуя жизнью, выследил и убил Венса? Какой мужчина сделал бы столько, чтобы восстановить ее репутацию, если бы не любил ее?

Кира вздохнула. Что она увидела в лорде Венсе? Титул? Или дело было в том, что она никогда в своей жизни не встречала таких коварных людей и поверила его лести и ложному очарованию?

Убегая с лордом Венсом, она считала, что будет меньшей обузой для брата, а в итоге Дариусу пришлось бросить свои занятия, чтобы мстить за нее. Он был лучшим братом на всем белом свете, и Кира вдруг подумала, что и в дальнейшем вряд ли сможет обойтись без него.

А еще она подумала, что ей все еще непонятно, как поступить теперь со своей жизнью.

Кира искоса посмотрела на Джеймса. Его светлые волосы вспыхивали, когда случайный луч солнца пробивался сквозь густые облака, а руки покоились на Библии, лежавшей у него на коленях.

Рядом с ним спал Гевин, его большое тело неуклюже опустилось на боковую стенку кареты. Покой немного смягчил жесткую угловатость его лица. Он потерял довольно много крови, и Кира была очень обеспокоена его раной.

И все же она продолжала верить, что он вступил в схватку с Венсом, чтобы расчистить дорогу к их будущему. Железная дорога могла быть пущена уже сегодня, и он, возможно, пропустил празднование, чтобы помочь ей и защитить ее. Кира не могла придумать другой причины для такого риска, кроме любви. Если бы только она могла узнать наверняка! Возможно, Гевин откладывал разговор с ней из уважения к кузену, не желая предъявлять на нее никаких прав, пока не убедится, что Джеймс не будет страдать?

К тому времени, когда они добрались до Лондона, Кира уже точно знала, что должна делать со своим будущим, и первым пунктом в ее плане был разговор с Джеймсом.

— Мистер Хауленд, — обратилась она к жениху серым от облаков утром в саду на следующее утро после их приезда в Лондон.

Ветерок играл его светлыми волосами, когда он поднял голову от цветов, которые срезал. Кира боялась, что они предназначались для нее, и остановилась, не решаясь продолжать. Романтические жесты с его стороны только придадут неловкость в

сложившейся ситуации.

Джеймс улыбнулся:

— Как приятно видеть вас. Надеюсь, вы хорошо выспались?

— Боюсь, что нет.

Он внимательно посмотрел ей в лицо.

— Вы должны оставить прошлое позади. Лорд Венс мертв, а всего несколько часов назад Гевин сообщил, что девять девушек из борделя миссис Линд спасены и скоро все они вернутся к своим семьям.

Кира всем сердцем сочувствовала каждой из этих бедняжек. Она и представить не могла тот ад, через который им пришлось пройти.

— Я рада, что девушки теперь свободны. Будем молиться, чтобы все они когда-нибудь нашли свое счастье. Я также надеюсь, что миссис Линд, в конце концов, окажется в тюрьме.

— Почти наверняка так и будет.

— Это очень хорошие новости.

Джеймс кивнул.

— Не пройтись ли нам?

Кира улыбнулась и положила руку в перчатке на его локоть.

— Могу я поговорить с вами о... нас?

Джеймс взглянул на нее с явным смущением, но тут же его лицо прояснилось.

— Наверное, вы хотите обсудить нашу свадьбу? Вполне естественно, что вы хотите устроить свое будущее.

Кира сглотнула. Он был таким милым, неиспорченным, и она перед ним в огромном долгу. Но ради него — и своего собственного счастья — она должна сделать это.

— Я действительно хочу устроить мое будущее. — Она отпустила его руку. — И поэтому должна отклонить ваше предложение жениться на мне.

Джеймс нахмурился; цветы выскользнули из его пальцев.

— П-почему?

— Потому что мы не любим друг друга.

— Любовь необязательна для брака. — В его лице промелькнуло смущение. — В нем требуется только уважение и преданность друг другу и Богу.

— Верно. Брак требует всего, что вы назвали, — согласилась Кира. — Но чтобы я была счастлива, к этому еще надо прибавить любовь. Когда-нибудь вы почувствуете то же самое к другой, а если женитесь на мне из чувства долга или из жалости, то не будете свободны и не сможете следовать велению своего сердца. Я не желаю стоять у вас на пути, когда вы встретите кого-то, кто завоюет вашу любовь.

— Но я испытываю к вам очень нежные чувства, — растерянно возразил Джеймс.

Кира улыбнулась:

— Так же, как и я к вам. Но это не может заменить любовь.

Джеймс вздохнул и посмотрел себе под ноги.

— Вы любите другого?

Кира хотела избежать правды, но этот человек был слишком добр, чтобы лгать ему.

— Да.

Джеймс кивнул, затем отвернулся и стал медленно поднимать цветы, явно стараясь растянуть время.

— Вы выйдете за него? — наконец, спросил он.

— Надеюсь, что да.

— И вы уверены, что хотите этого? А как же ваша репутация?

— Теперь, когда лорд Венс разоблачен, свет, возможно, будет видеть во мне скорее жертву, чем соблазнительницу.

— О, это вполне справедливо. — Джеймс тяжело вздохнул.

Кира улыбнулась; искренняя нежность к теперь уже бывшему жениху переполняла ее душу. Она надеялась вскоре назвать его кузеном, но в любом случае всегда будет называть другом.

— Полагаю, скоро вы уедете...

— Не совсем так. Я рассчитываю на ваше гостеприимство и позволение побыть здесь до тех пор, пока мой брат не вернется из Корнуолла. — Кира очень надеялась, что к этому времени они с Гевином смогут решить все относительно их совместной жизни.

— Разумеется. Вам не следует путешествовать одной.

— Благодарю вас. Поверьте, я ценю все, что вы сделали для меня, а также то, что были готовы сделать, чтобы спасти мою репутацию. Безусловно, вы заслуживаете в жизни всего самого лучшего.

Джеймс кротко улыбнулся и протянул ей цветы.

— Так же как и вы.

Вечером Кира бесцельно бродила по галерее в ожидании возвращения Гевина, разглядывала стены с портретами его предков. Семейное сходство отцов и сыновей поразило ее, через каждые несколько поколений лишь немного менялись цвет глаз и форма подбородка. Гевин также оказался очень похожим на своего отца, и в этом вряд ли было что-то удивительное.

— Мой брат Ричард.

Кира обернулась на голос и обнаружила, что миссис Хауленд стоит рядом. Лицо ее выглядело встревоженным, и Кире тоже слегка стало не по себе.

— Да, я догадалась.

— Как видите, у нас здесь очень много семейных портретов. Вот мать Гевина, Джейн. — Миссис Хауленд указала на портрет хрупкого создания с каштановыми волосами и огромными зелеными глазами.

— Она просто очаровательна.

Миссис Хауленд кивнула.

— К несчастью, она умерла очень молодой.

— Очень жаль. — Кира никак не могла понять, что именно нужно от нее матери Джеймса. Одно было несомненно — в доме что-то затевается.

— Джеймс сказал мне, что вы разорвали помолвку...

Итак, он уже сообщил об этом матери. Ну что ж, возможно, это к лучшему. Теперь Кире оставалось только сказать Гевину, что они могут без помех оформить свои отношения.

— Да, это так. Просто я поняла, что мы не подходим друг другу.

Миссис Хауленд благосклонно кивнула:

— Я была не слишком добра к вам и теперь должна извиниться.

— Извиниться?

— Разумеется. Вы рисковали собой, чтобы помочь привезти Джеймса домой, вместо того чтобы позволить Гевину спасти кузена одному. Джеймс рассказал мне об ужасной деятельности лорда Венса. Я и подумать не могла...

Кира избавила пожилую даму от затруднения:

— О, никто не мог, и меньше всего я, пока все не стало слишком очевидно.

— И все же я неверно судила о вас. Вы были не соблазнительницей лорда Венса, а его жертвой. Теперь я понимаю, почему женитьба на вас казалась моему сыну идеальным решением вашей дилеммы. И все же у вас хватило мужества принять трудное решение и освободить его. Поверьте, я действительно очень сожалею...

Кира сглотнула. За некоторое время после расторжения помолвки миссис Хауленд вряд ли успела полюбить ее, но они больше не были врагами.

— Благодарю вас. Это очень много для меня значит.

В ту ночь Кира ждала приезда Гевина в его комнате, надеясь наконец-то определиться с их общим будущим. Разорвав помолвку с Джеймсом, она тут же отправилась искать Гевина, чтобы сообщить ему: главное препятствие на пути их союза — а именно помолвка с его кузеном — наконец устранено. Теперь, когда все поняли, что лорд Вене лжец, скандал, разумеется, утихнет, а главное, Гевин знает, что она любит его и что их женитьба не причинит боли Джеймсу.

Кира молилась и надеялась, что он, наконец, сделает ей предложение.

Обнаженная, она лежала в кровати Гевина, с нетерпением ожидая, когда соединится с ним снова. Кира страстно желала испытать то волшебство, которое они создавали, показать ему, как нежна ее любовь к нему. Он заглянет в свое сердце, поймет, чего оно хочет, и потом они всегда будут вместе.

В половине второго ночи Гевин вернулся. Как она и надеялась, он не позвал камердинера.

Кира лежала в кровати за прозрачными драпировками и наблюдала, как он снимает темно-синий сюртук и брюки, а затем очень тщательно расправляет их на спинке обитого бархатом стула в стиле Людовика XV.

Ее брат просто бросил бы одежду кучей на полу, но это был Гевин — особенный даже в мелочах.

Развязав крахмальный галстук, он расстегнул ослепительно белую рубашку и стянул ее через голову, открыв взору мускулистые грудь и живот. Кира жадно поглощала это визуальное угощение, потом опустила взгляд вниз, до самых щиколоток, едва видных под кальсонами.

Наконец кальсоны тоже были сброшены. Гевин предстал перед ней обнаженный и почти совершенный, он состоял весь из широких плеч и стройного торса, поддерживаемого длинными сильными ногами.

И это он обнимал ее. Кира вспомнила наслаждение, которое находила в его объятиях. Ее сердце переполнялось восторгом, когда он обладал ею так, будто собирался никогда не отпускать. Честно говоря, она не смогла бы забыть и мгновения, проведенного с этим мужчиной.

Теперь Кира надеялась, что напоминание об их ошеломительном совершенстве как любовников поможет начать совместную жизнь со счастливой ноты.

Повесив рубашку на спинку стула, Гевин подошел к гардеробу и достал ночную сорочку, потом, босой, подошел к кровати. Хотя в темноте Кира не могла точно разглядеть выражение его лица, ей показалось, что он выглядит обеспокоенным.

Что ж, долг хорошей жены облегчать тревоги мужа, и она знала для этого лучший способ.

Гевин подошел к кровати и поднял рубашку над головой, собираясь надеть ее.

— Не думаю, что сегодня ночью вам это понадобится, — проворковала она.

Вздвогнув, Гевин резко отдернул занавесь. Его взгляд тут же наткнулся на нее. Она была накрыта. Хотя Кире очень хотелось быть смелой и лежать перед ним совершенно нагой, она обнаружила в себе странную сдержанность, и, пробравшись в его постель, она так и не смогла стать дерзкой.

— Кира, что вы здесь делаете?

Она приподнялась на локте так, что распущенные волосы рассыпались по обнаженным плечам и полуприкрытой груди, и забрала рубашку из его пальцев. Взгляд Гевина проследовал за ее движениями, и вдруг его плечи напряглись.

— С самого Корнуолла мы не были наедине и не могли поговорить. Я так скучала, — прошептала она.

Гевин сделал глубокий вдох, поднял глаза к потолку, как будто ища божественной помощи, и тогда Кира осторожно взяла его руку. Стиснув зубы, он снова посмотрел на нее, на их соединенные руки; потом на твердые бугорки ее сосков, торчащие между струящихся черных локонов. Его копье увеличивалось прямо у нее на глазах.

— Мы должны поговорить, — с трудом выдавил он. Кира как зачарованная смотрела на него.

— Согласна. Что вы хотите сказать?

Гевин потянулся за своей ночной рубашкой, но она держала ее вне досягаемости.

— Кира, я... Нет.

У нее перехватило дыхание. Неужели он хотел оказать ей честь и дождаться свадьбы, прежде чем снова познать радости их единения? Такое было бы очень забавным.

Под ее взглядом член Гевина удлинялся, твердел, пока его мужественность не встала вертикально, почти доставая до пупка. Он застонал.

— Ты хочешь меня.

Вздохнув, он посмотрел вниз.

— Очевидно, да, но...

— Никаких “но”. Сегодня ночью имеет значение только то, что может соединить нас вместе. Я больше не невеста твоего кузена.

Гевин, нахмурившись, посмотрел на нее сверху вниз, с видимым усилием пытаясь думать в самом разгаре возбуждения.

— Что?

— Я освободила Джеймса от его обязательств. Мы с ним не подходим друг другу, а вот с тобой, с тобой я чувствую совсем другое. — В ее взгляде он мог прочесть всю любовь, переполняющую ее сердце. — Скажи, а ты когда-нибудь чувствовал такое к кому-то другому?

Он помедлил, внимательно изучая ее лицо.

— Так чувствовал? — снова спросила она, сжимая его руку.

— Нет. — Это короткое слово прозвучало так, будто он вырвал его из груди. — В этом и проблема.

Кира нахмурилась.

— Проблема? Но почему? Ведь это так чудесно! Я не могу представить ничего лучшего, чем то, что чувствую каждый раз, когда соединяюсь с тобой. Ты сильный, надежный и понимающий... С тобой, мне кажется, я могу летать.

— Боюсь, ты преувеличиваешь.

— О, я знаю, что у тебя есть недостатки. Твой темперамент, например, или твой аристократизм, а также твоя склонность думать только головой.

— Кира...

— Думай сердцем, Гевин. Чего оно хочет?

Он сплотнул, глядя на нее так, будто хотел возразить, но она не позволила ему этого. Гевин любит ее: она верила в это всем сердцем, так же как верила, что судьба предназначила их друг для друга. Его борьба смягчила ее сердце. Она нужна ему.

Кира поднесла ладонь Гевина ко рту и поцеловала, легко прикоснувшись губами к пальцам, отчего его тело содрогнулось, а член снова вырос.

— Прекрати.

— Не раньше, чем ты прислушаешься к своему сердцу.

— У меня его нет.

При этих словах Кира вздохнула. Разумеется, он не это имел в виду.

— Конечно, есть, и я знаю, что оно настоящее.

Она отбросила одеяло, встала на колени и перебралась поближе к нему. Гевин закрыл глаза, но не отодвинулся, когда она прижалась обнаженным телом к торчащему копыю и поцеловала его обладателя в губы. Затем она прикоснулась губами к его губам очень легко, едва ощутимо. Губы пахли деревом и мускусом — Гевинком. Ее сердце задрожало от того, что он был так близко и принадлежал только ей.

Кира нежно провела рукой по шее Гевина и стала перебирать пальцами по его обнаженной спине.

— Это... Ты...

— Ш-ш. Твое сердце, не голова. Что оно говорит? — Кира проложила дорожку горячих поцелуев вслед за пальцами. Гевин не может контролировать свое сердце, так что не нужно и пытаться. Она сама преподаст ему этот урок.

Для начала Кира прижала губы к его губам в долгом поцелуе, наслаждаясь его вкусом. Когда она стала ласкать его нижнюю губу кончиком языка, он застонал и вдруг обхватил ее стальными руками, накрыл губами ее рот и так яростно погрузился в него, что у нее перехватило дыхание и закружилась голова. Он взял ее лицо в ладони, увлекая ее глубже и глубже в свои объятия. Страсть струилась в ее венах, когда он ласкал каждый дюйм ее рта.

“Вот это и есть его сердце”, — со вздохом подумала Кира.

— Что ты делаешь со мной? — Гевин тяжело дышал.

— Показываю, как все должно быть между нами. А теперь молчи.

У них еще будет достаточно времени на разговоры — вся оставшаяся жизнь. Сейчас, когда Кира ощутила любовь в его прикосновениях, разговоры были для нее не столь важны.

Она скользнула двумя пальцами вниз по его мускулистой груди, плоскому животу... потом еще ниже. В их первую ночь в библиотеке он прикасался к ней так же интимно и принес ей невероятное наслаждение. Разумеется, она давно должна была отплатить ему тем же.

Внезапно Гевин схватил ее за запястье.

— Кира...

— Я так хочу. — Она потянула руку, и он не мог не отпустить ее. — Я верну тебе все наслаждение, которое ты дал мне.

Гевин сделал глубокий вдох, который превратился в шипение, когда ее пальцы

сомкнулись на его члене. Он был словно железо, покрытое бархатом. Как интересно. Когда она, лаская, добралась до головки, Гевин громко застонал. Кира повторила движение, одновременно покрывая поцелуями его лицо и шею.

— Господи. — С губ Гевина сорвался стон, и он схватился за столбик кровати, чтобы не упасть.

Она снова провела нежной рукой по всей длине копья, потом вверх, исследуя пальцами гладкую влажную головку.

— Тебе приятно?

Он задрожал.

— Даже слишком...

— Ш-ш. Я хочу делать это для тебя.

И она делала, снова и снова, наблюдая, как меняется выражение лица Гевина. В этот момент он показался ей более уязвимым, чем тогда, когда они до этого занимались любовью: его голова откинулась назад, дыхание превратилось в хрип, и Кира поняла, что теперь сила на ее стороне.

— Постой, — пророкотал он, хватая ее за руки, чтобы остановить следующую ласку.

Его тяжелое дыхание выдало возбуждение, и Кира улыбнулась. Доставляя ему наслаждение, она не только приобретала власть, но и возбуждалась сама. Ее соски стали тугими и чувствительными, а сладкий трепет медленными кругами опускался к низу ее живота. Она уже чувствовала ноющую пустоту там, где Гевин скоро заполнит ее.

Однако он не дал ей времени насладиться победой или продлить ласки, а, оторвав ее руки от себя, забрался на кровать, опустил ее на спину и в следующее мгновение накрыл ее своим огромным телом. Такой тесный контакт словно обжег все ее чувствительные места: грудь, плоский живот, нежную кожу на внутренней стороне бедер. Кира изогнулась навстречу ему, и он, положив широкую ладонь под спину, безжалостно прижал ее к себе, а другой рукой обхватил ее затылок.

— Теперь твоя очередь.

Его слова заставили Киру задрожать. Тогда он захватил ее рот жадным поцелуем, страстным в своей способности пробудить ее чувства. Его губы требовали, искали. Он поглощал ее, как человек, лишенный удовлетворения много лет, а не дней.

Кира не могла сдержать стон наслаждения. Она чувствовала себя желанной — и покоренной. Когда их губы слились в бесконечном поцелуе, кровь закипела. Он опустил руку к ее ягодицам, а другая его рука медленно двигалась по ее плечу. Его пальцы дрейфовали все ниже, пока не окружили тугой холмик соска, разжигая все новый огонь внутри ее.

Кира снова устремилась к нему, на этот раз Гевин уже был готов. Он сомкнул губы на ее набухшей груди и жадно всосал, проводя зубами по чувствительным кончикам. Кира вцепилась в его плечи, бедра ее разошлись под ним в явном приглашении.

— Гевин... — беспокойно прошептала она, желая ощутить его внутри себя.

— Нет, еще рано, — прохрипел он между прерывистыми вдохами и вновь опустил ее по телу, пока его рот не оказался на уровне ее груди. Он прильнул к ней, освободив руки для того, чтобы дразнить влажные складки между ее бедер.

Двойная попытка уже через несколько секунд заставила Киру закричать. Каждый раз, когда рот всасывал ее грудь, его пальцы проводили по чувствительному бугорку между ног. Это был рай и ад, кружение в водовороте ощущений, вне времени и пространства. Она знала

только Гевина — его восхитительный запах, его сильное тело, блаженство быть в его объятиях в его постели. Ее сердце переполнилось так же быстро, как и тело, пока каждая частичка ее не начала пылать от желания принять Гевина внутрь.

Движение его языка вокруг соска рождало такое острое и глубокое наслаждение, что она протестующе вскрикнула, когда он оставил ее грудь и опустился еще ниже. Гевин возместил ей это самыми интимными ласками; от восхитительных движений его пальцев по ее пульсирующему холмику мысли Киры кружились в бешеном водовороте. Взрыв, который она помнила и которого страстно желала, был уже близко.

Прильнув к ней решительно губами, Гевин стал исследовать гладкую кожу ее живота. Он обводил круги вокруг пупка, посылая новые волны ощущений вниз, где они соединялись с ласками его пальцев.

Кира почувствовала, что до предела напряжена от желания, и попыталась вернуть его к жаждущим соскам, которые, казалось, пульсировали в унисон с ее бешено бьющимся сердцем, но вместо этого Гевин продолжал двигаться вниз и наконец обхватил руками ее бедра. Его рот оказался всего в нескольких дюймах от ее...

— Гевин?

Он игриво улыбнулся ей, а потом опустил голову. Первое прикосновение его языка потрясло ее буйством ощущений, которые словно стрелы понеслись по всему телу — вверх к животу, в ноги, взорвались в голове. Это был самый интимный поцелуй, и от того, что он подарил ей его, как будто желая любить каждую частичку ее тела, ее сердце затрепетало от радости.

— Гевин...

Проведя рукой по бедру, он продолжил ласкать ее, неторопливо наслаждаясь ее вкусом. С приглушенным вскриком Кира выгнулась вперед. Он продолжал поглощать ее ритмичными движениями, и ее пульс участился. Кира не видела конца этому почти болезненному наслаждению. Ощущения нарастали, умножаясь так быстро, что она даже не могла перевести дыхание, чувствуя себя опьяненной желанием, резонирующим глубоко внутри ее, приводящим ее все ближе к грани удовлетворения. Ее жажда и любовь к этому гордому, упрямому мужчине делала струящееся в ней желание еще более ошеломительным.

Гевин ввел два пальца в ее влагилице и стал ласкать его изнутри. Она вскрикнула от нового ощущения. Потом он умножил его, взяв находящийся сверху твердый маленький бугорок в рот.

Кира почувствовала себя на самом краю радужной бездны наслаждения. Пик поднимался по спирали, лишая ее разума. Она гортанно вскрикнула, когда вторая волна наслаждения захлестнула ее через мгновение после первой, действуя дольше, сильнее, опустошительнее.

Постепенно блаженство превратилось в нежную пульсацию, и Гевин поднялся вверх по ее телу, покрывая свой путь поцелуями.

— О Боже, — пробормотала она. — Я не могу дышать...

— Тебе и не нужно.

Он прильнул к ее шее таким жадным поцелуем, что Кира затрепетала. И тут он вошел в нее. У Киры перехватило дыхание, когда она почувствовала трение его твердого скипетра по ее возбужденной набухшей плоти. Он продвинулся глубже, заполняя ее целиком, и она блаженно вздохнула.

Погрузившись в нее до конца, Гевин вздрогнул.

— Почему я не могу противостоять тебе?

Его хриплый шепот прокатился над ней. Кира слышала стремительный поток желания, взрывную страсть в его словах. Такой мужчина, как Гевин, не забывает с легкостью о самоконтроле, и тот факт, что с ней он делал это каждый раз, когда они занимались любовью, говорил о глубине его чувств.

— Тебе и не нужно, — прошептала она и, словно приглашая, качнулась под ним.

С легким стоном приняв ее приглашение, он начал двигаться медленно — протяжные толчки, раздувающие пламя возбуждения, — затем все больше ускоряясь. Возбуждение вернулось и стало расти, когда он вошел в нее снова, еще раз полностью овладевая ею. Кира провела ладонями вниз по его гладкой напряженной спине и прижалась к его губам в поцелуе. Гевин ответил ей с жадностью, зарывшись губами в изгиб ее шеи.

Тогда она зубами прикусила мочку его уха.

— Я люблю ощущать тебя внутри меня, Гевин.

Ее слова, казалось, сломали его самоконтроль; движения Гевина стали алчными, почти отчаянными. Один интенсивный толчок следовал за другим, унося ее в вихре желания.

— Я... люблю... быть... внутри... тебя, — бормотал он с каждым мощным движением.

Его радость нарастала вместе с жадной. Он прислушался к себе, к своему сердцу. Разум никогда бы не позволил Гевину признаться в этом, но мужчина, потерявшийся в любви и страсти... Он говорит все, что чувствует.

Гевин подложил ладони под ее ягодицы и приподнял Киру ближе к себе. Такая поза позволяла ему погрузиться в нее как никогда глубоко. Вскоре Кира обнаружила, что дышит с трудом, а наслаждение стало настойчивым, пьянящим. Она была напряжена до предела и вонзила ногти в его спину, желая освобождения.

— Не отставай от меня, — потребовал он и стал погружаться в нее снова и снова.

Кира не смогла бы остановить кульминационный взрыв, даже если бы пыталась. Она пульсировала вокруг него, крепко сжимая его внутри себя. Гевин стиснул зубы, вскрикнул, а потом сдался в трепете неконтролируемого желания.

Потом они долго лежали, сплетясь телами, и тишину нарушало только их прерывистое дыхание. Кире даже показалось, что она плывет в пространстве, невесомая, не думая ни о чем, и, кроме нее, во всем мире осталась только любовь, которую она чувствовала к Гевину.

Когда несколько минут спустя Кира, лежа под ним, подняла изящную руку, чтобы убрать прядь темных волос с его лба, Гевин встретился с ней взглядом и попытался не отвести глаза.

Она говорила о том, чтобы он прислушался к своему сердцу, но он не знал, что в его сердце. Эмоции летели в него со всех сторон, словно стрелы, оглушая его. Никогда в жизни он не был так растерян. Неужели глаза выдают его спутанные мысли?

Лунный свет струился в окно, освещая лицо Киры нежным серебряным сиянием. Что он чувствовал к ней? Привязанность, это несомненно. Но он и думал о ней слишком часто, чтобы считать это нормальным. То, что он получил сейчас, было больше, чем просто удовлетворением, и не оно лишь побуждало его оставаться внутри ее как можно дольше и рождало желание никогда ее не отпускать.

Гевин больше чем просто хотел ее; он знал это, но боялся причины, из-за которой не мог устоять перед ней.

Проклятая кровь Даггетов!

Как только он увидел ее обнаженной в своей кровати, наследственная похоть закипела в его крови, требуя взять ее, обладать ею, выжать из нее каждую унцию наслаждения.

Сияющие словно звезды синие глаза лежащей под ним Киры светились надеждой и любовью, ослепляя его, а безрассудные порывы подстрекали дать ей все, что она хочет, только чтобы он мог обладать ею когда угодно и где угодно, видеть ее первую сонную улыбку по утрам, слышать ее последний вздох наслаждения по ночам.

Гевин знал, что эти манящие образы никогда не станут явью, если только он не будет проклят, как его отец.

Испуганный, неуверенный, он откатился в сторону и, перевернувшись на спину, закрыл глаза. Проклятие, как он позволил этому случиться снова? Каждый раз, когда она оказывалась рядом, его рассудок словно затуманивался, и Гевин не мог сопротивляться своему желанию, которое побеждало все рациональные мысли. Как может он быть таким слабым?

Что-то в Кире пробуждало проклятие Даггетов, заставляло его терять контроль над своей совестью, над своими страстями. Что-то, что неумолимо тянуло его к ней, заставляло тосковать даже по ее улыбке.

Как ужасно, что именно это качество, делающее ее неотразимой, содержало в себе одну из главных причин, почему он не мог жениться на ней, хотя, конечно, не единственную.

Влажное безмолвие ночи опустилось на Гевина, не давая вдохнуть. Как сумеет он жить, зная, что никогда не должен — и не сможет — снова прикоснуться к ней? У него не было ответа. К тому же как сможет он предать свою семью, свою честь и снова рисковать, провоцируя свою похотливую натуру? К тому же он не хотел ранить Киру, погружая ее в самую гущу кошмара, в который превратилась его жизнь.

— Гевин? — Она нахмурилась. — Если ты боишься, что сделал мне больно, уверяю тебя, ничто не может быть дальше от правды.

Но его заботило совсем не это. То, что они сделали вместе, было слишком хорошо, чтобы вызвать боль — только сожаление.

— Ты помнишь, что я больше не помолвлена с твоим кузеном? — осторожно спросила

она.

О, он это отлично помнил. Новость потрясла его и... воодушевила. Теперь Кира свободна и может принадлежать ему.

Гевин вздохнул:

— Я помню. Но...

— Ты не хотел причинять боль Джеймсу, и теперь он не будет страдать. Я сказала ему, что чувства велят мне обвенчаться с другим, и он пожелал мне счастья.

Обвенчаться? Один взгляд в ее сияющие глаза сказал ему, что она все еще хочет брака, и, разумеется, у нее есть все причины для этого. Уже три раза она была в его постели. Он взял ее невинность. Каждый пункт кодекса чести джентльмена обязывал его сделать ей предложение, и что-то внутри его — вероятно, похоть — соглашалось с ним.

Однако на этом пути существовало множество препятствий. Скандал, например. Хотя злодеяния лорда Венса через несколько дней станут известны свету, Гевин совсем не был уверен, что правда восстановит доброе имя Киры. Такой скандал тянется за женщиной везде.

А тут еще и персидская кровь Киры, несчастье, которое она будет нести с собой всю жизнь. Гевин сомневался, что свет примет ее, и в любом случае она навсегда останется предметом перешептываний и сплетен, которые сейчас так ранят ее нежное сердце. Заставлять ее проходить через это день за днем, год за годом... В конце концов, Кира возненавидит его и их совместную жизнь.

А еще был его самый большой страх: полная потеря контроля над собой.

Сегодня ночью он пытался сопротивляться Кире. Бог свидетель, пытался. Ему даже удалось однажды произнести слово “нет”, но ее близость пересилила, поборола его чувства, его разум, даже его самообладание. Она обволакивала его, как афродизиак, пока в его голове не осталось ничего, кроме отчаянного желания ощущать ее вкус, обладать ею, ощущать ее близость.

Его неспособность ограничивать свои желания делала возможность обуздать себя хотя бы в будущем весьма призрачной. Кира и так уже имела достаточно скандальную репутацию, но что может случиться, если похоть однажды заставит его проделать с ней еще более непристойные вещи? Кто знает, насколько скользкий обрыв ведет к тому, чтобы стать закоренелым сластолюбцем? С такой склонностью ему было бы нечестно оставаться рядом с Кирой, поскольку ему одинаково трудно сопротивляться ее близости и не жениться на ней, несмотря на их связь. В этом смысле Дариус абсолютно прав, и Гевин не хотел стать причиной отчаяния и ненависти Киры.

Она перекатилась к нему и нежно поцеловала в губы, прерывая беспорядочный бег его мыслей. Кира выглядела одновременно смущенной и испуганной; отворачиваясь от нее, Гевин чувствовал себя самым низким подонком.

— Ты... ты собираешься жениться на мне, правда? — робко спросила она.

Каждая нотка ее голоса вибрировала от опасений и страстного желания быть с ним; и что-то сжалось в груди Гевина. Он бы предпочел оказаться жестоко избитым, чем слышать сейчас этот голос. Он действительно причинил ей боль и, хуже того, сделает это еще раз до того, как закончится ночь.

Гевин провел рукой по лицу и неподвижно уставился в потолок. Как же чертовски все это запутано!

“Любовь заставляет мужчину совершать безрассудные поступки, чтобы завоевать женщину”, — вспомнил Гевин слова Брока. Как отчаянно он хотел верить, что это любовь, а

не традиция сластолюбия заставляет его стремиться к обладанию Кирой. Но пример отца научил его быть осторожным. Вскоре другая женщина заставит его уложить ее в свою постель, забыв о разуме и приличиях, а потом еще одна... В конечном счете их будут сотни, его имя и имя семьи будет погублено, а свет начнет шептаться о том, что он просто копия отца. И, Господи, что, если настанет день, когда желание не ограничится тем, что считает приемлемым большинство мужчин? Спать с женщиной, даже и распутной, это одно, а вот...

Нет. Он не пойдет по этой дорожке и никогда не сделает даже первый шаг.

Кира.

Как он сможет выполнить это, когда желает ее каждым своим вдохом, стремится быть с ней так сильно, что внутренности словно разрываются на части?

Но он должен — как-нибудь.

— Я... я...

Боже, он что, не может выговорить эти слова?

Гевин вздохнул, глядя ей в глаза; разочарование и боль терзали его.

— Я не могу жениться на тебе.

Кира села, прижимая к груди простыню.

— Но... мы с Джеймсом больше не... Моя помолвка окончена, и после того, что ты сделал с лордом Венсом, я думала, ты хочешь очистить мое имя, чтобы мы могли...

— Нет, — выдавил он. — Я хотел, чтобы Венс был наказан за то, что сделал с тобой.

Она отпрянула от него; неподдельный ужас исказил ее черты.

— Значит... значит, ты вообще не собирался жениться на мне?

Гевин заставил себя быть честным, хотя отдал бы все, чтобы избавить ее от этой боли. — Нет.

— Но... в Корнуолле ты сказал, что хочешь поговорить о чем-то особенном — помнишь, в ту ночь. Я... я подумала...

— Я собирался извиниться и объяснить, что не могу... — Господи, как он не хотел говорить это, — что я не могу жениться на тебе.

Кира отвернулась, чтобы встать с постели, но он поймал ее за руку. Боль в ее лице ранила его сердце.

Она замерла, ее глаза были полны страдания. Боже, что он может сказать, чтобы заставить ее понять и облегчить ее боль? Признание в недостатке самоконтроля рядом с ней будет постыдным признанием в собственной слабости и только сделает ее еще более несчастной.

— Это из-за скандала, да? — прошептала Кира, вырывая руку; в ее глазах блестели слезы. — После разоблачения ужасной деятельности лорда Венса я думала...

Страстно желая, чтобы правда не причинила ей боль, Гевин прошептал:

— Теперь к тебе будут испытывать больше симпатии, но позор есть позор, и я совсем не уверен, что мы сможем все уладить.

Кира притянула колени к груди.

— Брак мог бы свести скандал на нет.

— Со временем, но моя семья уже и так достаточно выстрадала. Я не могу навлечь на нее новый скандал и заставить их пройти через это.

Это была не вся правда, но тут он ничего не мог поделать.

— Полагаю, это моя мать мешает вам сделать мне предложение.

Гевин попытался погладить ее по плечу, но Кира отклонилась, отвергая его. Что ж, он

это заслужил.

— Пойми, Кира, брак со мной только сделал бы тебя еще более несчастной: как о герцогине, о тебе станут говорить гораздо чаще и скорее всего такое, что только сильнее ранит тебя.

Кира была ошеломлена его словами.

— Рядом с тобой я могла бы вынести все...

— Это ты сейчас говоришь так, но что будет, когда леди Уэстленд, миссис Бейклиф или кто-то еще снова станут порочить тебя, или твою мать, или вас обеих? Ты не сможешь противостоять каждому и постоянно покидать светские сборища в слезах.

— Думаю, ты несправедлив к обществу и ко мне.

— Я всего лишь сказал правду.

Вытирая мокрые глаза тыльной стороной ладони, Кира старалась избегать его взгляда. Она выглядела напряженной, хрупкой и... несчастной.

В этот момент Гевин проклинал своего отца и всех своих похотливых предков. Если бы не наследственность, он мог бы рискнуть послать к черту традиции и жениться на Кире, которую так отчаянно желал. Он был готов уничтожить лондонских светских драконов, если бы считал, что они действительно могут быть счастливы. Но если он женится на Кире, а проклятый недуг превратит его в ужасное животное, он в конце концов, принесет ей те же боль и унижение, какие отец принес его матери.

Гораздо честнее отказаться от нее сейчас. Его единственным утешением было сознание того, что Кира, несмотря на внешнюю мягкость, оказалась сильной женщиной. Она сможет начать новую жизнь без него.

— Так ты никогда не любил меня...

Гевин сел и пристально взгляделся в ее лицо.

— Это неправда. Я люблю тебя и хочу... — Он покачал головой: нет, он не может рассказать ей о своих желаниях, которые никогда не осуществляются.

— К сожалению, того, что я хочу, недостаточно для женитьбы.

Смушение и разочарование отразились в ее лице, слезы серебристыми ручейками побежали по щекам.

— Что может быть важнее любви?

Гевин вздохнул:

— В данном случае почти все.

Кира вдруг резко выпрямилась, и Гевин даже испугался, что ее позвоночник сломается.

— Что ж, по-моему, все ясно.

Она быстро нашла свою ночную рубашку и отвернулась, чтобы надеть ее. Гевин видел только ее стройную золотистую спину и верх ягодиц, но ему не нужно было видеть больше, чтобы захотеть ее с новой силой. Проклятие!

— Я уеду, как только вернется мой брат.

Он неохотно кивнул.

— Надеюсь, тебе будет немного легче, если ты узнаешь, что я хотел бы, чтобы все сложилось по-другому.

В полной тишине она закрутила волосы в пучок.

— Это говорит мне, что ты не тот, кем я тебя считала. Ты не можешь слушать свое сердце, и мне будет лучше без тебя.

Прежде чем он успел возразить, Кира решительно повернулась и вышла из комнаты.

Дверь закрылась с тихим щелчком, словно ставя этим финальную точку.

Что ж, все кончено, и это к лучшему... или он ошибается? Кира будет оставаться под крышей его дома постоянным искушением, пока Дариус не вернется из Корнуолла. Как, черт возьми, он сможет держаться в стороне от нее?

Гевин встал, подошел к окну и открыл его, радуясь свежему воздуху и надеясь, что он поможет прояснить его мысли. Действительно, вскоре в его голову пришла новая идея, исполнение которой почти наверняка гарантировало, что Кира больше никогда не захочет видеть его.

Для этого ему нужно было задать всего один простой вопрос...

Когда Гевин на следующий день пришел с визитом к Корделии, он чувствовал себя ужасно. Если даже минувшей ночью ему и удалось поспать десять минут, ни одна из них не дала ему отдыха.

И все же он знал, что должен делать.

— Так вы уже вернулись из Бирмингема? — вместо приветствия спросила Корделия, усаживаясь на маленькое голубое канапе в гостиной и указывая гостю на мягкое желтое с белыми полосками кресло напротив.

Золотые арки бровей над лазоревыми глазами сказали ему, что Корделия не верит ни одному слову из той истории, которую он сделал достоянием гласности перед отъездом с Кирой в Корнуолл. Проклятие, не хватало еще, чтобы Корделия разозлилась. Только не сегодня.

— Я не ездил в Бирмингем, и вы это прекрасно знаете. Джеймс изо всех сил старался помочь очередной нуждающейся душе и пропал. Тетя Кэролайн послала меня за ним, но я не стал никому рассказывать этого, потому что не хотел смущать его.

Это была ложь, и Гевин чувствовал ее всем своим существом. Но ведь он же поклялся себе, что лжет Корделии последний раз.

— Понимаю. Как странно, что мисс Мельбурн тоже решила уехать именно в это время. Она тоже вернулась домой, не так ли?

Великолепно. И что теперь? Если он скажет ей правду, никто не знает, как закончится эта встреча.

— Мисс Мельбурн не выйдет замуж за моего кузена, таким образом, она больше не интересуется мою семью.

Кажется, это привлекло ее внимание.

— Правда?

— Абсолютная правда. Она сообщила об этом вчера и считает, что ей будет лучше вернуться домой.

— Ваш кузен наконец-то понял, что она распутная девка?

Гевин стиснул зубы.

— Кира Мельбурн добрая, благородная девушка, не виновная ни в одном из измышлений Венса.

Корделия наклонилась ближе и нахмурилась.

— И как вы это узнали?

— Вы желаете говорить о бывшей невесте моего кузена или услышать, зачем я пришел?

Корделия замолчала, обдумывая ситуацию, потом кивнула:

— Я слушаю.

Гевин вздохнул. Он знал, что должен встать на колени, но не мог заставить себя сделать это.

— Уже несколько лет мы с вами... друзья.

— Верно, — протянула она.

— И я очень уважаю вас. Вы благородны и известны своей рассудительностью. Мы возвращаемся в одних кругах, вместе являемся инвесторами нашей железной дороги. Мне очень хорошо в вашем обществе.

— Понимаю. — Корделия приняла невозмутимый и даже немного скучающий вид, но Гевин уловил на ее губах намек на улыбку.

— Полагаю, вы постоянно получаете предложения руки и сердца...

— Возможно.

Гевин резко выдохнул и продолжил:

— Тем не менее не согласитесь ли вы обсудить... э-э... возможность брака между нами?

Улыбка, только что едва уловимая, расцвела, окончательно делая ярче бледное лицо Корделии. Лучи солнца потоком лились в окно, и вместе с улыбкой он заметил несколько бледных веснушек на ее носу. Проклятие, Гевин вовсе не любил веснушки. У Киры их не было ни одной.

Стоп, он должен перестать думать о ней.

— Я не только не против, — промурлыкала Корделия, — но уже готова согласиться. Вы обладаете всем, что я хотела бы видеть в своем муже...

Итак, все произошло гораздо быстрее, чем мог Гевин ожидать. Ему даже не пришлось просить и, встав на колени, признаваться в неумирающей любви. Кира захотела бы и то, и другое, и третье. По правде говоря, ему пора уходить отсюда. Вскоре, какая бы меланхолия ни владела им, она рассеется настолько, что он сможет радоваться своему счастью.

— Великолепно. Что, если мы запланируем начало нашего... союза на следующий вторник, четырнадцатое июня? Вам хватит времени на приготовления?

— Разумеется. Я надеюсь стать самой изысканной герцогиней Кропторн всех времен.

Гевин заставил себя улыбнуться. Брак с Корделией не будет таким уж ужасным. Ему в самом деле нравились ее общество, ее ум. И она действительно будет самой изысканной герцогиней. Она принесет его семье значительную долю респектабельности и в то же время поможет ему подавить чрезмерную похоть, а следовательно, избежать скандала.

— Уверен, так и будет. — Он кивнул, жалея, что не может изобразить большего энтузиазма. — Поскольку у меня не имелось времени обсудить мои намерения с семьей, я прошу вас подождать несколько дней, прежде чем говорить с кем-то о нашей помолвке. Предпочитаю, чтобы общество услышало эту новость от меня, а не как сплетню на вечеринке.

Корделия на мгновение поджала губы.

— Как пожелаете.

— Благодарю вас.

Слава Богу, теперь его будущее улажено. Тогда почему он чувствует себя так, будто только что сделал шаг, о котором будет жалеть?

— Уже уходите? — спросила она.

Гевин кивнул.

— Я должен заняться кое-какими делами, а потом мне нужно найти моих

родственников и сообщить им... о нашей предстоящей свадьбе.

— Это действительно важное дело. — Корделия кивнула, качнув светлыми кудрями. —

Но могу ли я просить вас ненадолго задержаться?

Чего она хочет?

Гевин напрягся.

— Разумеется.

Герцог медленно подошел к ней и, опустившись рядом с ней на диван, вопросительно посмотрел на нее.

Сможет ли он быть женатым на Корделии всю оставшуюся жизнь? Сможет ли он родить с ней детей? Боже мой, он никогда даже не целовал ее и не испытывал желания сделать это.

Зато Кира возбудила его интерес — и не только интерес — мгновенно.

Проклятие, он немедленно должен прекратить думать о ней.

Корделия рассмеялась.

— Вам больше незачем нервничать. Я же дала согласие.

Гевин заставил себя улыбнуться в ответ.

— Да, конечно.

Ему надо поскорее жениться на ней. Их союз станет главным светским событием, а Кира вернется в Суффолк...

Боже, снова она. Почему он никак не может выбросить ее из головы?

— Вы же не собираетесь уйти, не поцеловав меня?

Вопрос не оглушил бы Гевина больше, даже если бы она ударила его между глаз своим веером. Он посмотрел на ее губы: они были розовые, пухлые и довольно приятные. Определенно Корделия не испытывала недостатка в красоте.

“Закрой глаза и поцелуй ее”, — приказал он себе. Что тут сложного?

— Я не уверен, что это прилично...

Ее негромкий переливчатый смех наполнил комнату.

— Боже мой, Гевин, мы же помолвлены. Я вдова, женщина с некоторым... опытом.

Хотя в прошлом вы так и не решились жениться, я очень сомневаюсь, что вы невинны.

— О, вы... вы, конечно, правы.

В действительности он мог бы уложить ее на этот диван и целовать до бесчувствия, не вызвав никаких неодобрительных взглядов, но эта мысль показалась Гевину странно тревожной.

Он снова посмотрел на Корделию. Красавица и рассудительная, спокойная, почти царственная — в ней есть все, чем можно восхищаться в женщине. Такая никогда не спросит, где его сердце.

Кроме того, как он может знать, каким будет поцелуй с ней, не попробовав?

Глубоко вздохнув, Гевин наклонился к Корделии и обнял ее за плечи, больше чтобы успокоить себя, чем ее. Он смотрел, как она закрыла глаза и потянулась к нему. Как раз перед тем как их губы встретились, он заметил синюю вену, бьющуюся под ее левым веком, однако постарался отбросить это наблюдение прежде, чем они поцеловались.

Первое прикосновение к ее губам принесло... ничего. Она слабо пахла зубным порошком, летним бризом и малиной. Он не уловил ни намека на восхитительную ваниль...

“Прекрати”, — приказал себе Гевин и возобновил попытку поцеловать Корделию. На этот раз он закрыл глаза. Да, так лучше. Светлые волосы не будут отвлекать его от образа

черных кудрей, обвивающихся вокруг его рук...

Ее губы оказались упругими, чуть влажными и слегка приоткрытыми. Она вздохнула и, едва касаясь, провела ими по его губам.

Она ни в коем случае не была плоха в смысле поцелуев, но Гевин не мог отрицать, что хотел бы сейчас пребывать в каком-нибудь другом месте. Возможно, стоило подумать о Норфилде или... или о скачках в Аскоте. Да, это заставило бы его кровь бежать быстрее.

Корделия развела губы, приглашая его внутрь, но это было последнее место, где он хотел бы оказаться.

Потом она положила руку на его бедро, и Гевин чуть не подскочил. Он что, забыл, что его ждут неотложные дела?

— Мне пора бежать — семейные обязательства и все такое. Мы обсудим вдовью часть, деньги на булавки и все остальное в другой раз.

— Но...

— Было приятно видеть вас. — Он старательно растянул губы в улыбке, потом торопливо чмокнул ее в щеку и почти выбежал из комнаты.

Оказавшись снаружи, Гевин глубоко вздохнул и не мешкая сел на лошадь. Ему было жарко, несмотря на нежный июньский ветерок.

Что ж, все прошло как по маслу. Отъезжая, он с отвращением поморщился. Корделия была чудесной, привлекательной женщиной, но почему-то он так и не смог насладиться ее поцелуем...

Раньше Гевин никогда не думал одновременно о Корделии и о сексе. Его уважение к ней было так велико, что представить эту женщину своей любовницей он был просто не в силах. Впрочем, вряд ли все оправдания можно было признать несостоятельными. Все дело в том, что Корделия не привлекала его в этом смысле и с ней ему совершенно точно не стоит бояться разбудить проклятую кровь Даггетов. Корделия ничуть не воспламеняет его, и возможно, это хорошо. Никакой мужчина не должен желать свою жену слишком сильно. В конце концов, брак — это бизнес.

И все же образ Киры не покидал его. Он встретился с ней, когда она стояла на пыльной дорожке перед Норфилдом, потом на вечеринке у леди Уэстленд, где бедняжка всхлипывала так, будто ее сердце разбито; потом была прошлая ночь в его постели, когда она, затаив дыхание, вонзила ногти в его плечи, взмывая на вершину блаженства.

Гевин просто не мог выбросить эту женщину из головы, не мог заменить ее образ образом Корделии... и сможет ли хоть когда-нибудь?

Впрочем, теперь это не имело значения. Благополучно жениться — и именно на Корделии — было его долгом. Его обязанность перед семьей — выбрать герцогиню без скандала, без смешанной крови, без способности доводить его до грани безумия, и тут Корделия подходила по всем статьям. Женившись на ней, он на сто процентов выполнит свои обязательства. Долг — это совсем не то, от чего получают удовольствие, а он всегда выполнял свой долг.

И все же вопреки этому факту будущее казалось теперь Гевину разверзшейся унылой пропастью. Жизнь без Киры будет... как жизнь без смеха, без солнца, без цвета... и без самой жизни.

Но все же ему придется как-то обойтись без всего этого.

Кира избегала библиотеки, невольно напомиравшей ей о ночи, когда она поняла, что любит Гевина. Тогда она отдала ему свое сердце и свое тело. Столовая тоже не для нее, потому что Гевин, вероятно, скоро придет к обеду. К несчастью, ей приходилось избегать и сада из-за дождя и только что сгустившихся сумерек. И все же она не хотела возвращаться в свою комнату, где провела почти весь день, безрассудно тоскуя о мужчине, который не любит ее.

Этим утром Дариус вернулся из Корнуолла. Кира говорила с ним достаточно долго и среди прочего сообщила, что больше не собирается выходить за Джеймса. Когда он потребовал объяснить почему, она сослалась на головную боль и укрылась в своей комнате. Но она не могла вытерпеть и минуты заточения и, побродив некоторое время, выбрала официальную гостиную. Поскольку в этот день миссис Хауленд не собиралась принимать высокопоставленных гостей, Кира рассчитывала, что здесь она по крайней мере сможет побыть одна.

Но, оказавшись в комнате, она уже была не так уверена, что хочет остаться в ней. Красные стены взмывали к высокому потолку, заставляя ее чувствовать себя маленькой и незначительной. Тщательно вырезанная лепнина в греческом стиле соединялась серией вазонов и веток плюща с арками под потолком. Даже камин был вырезан в таком же стиле; по обеим сторонам его женщины в тогах держали в руках подносы с экзотической едой и как будто несли на своих головах каминную полку. Такая расточительность напомнила Кире о различиях между ней и Гевинем: ей никогда не пришлось бы в голову потратить такие безумные деньги на обустройство дома, а вот герцог, похоже, даже не задумывался об этом.

И вообще что бы она стала делать, доведись ей стать герцогиней?

Кира проглотила подступившие к глазам слезы. Проклятие, разве она хотела быть герцогиней? Она просто хотела стать женой Гевина, хотела владеть его сердцем. Теперь у нее не было ни его, ни Джеймса — и никакого определенного будущего.

Решительный стук каблуков в холле возвестил, что ее одиночество скоро закончится. Прежде чем сбежать, Кира обернулась и посмотрела на открывающуюся тяжелую дверь. И тут же в гостиную решительным шагом вошел Гевин, мокрый, как будто попал под дождь. Он лишь недавно подстригся, и теперь волосы казались слишком короткими, отчего он выглядел суровым и опасным, совсем не похожим на того страстного и нежного мужчину, каким она знала его.

Кира сделала реверанс.

— Вам нужна эта комната, ваша светлость? Я буду счастлива уйти...

— Нет, пожалуйста. Я для тебя по-прежнему Гевин, и мне нужно поговорить с тобой. Я прошу тебя остаться.

Он просит? Это что-то новенькое.

Вздыхнув, Кира кивнула, изо всех сил стараясь выглядеть бесстрастной. Ни за что на свете она не покажет ему, что его неспособность поставить их любовь выше его доброго имени просто убивает ее.

— О чем вы хотите поговорить со мной? — наконец, спросила она.

Гевин подошел к ней, скрипя мокрыми сапогами. С каждым шагом он оставлял мокрые следы на сверкающем полу, но не замечал этого. Неужели все мужчины такие? Или только

герцоги?

Гевин остановился перед ней — слишком близко, по ее мнению. Если он не собирался жениться на ней, то уж никак не должен был стоять так близко, словно собирался поцеловать ее. Кира попыталась отступить, но Гевин схватил ее за запястье.

— У меня есть новости. — Он на мгновение закрыл глаза и вздохнул, его лицо было напряжено.

Кира сразу догадалась, что эти новости не из разряда приятных, и вдруг поняла, что не хочет слышать их. Ей было ясно, что она возненавидит все, о чем он захочет сказать ей.

— Ничто из того, что вы скажете, не может интересовать меня.

Гевин сильнее сжал ее руку.

— Лучше я, чем кто-нибудь другой.

— Возможно, вы оглохли? Мне неинтересно.

— Проклятие, я пытаюсь вам помочь.

— Вот и помогите, не говорите ничего. Это избавит вас от хлопот.

Гевин со вздохом опустил голову.

— В следующий вторник я женюсь на леди Литчфилд.

— Что? — Из всего, что Кира могла представить, эта новость была для нее самой неожиданной. Недоверие пронзило ее, раня в самое сердце.

— Да, это так. По специальному разрешению. Я... я чувствовал, что учтивость требует от меня...

— Учтивость? — Она бросила на него испепеляющий взгляд. — Как это любезно — сломать жизнь женщине, а потом выскочить из ее постели, чтобы сделать предложение другой. Вы даже дня не подождали, прежде чем сделать ей предложение!

— Кира, я уже несколько лет планировал жениться на ней. Сейчас для этого самое подходящее время... Это долг перед моей семьей, и я обязан исполнить его.

— Я понимаю. Вас не волнует, что вы предаете свое сердце и разбиваете мое. Что ж, вы найдете утешение в своем долге.

— Твой сарказм обязателен?

— А вы ожидали, что я похлопаю вас по спине и пожелаю счастья? — Кира гневно посмотрела на него.

— Я просто надеялся, что ты поймешь.

Гевин говорил вяло и выглядел подавленным, так что Кире с трудом удалось удержаться от безумного порыва обнять и утешить его. Нет, нет и нет! Видя ее слабость, он снова воспользуется ею.

— А я не хочу понимать! Честный человек не стал бы обращаться со мной так, будто у меня нет ни чувств, ни чести. Я отдала вам все, а вы просто растоптали меня.

К ужасу Киры, она почувствовала, что горячие слезы снова жгут ее глаза. Она наверняка выглядела как страшилище, с красными глазами и распушим носом, но ей было все равно.

— Кира, я не хотел...

— Не хотели и поэтому затащили меня в свою постель, позволили мне надеяться на вашу любовь, разумеется, не собираясь причинить мне никакой боли. Вы просто сделали это. О, я больше ни на минуту не останусь здесь. К счастью, брат уже прибыл из Корнуолла, и сегодня днем мы вернемся в свой дом.

— Не убегай. Твой брат сказал Джеймсу, что собирается перевезти вещи завтра.

Кира пожала плечами.

— Пусть ждет, если хочет, я в состоянии доехать сама.

Гевин скрипнул зубами.

— Послушай, это может быть небезопасно, и... И что подумают люди?

— Поскольку, как вы объяснили мне, мою репутацию уже невозможно восстановить, это вряд ли должно заботить меня.

С этими словами она повернулась и направилась к выходу.

Гевин молча смотрел, как Кира уходит. Ее шаги по ковру были почти беззвучны, узкие плечи напряжены под голубым муслином платья. Отчего она решила уехать так внезапно? Разумеется, прощание неизбежно. Но прямо сейчас?

Самое ужасное, что она уедет с ненавистью в сердце, и все же... Теперь у него уже не будет причин встречаться с ней. Они вращаются в разных кругах. Она может даже вернуться в Суффолк, куда у него нет никаких причин ехать, и там выйти за другого. Вероятно, так и будет. Поскольку он не мог жениться на ней сам, ему следовало молиться, чтобы она нашла кого-то, с кем будет счастлива...

И тут неожиданно ему показалось, что, какие бы усилия ни прилагал, он не сможет остановить чувства, рвущиеся из его груди. Боль пронзила грудь Гевина. Он попытался сделать успокаивающий вдох... и тут заметил, что Кира начала открывать дверь.

Что-то новое, незнакомое шевельнулось в его душе, что-то помимо долга и преданности семье. С Кирой он чувствовал тысячи разных вещей. Когда она уйдет, все это исчезнет, а он никак не мог этого допустить.

В несколько прыжков преодолев расстояние до двери, Гевин протянул руку над головой Киры и захлопнул дверь прежде, чем Кира успела выйти.

Замерев, она гордо подняла голову, но не повернулась к нему.

— Не уходи, прошу. — Его голос звучал хрипло, отчаянно, но ему было все равно.

— Почему я должна оставаться, если вы не можете предложить мне ничего взамен?

Он нахмурился, мысли бешено неслись в голове. Все, что угодно, кроме брака. Найдя подходящий вариант, он мог бы удержать ее, ограничивая при этом свое пристрастие к ней.

— Я хочу предложить тебе кое-что. — Он взял ее за плечи и, повернув к себе лицом, увидел, что Кира плачет. У него екнуло сердце. Он мог позаботиться о ней, мог наполнить ее жизнь вниманием...

— Останься со мной. Я женюсь на Корделии из чувства долга, но хочу только тебя и поэтому дам тебе деньги, дом, осыплю тебя драгоценностями... Возможно, у нас когда-нибудь появятся дети...

— Так вы просите меня стать вашей любовницей? — Ярость на лице Киры сказала ему, что она отнюдь не в восторге от его предложения.

— Не говори "нет". Я обещаю много преимуществ, могу защищать тебя и заботиться о тебе. Я дам тебе все, что пожелаешь.

— Ублюдок! — Кира дала ему звонкую пощечину. — Ты даже не понимаешь, что обращаешься со мной как со шлюхой. Если ты думаешь, что я позволю делать это и дальше, то очень ошибаешься.

Мужество покинуло ее, и она всхлипнула. Сердце Гевина тут же откликнулось на боль в ее глазах.

— Кира... — Он потянулся к ней, но она отпрянула.

— Как ты смеешь? Твое предложение оскорбляет не только меня, но и чувства, которые, как я думала, мы разделяли. — Кира прикусила губу и попыталась принять спокойный

вид. — Очевидно, я ошибалась.

Нет, она не ошибалась, но его любовь не могла ничего изменить. Теперь Кира уйдет, Гевин знал это. Он предложил ей лучшее, что мог. Почему, черт возьми, она не соглашается остаться?

Он лихорадочно думал. Мысли сменяли одна другую, пока он не остановился на одной. Возможно, если он скажет ей правду — всю правду, — она сможет понять.

— Проклятие, Кира! Я не могу жениться на тебе, потому что...

Сказать правду оказалось труднее, чем он думал. Это была слабость, которую он вряд ли мог принять. Сила его влечения к ней тревожила его. Мужчина его возраста, положения и моральных устоев не должен иметь такой недостаток.

Но каждый раз, когда Гевин оказывался рядом с Кирой, он знал только, что хочет ее, и это чувство с каждым разом становилось все сильнее. Её улыбка, ее прикосновение, ее привязанность, ее страсть — без всего этого он просто не мог обойтись.

— Да, знаю, потому что я шлюха-полукровка.

— Вовсе нет! Проблема во мне. — Он сглотнул, отчаянно стараясь хоть что-то прочесть в ее лице. — Когда мы далеко друг от друга, я постоянно мечтаю о тебе, Кира; оказываясь рядом с тобой, хочу касаться тебя, быть рядом. Я забываю о границах приличия. Ты понимаешь, что я пытаюсь сказать?

Она покачала головой, но Гевину показалось, что на ее лице появилось легкое недоумение.

— Я всегда гордился тем, что умею держать себя в руках. Но с тобой мой самоконтроль куда-то исчезает, и это делает меня... — Он с трудом заставил себя смотреть ей в глаза. — Это делает меня гораздо больше похожим на отца, чем я могу допустить.

— На твоего отца?

Гевин кивнул:

— Да, на худшего из сластолюбцев. У него не было ни морали, ни порядочности. Отец всегда говорил мне, что, когда им овладевает похоть, для него становится не важно ни время, ни место, ни партнер — он просто вынужден покориться. Я чувствую то же самое каждый раз, когда нахожусь рядом с тобой.

Кира нахмурилась, и ее щеки окрасил румянец.

— Если бы мы поженились, наше соединение не было бы неприличным.

Гевин вздохнул. Эти слова он больше всего боялся сказать ей.

— Если мои желания ограничатся только тобой, то возможно, но я боюсь, что ты только начало проблемы. В конце концов, я последую по стопам отца и возжелаю других... плотских утех. Это спровоцирует такой скандал...

— Других утех?

Гевин сделал глубокий вдох. Разумеется, Кира не слышала о самых отвратительных выходках его отца, это ясно. Она даже еще не появилась на свет, когда его отец опозорил имя Даггетов.

Медленно обведя глазами комнату, он нашел в себе силы, чтобы наконец заговорить:

— Вскоре после моего десятого дня рождения член палаты общин и известный евангелист однажды вечером отправился из здания парламента к Сент-Джеймс-Парку и там внезапно наткнулся на моего отца с двумя проститутками.

Кира удивленно открыла рот.

— Они были... у всех на виду?

Гевин рассеянно посмотрел в потолок, стыд жег его, пока он старался подыскать подходящие слова:

— Да. И одна из проституток была... то есть не был женщиной.

Кира испуганно вздохнула.

— Ты хочешь сказать...

— Они все трое были... очень интимно переплетены друг с другом.

Нет нужды рассказывать ей, что его отец просил проституток сечь его. Нет нужды упоминать, что он ласкал мужчину, в то время как женщина брала его член в рот. Описания — то, что он случайно слышал, то, что ему потом рассказывал отец, — постоянно горели в его мозгу. Ему никогда не казались привлекательными такие занятия, он не находил их даже отдаленно возбуждающими, но боялся, что не может отвечать за будущее.

— Так ты думаешь, что похож на него?

— В первый раз, когда я дотронулся до тебя, я уже не мог остановиться. Раньше я никогда не думал, что способен на такое. Во второй раз я знал, что не должен заниматься с тобой любовью, но все же сделал это. Я хотел тебя так отчаянно, что просто забыл обо всем, забыл, что правильно и что пристойно. А в последний раз...

— Ты пытался сказать мне “нет”...

Гевин покачал головой.

— Вряд ли это больше, чем символический протест. Я хочу тебя, глубоко, безумно — прямо сейчас. Но если я действительно такой, как мой отец, то я буду... продолжать. Я устрою скандал, который заставит тетю Кэролайн, Джеймса, моих сестер и тебя пройти через настоящий кошмар. — Он вздохнул, изо всех сил надеясь, что Кира поймет его. — Когда я не с тобой, желание не преследует меня, но когда ты рядом...

В ее глазах отразилось удивление.

— Неужели ты даже сейчас хочешь...

— О да, и ты даже представить не можешь, как сильно.

— Но ты же как-то сдерживаешься...

— С трудом, и только потому, что напоминаю себе, как сильно я не хочу быть похожим на отца и как сильно не хочу причинить тебе боль.

— Но почему ты решил, что это желание — похоть, а не любовь? Может быть...

— Я не могу позволить себе быть наивным.

Кира, нахмурившись, скрестила руки на груди.

— Ты уже испытывал это... желание с кем-нибудь еще?

— Нет, — признался он. — Но, судя по тому, что рассказывал мой отец, это как болезнь. Она прогрессирует, превращаясь в нечто ужасное.

Задумчивое выражение ее лица сказало Гевину, что на этот раз Кира все же услышала его.

Внезапно она топнула ногой и сердито уставилась на него.

— Это же просто смешно! Я уже достаточно хорошо знаю тебя. Ты никогда не опустишься до того, чтобы, как твой отец, набрасываться на проститутку в парке и...

— Я также никогда не думал, что опущусь до того, чтобы соблазнить невесту своего кузена. — Гевин вздохнул. — Брак тут ничем не поможет. В конце концов ты возненавидишь меня, и, вероятно, всего лишь в половину так сильно, как я буду ненавидеть сам себя. Я не могу заставить тебя пройти через такую боль.

— А разве леди Литчфилд не вызывает этих опасных желаний?

— Ни в малейшей степени.

— Значит, на ней жениться безопасно?

— Вот именно.

— Потому что она не наполовину персиянка.

— Нет, потому что она — не ты.

Кира помедлила, глядя ему в глаза.

— Это безумие. Ты боишься не похоти — ты боишься любви. Я не останусь, если ты не можешь любить меня. Надеюсь, у тебя со вдовствующей графиней будет прекрасная, скучная, добропорядочная совместная жизнь.

Кира сделала последний шаг к двери. Теперь она уйдет и никогда не вернется.

Нет, только не это!

Гевин схватил Киру за руку и снова повернул к себе лицом. Отъезд не излечит ее; она должна понимать это. Если эта женщина любит его, как может она просто покинуть его навсегда?

В смятении, которого он не мог ни контролировать, ни объяснить, Гевин поддался волне желания, нарастающей в нем, и, наклонившись к Кире, набросился на ее губы стремительным, собственническим поцелуем. Он целовал ее страстно, пытаясь утопить ненасытное желание. Хотя Кира стояла молча, неподвижная и неуступчивая, она была такая сладкая, такая восхитительно родная... Его место с ней — теперь он был уверен в этом.

Кровь бешено бежала по всему его телу, донося поток желания до каждой клеточки. Он не хотел даже думать, как быстро она заставила его затвердеть; это не то достижение, каким можно гордиться. Главное, Кира заставляла его чувствовать гораздо больше, чем возбуждение. Ее улыбка влекла его, ее смех и острый ум притягивали. У нее не было острых граней, как у Корделии, и она не была равнодушной. Кира жила сердцем — вся страсть и вся огонь. Она должна поделиться с ним своей смелостью, чтобы он мог сделать то же самое.

Гевин искал в себе силы отстраниться и вспомнить, что он помолвлен с другой женщиной, но жажда и ненасытное желание внутри его рвались заявить свою власть над ним.

Тогда он снова накрыл ее губы своими губами, наслаждаясь совершенством ее поцелуя. Желание победило.

Гевин старался целовать Киру как можно нежнее, ласково уговаривая ее ответить. Легкое касание его губ, теплое прикосновение языка, тихий стон, нежное объятие, и она начала таять.

Чувствуя, как участился его пульс, он углубил свой поцелуй, медленно погружаясь в нее. На этот раз он смаковал их единение, ни в чем себе не отказывая; его руки скользили по ее спине, по шелковистым черным кудрям, словно он надеялся впитать ее, запомнить каждую ее частицу.

Когда Кира прильнула к нему, обвив руками его шею, огонь внутри его превратился в адский пламень. Гевин понятия не имел, как сможет погасить его, да и вообще возможно ли это. А потом ему вдруг стало все равно.

Оглушенный бурей, бушующей в его сердце, он как будто откуда-то издалека услышал тихий щелчок, и тут же ладони Киры стали отталкивать его. Тогда он удвоил убедительность своего поцелуя, слышал, как у нее перехватило дыхание, но не мог заставить себя покинуть сочное тепло, чтобы узнать, что случилось.

И тут кто-то грубо схватил его за сюртук, а затем швырнул к стене.

Оглушенный, Гевин с трудом огляделся и увидел сверкающие яростью карие глаза Дариуса Мельбурна.

— Проклятый развратник! Разве я не предупреждал тебя, чтобы ты оставил мою сестру в покое?

Гевин открыл рот, чтобы ответить, извиниться, произнести хоть что-нибудь, и тут заметил Джеймса, стоящего позади Дариуса. На лице кузена был написан неподдельный ужас. Из-за плеча Джеймса выглядывала тетя Кэролайн; ее лицо выглядело зеркальным отражением лица ее сына.

— Ах, Гевин! — не выдержав, воскликнула тетя.

И тут он увидел Киру с раскрасневшимися распухшими губами. Румянец окрасил ее щеки, она вся дрожала. Даже если они не видели поцелуй, никто из них ни на мгновение не усомнился, чем они занимались.

Проклятие! Он опять не сдержался и все испортил! Кира окончательно унижена...

Схватив Гевина за галстук, Дариус снова встряхнул его, и голова герцога с глухим звуком ударилась о стену. Боль мгновенно начала распространяться из задней части головы и охватила весь череп.

— Этого еще мало за то, что ты сделал с моей сестрой, — брезгливо бросил Дариус. — Обесчестить ее оказалось для тебя недостаточным. Ты продолжаешь преследовать Киру даже после того, как я предупредил тебя держаться подальше от нее. Неужели ты настолько не можешь противостоять своей похоти?

— Да, все обстоит именно так. — Гевин вздохнул. — Каждый Даггет подонок до мозга костей. Я сожалею.

Тетя Кэролайн в ужасе закатила глаза. Сдвинутые брови Джеймса говорили, что он все еще пытается понять.

— Так ты обесчестил мисс Мельбурн? Ты взял ее в свою постель и...

Ужас и осознание предательства, отразившиеся на лице Джеймса, сказали Гевину, что он наконец-то понял и поверил в случившееся.

— Ответь ему! — приказал Дариус.

Гевин опустил голову:

— Да, Джеймс, я действительно это сделал.

Шок, разочарование и боль исказили юное лицо Джеймса.

Закрыв глаза, Гевин позволил волне сожаления и ужаса овладеть его сознанием. Он был мерзавцем, в этом нет никаких сомнений. Но ему и так было все ясно.

— Ты... обесчестил ее и не собираешься жениться на ней? — Джеймс все еще пытался понять.

— Ваш кузен только что сообщил мне, что собирается жениться на леди Литчфилд, — негодуя сказала Кира. — Она, очевидно, более приемлема для него.

Гевин увидел слезы, дрожащие в уголках ее бесконечно синих глаз, и почувствовал боль. Проклятие, как же сильно она страдает. Он ни за что не хотел видеть ее боль. Никогда. Но он ведь объяснил, что пытался спасти ее от самого себя и полного морального разложения, к которому придет его жизнь, а она отказалась поверить ему. Как же ему убедить ее, что однажды она еще поблагодарит его за это?

— Ты не можешь так поступить! — воскликнул Джеймс.

— И я тоже так считаю, — поддержала сына Кэролайн. Кира зло посмотрела на Гевина и гордо вскинула подбородок.

— Сегодня он сделал ей предложение, и она приняла его.

— Что? — прошипел Дариус, все сильнее прижимая рукой к стене горло Гевина.

— О Господи! — Тетя Кэролайн поспешно начала обмахиваться веером.

Внезапно Дариус отпустил Гевина.

— Еще есть время исправить это. Назови секундантов. Я жду тебя на рассвете.

Тетя Кэролайн и Кира испуганно вскрикнули, а Джеймс схватил Дариуса за рукав.

— Насилие ничего не решит.

— Зато, убив вашего кузена, я определенно улучшу свое настроение.

— Силы небесные! — Тетушка быстрее замахала веером. — Гевин или кто-нибудь! Это просто ужасно. Боюсь, мне понадобятся нюхательные соли!

Никто не обращал на нее внимания. Гевин смотрел на Дариуса со всем спокойствием, какое еще сохранилось в нем.

— Дуэль только породит новые сплетни. Я не допущу, чтобы имя моей семьи трепали все светские болтуны.

— Тебе следовало подумать об этом до того, как соблазнять мою сестру. — Дариус сглотнул. — Если ты отказываешься от дуэли, я жду, что ты исправишь то, что сделал благодаря своей распутности. Женись на ней.

Боже, разве он сам не хотел этого больше всего? Мысль сделать Киру во всех смыслах своей была до неприличия соблазнительной, за исключением одной проблемы...

— Боюсь, этим я только сделаю ее еще несчастнее. Губы Дариуса презрительно скривились.

— Может быть, и так, но ты не сделаешь ее шлюхой.

— Дариус! — воскликнула Кира.

Гевин знал, что мог бы противостоять Дариусу — он был на дюйм выше и на двадцать фунтов тяжелее молодого человека и всю свою жизнь занимался боксом. Но какой смысл в драке? Дариус полон решимости поженить их, несмотря ни на что, тетя Кэролайн разочарована, а Джеймс лишился иллюзий. Кира ненавидит его, а он ненавидит сам себя.

Женитьба на Кире ничего не изменит, но по крайней мере она будет принадлежать ему, что бы ни случилось. Ее улыбки, ее страсти, ее радости и печали будут принадлежать только ему. Гевин отчаянно надеялся, что не разобьет ее сердце, когда дурная кровь Даггетов возобладает над разумом. В конце концов, он мог просто дать ей покровительство в виде своего имени и удалиться в провинцию, где разделяющие их сотни миль положат конец этому невыносимому искушению...

И все же, как это ни соблазнительно, Гевин должен был выполнить свой долг.

— Отпусти меня, — потребовал он. Дариус помедлил, его карие глаза сузились.

— Если хочешь, чтобы я задал твоей сестре определенный вопрос, ты должен отпустить меня.

Дариус все еще колебался; однако в конце концов он все же отпустил Гевина. Умный шаг. Гевину нестерпимо хотелось дать сдачи: этот молодой человек слишком нахально вмешался в ситуацию, которую не мог понять.

Поправив сюртук, Гевин подошел к Кире. Джеймс и тетя Кэролайн, давая ему дорогу, отступили назад, наблюдая за происходящим с неподдельным интересом.

Кира подозрительно смотрела на герцога своими синими глазами. На этот раз она выглядела необычной и какой-то очень хрупкой, неземной, но Гевин знал: если ее вынудить, она может быть очень сильной. Он ничуть не сомневался, что ей понадобится вся ее сила,

чтобы выжить, став герцогиней Кропторн.

Гевин огляделся, и ему показалось, что взгляды пронзают его со всех сторон. Он заварил всю эту кашу наедине, так почему бы не попытаться исправить ее в такой же манере?

— Я хочу остаться с ней вдвоем.

— Нет, — резко ответил Дариус. — Я собираюсь проследить за тем, чтобы ты сделал все правильно.

— Думаю, он прав, — поддержала тетя Кэролайн. — Было бы совершенно неприлично оставлять вас наедине. А теперь спрашивай ее.

Гевин скрипнул зубами. Предложение руки и сердца — дело очень личное, ему совсем не нужны зрители.

Но сейчас в их глазах он просто совратитель невинности, и они правы.

Выпрямившись, Гевин не спеша приблизился к Кире.

— Мисс Мельбурн, не согласитесь ли оказать мне честь и выйти за меня замуж? — Он говорил холодно и чопорно, но ничего не мог с этим поделать.

Несколько долгих минут она не говорила ничего, лишь изучала его лицо своими огромными глазами в густых ресницах. Смущение отпечаталось на ее очаровательном лице.

— Почему я должна это сделать?

— Разве вы не видите, что все присутствующие только и ждут этого? Этой семье не нужны сплетни, которые поднимутся, если я и ваш брат будем драться на дуэли. Все догадаются, что произошло, и тогда уже никто не сможет остановить кривотолки. Свадьба — единственное средство исправить эту ошибку.

Кира смотрела на него, открыв рот.

— Неужели вам больше нечего сказать? У вас нет других причин?

Разумеется, Кира хотела, чтобы он стал убеждать ее в вечной преданности, а Гевин мог признать лишь похоть, немного нежности и некоторую долю привязанности. Но любовь? Клятва, что он всегда будет только с ней? Кровь Даггетов делала это невозможным, а он не желал давать обещание, которого не сможет выполнить.

— Вряд ли я могу еще что-то сказать. — Гевин покачал головой. — Брак — это единственный способ избежать отвратительного скандала. Мы можем распустить слух, что поженились из-за вдруг вспыхнувшей страстной любви, и постараемся сыграть эту роль. Разговоры, конечно, будут, но во имя любви иногда совершаются опрометчивые браки, и общество их принимает. Мы просто заявим, что последовали такому примеру.

Кира отпрянула, не в силах оправиться от потрясения.

— Вы оскорбили меня всеми возможными способами!

— За что прошу прощения. — Он не знал, что еще ответить.

— Негодяй! — Ее глаза гневно сверкнули. — Я не выйду за вас!

— Нет, выйдешь! — угрожающе произнес Дариус.

— Я думаю, вы должны, моя дорогая, — сказала тетя Кэролайн и вздохнула.

Кира покачала головой.

— На самом деле я не вышла бы за его светлость, даже если бы он был единственным мужчиной на земле. Я хочу быть женой, а не обузой.

— Вспомни о благоразумии, сестра, — уже более спокойно произнес Дариус.

— Вот именно, — поддержал его Джеймс. — Если вы позволили Гевину познать вас в библейском смысле, значит, вы должны принять его как мужа.

Как будто не слыша их, Кира медленно повернулась к Гевину.

— Я любила вас! — Она бросила ему эти слова как обвинение. — После всего, что вы сделали, что мы сделали... — Она покачала головой, ее обуревали боль и ярость. — Я думаю, вы действительно бессердечный ублюдок.

Бросив ему в лицо эти жестокие слова, Кира выскочила из комнаты, потрясенная, ни на секунду не сомневаясь, что окончательно лишила себя счастья и надежд на будущее.

Из-за стены до нее донесся разъяренный голос брата, она побежала вверх по лестнице, испытав облегчение, только когда голоса стихли.

Услышав звук шагов, Кира поняла, что кто-то идет за ней, и, обернувшись, увидела, что миссис Хауленд, приподнимая пышные юбки и задыхаясь, поднимается по лестнице.

— Мисс Мельбурн...

Разве эта женщина не понимает, как сильно она хочет остаться одна? Кира не собиралась разговаривать ни с кем в этом доме, она просто хотела упаковать свои чемоданы и уехать, оставив весь этот кошмар позади. Но не могла же она быть грубой с почтенной дамой...

— Да, миссис Хауленд?

— Я... я не представляла... — Мисс Хауленд поднесла дрожащую руку к груди и застонала. — О, я должна извиниться перед вами...

— Извиниться? — Кира шмыгнула носом. — Вы уже сделали это.

— Нет, не то. Я чувствую себя ужасно, даже хуже, чем раньше, зная, что стала причиной вашего бесчестья.

Кира пожалала плечами. Похоже, мать Джеймса просто заговаривается, в ее словах нет никакого смысла.

— Миссис Хауленд, уверяю вас, мое бесчестье — это только моя вина.

— О нет, девочка моя. Я умоляла Гевина найти способ устранить вас из жизни Джеймса, потому что знала — моему сыну вы не подходите. В результате Гевин приложил все силы, чтобы опозорить вас и заставить уехать. А потом, о... — Она застонала, в отчаянии прижимая кружевной платок к губам.

Пожилая женщина была так взволнована, что Кира невольно пожалела ее.

— Не буду отрицать, это было не очень порядочно с вашей стороны; и все остальное, случившееся между Гевинем и мной...

— Дорогая, когда стало ясно, что вас нельзя убедить, Гевин составил план, чтобы скомпрометировать вас. В итоге план сработал даже слишком хорошо...

— Скомпрометировать меня? — Кире казалось, что ее сердце остановилось. — Так он специально старался... обесчестить меня?

— Он хотел, чтобы Джеймс застал вас в какой-нибудь компрометирующей позе и был вынужден разорвать помолвку. Тогда я считала это великолепным решением, но теперь чувствую себя просто ужасно. Вы не любили моего сына, а я не хотела видеть, как его карьера рухнет, не успев начаться. Но вы любите Гевина, и мой племянник разбил ваше сердце, я это вижу. Кто бы мог представить... Я так сожалею...

Сказать, что Кира была потрясена, услышав это, значило не сказать ничего. Сердце ее оборвалось, в горле стоял ком. Все, во что она верила, мгновения нежности и заботы, слова Гевина о ее уме и таланте — все оказалось ложью. А она-то еще удивлялась странной перемене в его поведении и вообразила, будто он решил зарыть топор войны ради гармонии в семье. Если бы она оставалась подозрительной и настойчивой, ничего этого не случилось

бы. Она всегда старалась верить в лучшее в людях; но, очевидно, куда лучше верить в худшее.

— Я понимаю, — пробормотала Кира, хотя не понимала ничего.

Гевин никогда не любил ее, ни капельки. Его дружеская болтовня за завтраком, восхищение ее музыкой, его утешения, когда ее с таким презрением оскорбили у леди Уэстленд, — все это было только игрой.

Как, должно быть, он смеялся над ней, над тем, как легко она снова и снова соглашалась согревать его постель. Неудивительно, что он никогда не собирался жениться на ней, считая ее потаскухой с самого первого момента их встречи. А она обнажала перед ним свое тело и свое сердце...

Миссис Хауленд нежно обняла Киру за плечи.

— Если бы я знала, что мои действия могут разбить чьи-то сердца, я ни за что бы не вмешалась.

Киру удивила внезапная доброта пожилой женщины, и к тому же ей так нужно было материнское утешение... Бог свидетель, за все прошедшие годы от своей матери она слышала очень мало добрых слов.

— Сердце Джеймса не разбито, — заверила она.

— Я знаю, но вы... О, бедняжка! Гевин тоже страдает.

Кира сомневалась, что это правда, но не стала спорить.

— Думаю, для всех будет лучше, если мы с братом уедем сегодня же вечером.

— Понимаю. — Миссис Хауленд кивнула, потом нерешительно произнесла: — Если это доставит вам хоть какое-то облегчение, знайте, что Гевин тоже любит вас. Может быть, он и сделал предложение леди Литчфилд, но ее-то совершенно точно не любит. Этот брак идеален в социальном и материальном плане, но больше в нем ничего хорошего нет.

Кира знала, что миссис Хауленд права, но теперь это не имело значения. Гевин так и не научился ставить свое сердце выше светских ожиданий, семейных обязательств и предрассудков. Маловероятно, что когда-нибудь это все же случится, особенно учитывая, что он соблазнил ее, решив освободить от нее жизнь своего кузена.

Ей захотелось вдруг сбежать по лестнице, распахнуть дверь гостиной и бросить в лицо негодяю свои обвинения. Но зачем? Даже если он извинится, что это изменит? Гевин все еще считает ее ниже себя. Она была достаточно глупа, надеясь, что герцог женится на племяннице графа, к тому же наполовину персиянке, когда может выбрать графиню, воплощающую в себе все достоинства настоящей английской леди.

Кира знала, что ни она, ни Гевин не смогут измениться, и ей пора смириться с тем, что сердце ее разбито, и вернуться домой.

У нее больше не осталось иллюзий; сегодня она уедет и больше никогда не увидит Гевина.

Два дня спустя Гевин, его тетья и кузен собрались на станции Юстон в Лондоне, чтобы посмотреть, как по новой железной дороге отправится в Бирмингем первый поезд. Черная глыба локомотива величаво возвышалась над собравшимися, серый дым, клубясь, исчезал в теплом голубом небе. Радостное напряжение звенело в воздухе, пока поезд неподвижно стоял, ожидая, когда все пассажиры займут свои места.

Десять часов могли показаться возмутительно ранним временем, особенно учитывая то, что Гевин всю прошлую ночь не спал, расхаживая с бутылкой в руке по опустевшему дому, в котором теперь не было Киры. Только она могла довести его до такой крайности...

— Ты когда-нибудь думал, что этот день наступит? — произнес рядом с ним Брок.

Жалея, что шляпа плохо закрывает его глаза от яркого солнца, Гевин внимательно посмотрел на друга.

— Я знал, что ты сделаешь все для того, чтобы наши усилия привели к успеху, и поэтому с удовольствием трудился рядом с тобой.

Брок улыбнулся:

— А ведь бюрократы и фермеры Нортгемптона были против нас, а еще моя собственная небольшая баррикада в Уорикшире...

Он сжал руку жены.

— Я слышала это, — предупредила она, но тут же улыбнулась Броку с любовью, бережно держа руку на немного округлившемся животе.

Гевин отвернулся. Между ними было что-то действительно особенное. Любовь. Даже тогда, когда они несколько лет назад спорили из-за приобретения Броком земли в Уорикшире, Гевин видел, что узы между ними оставались узами сердца.

Не больше чем в десяти футах перед ними Корделия разговаривала с инженером, Робертом Стивенсоном. Стильная синяя шляпка закрывала от солнца ее прекрасное лицо. Несмотря на то что всего через неделю она станет его женой, между ним и Корделией никогда не будет ничего, кроме дружбы. А Кира... Теперь это не имеет значения. С ней все хорошо, и она действительно ушла.

Гевин заставил свое внимание переключиться на блестящий новый поезд, готовый умножить его состояние, а Брок, обведя взглядом толпу, заметил, как тетья Кэролайн помахала ему, и помахал в ответ.

Внезапно Мэдди повернулась к Гевину:

— Что случилось с мисс Мельбурн и ее братом? Я думала, что Джеймс привезет свою невесту...

— Несколько дней назад мисс Мельбурн разорвала помолвку, и они уехали.

Поезд засвистел, колеса начали медленно поворачиваться, и Гевин не услышал следующих слов Мэдди. Зрители наблюдали с платформы, как поезд набирает скорость, и закричали, когда он, отойдя от станции, рванулся вперед. Паровоз пыхтел изо всех сил, дым клубами поднимался в небо. Поезд набрал скорость и вскоре исчез из виду, чтобы в конце концов остановиться на станции Карсон-стрит в Бирмингеме.

На дальнем конце платформы оркестр играл бравурную мелодию, и все вокруг улыбались; один Гевин чувствовал себя жалким и несчастным. У него получилось удалить Киру Мельбурн, но слишком дорогой ценой — ценой своей души.

— Мэдди-пышечка, мы добились успеха! — воскликнул Брок, обернувшись к жене.

Рыжеволосая кузина Гевина обвила руками шею мужа и крепко поцеловала его.

— Я никогда в тебе не сомневалась.

Брок погладил жену по щеке и посмотрел на нее полным любви взглядом. Она улыbnулась ему в ответ, а затем прошептала:

— Я люблю тебя.

Гевин отвернулся, но Брок схватил его за руку и обернулся к жене:

— Ты извинишь нас, любимая?

Мэдди кивнула:

— Пойду поговорю с миссис Хауленд.

— Отличная идея. — Компаньон посмотрел на Гевина. — Давай-ка пройдемся, а?

— Нет.

Брок пожал плечами:

— Как пожелаешь. Но если мы останемся здесь, среди толпы, я все равно спрошу тебя, почему ты такой мрачный.

— Последствия прошлой ночи.

— Правда? — Брок подозрительно посмотрел на Гевина. — Как я слышал, мистера Дариуса Мельбурна считают героем после того, как он спас двух юных девушек из лап лорда Венса. Весь Лондон гудит, обсуждая незаконные дела этого мерзавца.

Гевин уже и сам прочел об этом в газетах. Само собой разумеется, его имя тоже упоминалось, но именно Дариус выследил лорда Венса, узнал о его намерениях и разработал план, как отдать его в руки правосудия.

— Полагаю, ты у нас тоже немного герой.

Гевин только хмыкнул.

— Нет, я не герой.

— Скромный и угрюмый. Ну надо же! — Брок посмотрел через плечо Гевина на платформу позади него. — О, вот и мисс Мельбурн.

Умирая от желания хоть мельком увидеть ее, Гевин резко обернулся и стал искать Киру в толпе, собравшейся посмотреть на новейшее железнодорожное чудо, однако вместо нее увидел Корделию, надменно беседующую с лордом Дархерстом. Ни намек на элегантную фигуру Киры и никаких черных как смоль волос, выглядывающих из-под шляпки. Ничего.

— Возможно, я ошибся, — протянул Брок, на лице которого застыла понимающая улыбка.

Гевин выругался.

— Думаю, кто-то тут охвачен страстью.

— Только не я, — запротестовал Гевин.

— Отрицание — весьма распространенный симптом любви.

— Я не люблю ее. — Гевин стиснул зубы, желая только одного — чтобы Брок поскорее заткнулся. — Просто никак не заставлю себя держать руки подальше от нее. Она как лихорадка, болезнь, которую я не могу контролировать.

Брок рассмеялся.

— Почему ты считаешь, что это не любовь?

Гевин мрачно посмотрел на друга. Глупый вопрос!

— Тебе ведь нравится с ней разговаривать? — спросил Брок.

Гевин кивнул, и уголки его губ сами поползли вверх.

— С Кирой не надо догадываться о том, что она чувствует. Она такая... страстная во всем. Не думаю, что когда-нибудь в жизни я встречал кого-то, похожего на нее.

Брок продолжал улыбаться.

— Ты скучаешь по ней. Честно говоря, это написано у тебя на лице.

Гевин действительно скучал по ней — ужасно. Каждая минута тянулась словно год. Странная меланхолия высасывала всю его энергию и лишала сна.

— Этого я не могу отрицать.

— И она заставляет тебя чувствовать то, чего не бывает ни с кем другим?

— Да, это самое странное. Когда Кира рядом, даже солнце становится ярче. Она заставляет меня чувствовать то, чего я и представить не мог. — Он вздохнул. — Все так чертовски запутано...

— Понимаю. — Брок кивнул. — Ты желаешь ей счастья, даже если это означает, что она проживет остальную жизнь без тебя?

Гевин нахмурился.

— Разумеется, я не хочу, чтобы Кира была несчастлива.

Это единственная причина, по которой он отпустил ее после того, как она отказала ему. Гевин не сомневался, что Кира презирала бы жизнь, став его герцогиней и столкнувшись с его распутством и похотью.

— Но ты хочешь, чтобы она была с тобой?

Гевин вздохнул:

— Хочу и даже очень. Я пытался заставить ее остаться, предложил ей стать моей любовницей...

Брок снова улыбнулся.

— Без сомнения, она сочла это предложение не слишком лестным.

— Точнее, она дала мне пощечину.

Неожиданно Брок разразился громким хохотом, перекрывшим на мгновение звучащую отовсюду музыку, отчего Гевин стал еще раздражительнее.

— Что-то я не нахожу это смешным.

— Ты просто не можешь связать все вместе, друг мой.

Гевин мрачно сдвинул брови.

— Что ты хочешь этим сказать?

— У тебя присутствуют все симптомы любви.

— Неужели? На самом деле каждый раз рядом с ней я как будто теряю рассудок, забываю, что правильно, а что нет...

— Это все прекрасно объясняет. Любви все равно, считается объект твоих чувств благородным или нет. Голова и сердце тут противоречат друг другу.

Гевин нахмурился. Неужели все так просто? Неужели любовь объясняет все?

— Но то, как сильно я хочу ее, не похоже ни на что. Это настоящее безумие.

— Влюбленный мужчина готов на что угодно, чтобы завоевать свою даму. Кажется, я уже говорил тебе это.

Действительно говорил. Вопрос лишь в том, как эта ситуация подходит к нему? Все мысли Гевина перепутались, превратившись в безнадежный клубок желаний и страхов. Смел ли он надеяться?

— Ах вот вы где! — окликнула молодых людей Корделия, которая, стоя неподалеку, опиралась на руку молодого мистера Стивенсона. Сияющий от радости отец инженера стоял

рядом. Молодой человек благоговейно смотрел на Корделию, и она жеманно улыбалась ему.

Это зрелище удивило Гевина. На него Корделия никогда так не смотрела, и ему даже казалось, что она вообще не способна на кокетство.

Раздавшийся позади них смех заставил Гевина перевести взгляд на Дархерста, наблюдавшего за Корделией с насмешливой улыбкой. Он был ее поклонником, и Гевин понятия не имел, почему она постоянно отвергала графа.

Пожав плечами, Брок повернулся к Корделии:

— Миледи?

— Разве это не грандиозно? — спросила она. — Как быстро двигался поезд и какой он красивый! Ваш паровоз просто чудо, мистер Стивенсон!

Роберт с гордостью улыбнулся. Корделия встретила с ним взглядом, потом посмотрела на Дархерста, и на ее щеках расцвели розы.

Стесняется и краснеет? Невероятно! Кто же вызвал это, Стивенсон или Дархерст? И должно ли его это волновать? Гевин был откровенно заинтригован.

— Вы готовы ехать? — спросил он.

— Уже? — Корделия улыбнулась своему спутнику и снова через плечо бросила долгий взгляд на Дархерста.

— Думаю, нам с вами нужно многое обсудить.

Искрящиеся звездочки исчезли из ее глаз.

— Вы правы. Извините меня, мистер Стивенсон.

Корделия убрала руку с локтя молодого человека, и Стивенсон изящно поклонился.

— До скорой встречи.

— Да, до встречи.

Уголкем глаза она бросила на Дархерста прощальный взгляд и повернулась к нему спиной. Пожав плечами, Гевин взял Корделию под руку и направился прочь с платформы. Когда они уселись в экипаж, наблюдая, как тетя Кэролайн с Джеймсом идут к карете, музыка стихла, и тетя помахала ему, а Джеймс сделал вид, что не замечает Гевина.

Экипаж тронулся, и Гевин сделал глубокий вдох.

— Странно, почему мистер Хауленд не в духе? Все еще страдает из-за потери невесты?

— Нет. — Теперь настало подходящее время сказать ей правду. — Страдает не он, а я.

Корделия удивленно уставилась на него.

— Вы страдаете по мисс Мельбурн? Я подозревала, что она заигрывала с вами, но страдать...

— Не совсем так. — Гевин откашлялся, радуясь, что движение заставляет его все время смотреть вперед. — Я чувствую, что должен сообщить все обстоятельства, чтобы вы могли лучше обдумать свое будущее.

— Так вы что, не хотите жениться?

— Я просто хочу, чтобы вы выслушали.

Корделия медленно кивнула.

— В последние несколько недель мы с мисс Мельбурн проводили очень много времени вместе, и я сильно привязался к ней.

— Понимаю. — Корделия сглотнула. — Вы любите ее?

Опять это слово. Гевин поморщился, но ответил честно:

— Я знаю только, что чувствую... привязанность к ней, такую, какой никогда в жизни не испытывал. Было бы нечестно с моей стороны жениться на вас, не сделав это совершенно

ясным.

На самом деле он вообще не хотел жениться на Корделии, но предложение уже было сделано, и Корделия приняла его. Он должен сдержать слово, если только она сама не решит по-другому.

Откинувшись на спинку сиденья, Корделия несколько раз быстро моргнула, как будто пытаюсь понять...

— Она уехала из вашего дома?

— Да.

— И это делает вас несчастным, как я вижу. — Корделия в замешательстве смотрела на него. — Думаю, вы действительно любите ее.

Гевин пожал плечами. Возможно, так оно и есть. Он никогда раньше не влюблялся и не мог быть уверен, но эта мысль начинала казаться странно, чудесно возможной.

— А я и не думала, что вы способны кого-то полюбить. Теперь вы решили жениться на ней и поэтому завели этот разговор?

Гевин резко выдохнул, не зная, что сказать.

— Не уверен, что это возможно.

Корделия вскинула брови.

— Из-за скандала?

— Теперь доказано, что лорд Венс негодяй, но я не уверен, что сплетни о Кире со временем забудутся.

Корделия молчала, размышляя.

— Принимая во внимание ужасные рассказы жертв лорда Венса, я уверена, ваша избранница найдет сочувствие во многих домах.

Этот ответ звучал многообещающе, но Гевин не торопился сдаваться.

— Увы, это не единственная преграда.

— Вы против брака с ней, потому что она персиянка?

— Наполовину персиянка, — поправил он.

— Да, но все же персиянка в определенной степени. Значит, вы все же не хотите жениться?

На этот вопрос было трудно ответить. Гевин противился мысли, что только предубеждение не позволяет ему следовать велению сердца, если он на самом деле любит ее.

— Когда я с ней, то забываю о ее происхождении. Для меня она просто Кира.

Корделия прищурилась.

— Свет сочтет герцогиню-персиянку... странной.

— Возможно, если они лучше узнают ее, то смогут судить о ней просто как о женщине? У нее доброе сердце; так почему ее происхождение должно иметь значение?

— Если все это правда, почему вам все же не жениться на ней? Ваша семья против?

Улыбка тронула уголки губ Гевина.

— Я с уверенностью могу сказать, что они все за.

Корделия помедлила.

— Я могу придумать только одну причину, почему они настаивают на вашей женитьбе...

Чувствуя, как пылает его лицо, Гевин не отрываясь смотрел на дорогу впереди.

— Ну... Впрочем, не говорите ничего. Вина целиком на мне. Она была невинна во всех

смыслах этого слова.

Удивление тут же исчезло с лица Корделии, и оно стало привычно холодным.

— Вы должны жениться на ней.

— Но... я не уверен. Что, если она мне откажет?

— После того как вы скомпрометировали ее? Ваше положение во всех смыслах выше, чем ее, — вы богаты и из хорошей семьи. Ваша внешность ни в коем случае не оскорбит глаз, и вы не обладаете характером людоеда.

Гевин на мгновение оторвал взгляд от дороги и пристально посмотрел на свою спутницу.

— Не эти ли причины побудили вас согласиться выйти за меня?

— Да, и еще наша дружба.

— И вы бы не хотели большего от брака, если бы могли найти это большее?

— Вы имеете в виду любовь? — Корделия пожалала плечами. — С лордом Литчфилдом я не нашла ничего подобного. Он был на пять лет старше моего отца и предпочитал общество своих вонючих охотничьих собак. Но у нас была обеспеченная жизнь, а много ли невест мечтают о большем? Не примите это как оскорбление, но я считала, что брак с вами будет чем-то похожим, исключая собак, разумеется.

— Так вы не любите меня? — Гевин затаил дыхание. Корделия прикусила губу. Никогда раньше он не видел эту женщину такой неуверенной, но ведь они и не говорили никогда так откровенно.

— Вы очень милый, милый друг, но... нет.

Гевин улыбнулся — в первый раз за много дней.

— Вы хотели стать герцогиней.

Лицо Корделии изобразило раскаяние.

— Идея была очень заманчива.

— Была?

— Видите ли, теперь я окончательно поняла, что мы с вами не подходим друг другу. Тот ужасный поцелуй после нашего разговора доказал это, вы так не думаете?

— Неужели я был настолько плох?

— Откуда мне знать? Я как будто целовала стену...

Гевин улыбнулся и потер подбородок. Да, вероятно, это действительно так и было, а все из-за того, что в этот момент он думал о Кире. Может быть, он и правда влюблен?

Кучер остановил лошадей перед домом Корделии и поспешил помочь ей спуститься, но прежде чем выйти, она с улыбкой повернулась к Гевину:

— Может быть, вам все же удастся убедить мисс Мельбурн в том, что вы любите ее...

С этими словами она покинула экипаж.

— Подождите!

Корделия оглянулась через плечо, и Гевин, взяв тонкую руку в шелковой перчатке, поцеловал ее.

— Поверьте, я высоко ценю вашу дружбу.

— И всегда можете рассчитывать на нее. — Корделия снова улыбнулась и затем направилась к дому.

Следующие четыре дня Кира провела, не выходя из дома. Она ненавидела Лондон, но плохая погода не позволяла ей уехать — после сильных дождей дороги превратились в грязное месиво.

Да и куда ей ехать? В Суффолке все считают ее шлюхой. Если она вернется незамужней, местное общество только еще больше будет насмехаться над ней, а она и так уже устала от оскорблений.

Будь все проклято! Что же ей теперь делать? Влюбившись в Гевина, она потеряла свое сердце ради никчемного мужчины. И все же Кира не жалела, что отказала Джеймсу вряд ли они были бы счастливы вместе. Главное несчастье заключалось в том, что ее своенравное сердце разрушило надежды на единственную вещь, о которой Кира мечтала с детства — найти настоящий дом, устроить свою жизнь там, где люди забудут, что она другая, и просто примут ее. Теперь ей было некуда идти.

Вздыхая, Кира стояла у окна, наблюдая, как крупные капли дождя пролетают вдоль окон гостиной. Будет ли она когда-нибудь счастлива? Сможет ли обрести любовь с мужчиной, который полюбит ее, найдет ли место, где сможет оставаться самой собой, где ее примут, несмотря на мать-персиянку и все прочее? Даже если и так, Кира сомневалась, что сможет когда-нибудь отдать кому-то свое сердце, как она отдала его Гевину. И еще она боялась, что, куда бы она ни уехала, ее репутация будет следовать за ней по пятам.

Итак, ей суждено остаться старой девой с разбитым сердцем и до конца дней своих выслушивать, что она распутная женщина, да к тому же язычница. Почему люди не могут примириться с обстоятельствами, которые она не в силах изменить? Почему просто не попытаются узнать ее настоящую? В сущности, она ведь ничем не отличается от них.

Кира встряхнула головой, стараясь избавиться от чувства бессильного разочарования. Накануне они с Дариусом получили известие, что их странствующий отец скоро прибудет домой. Если Дариус расскажет ему о ее недозволенной любовной связи с Гевинном, он определенно будет разочарован. Но все это ничто в сравнении с болью ее разбитого сердца и уничтоженным будущим. Начавшиеся утром месячные должны были бы принести ей облегчение, но они означали окончательную гибель всех возможных уз, связывающих ее с Гевинном.

И все же Кира знала, что он навечно оставил в ее жизни свой след.

В это мгновение в комнату вошел Дариус, неся груды визитных карточек и почту. Взглянув на сестру, он поспешно подошел к ней.

— Кира, не грусти. Ты не можешь продолжать жить в таком унынии. Я знаю, он причинил тебе боль...

Ей не нужно было спрашивать, кто этот “он”.

— Я была наивна и сама позволила ему...

Дариус нахмурился, очевидно, не понимая ее.

— Я так сильно хотела поверить в доброту и любовь Гевина, что забыла об осторожности. Мне некого винить, кроме самой себя.

— Нет! — Дариус взял ее за плечи. — Ты должна винить Кропторна! Он не невинный младенец и должен был знать — флирт разобьет твое сердце.

Кира не сказала брату, что Гевин намеренно соблазнил ее — это только еще больше

распалило бы его гнев.

— Проклятие, сестра! Я знаю, что ты любишь этого распутника, но не освобождай его от...

Кира подняла руки, словно защищаясь.

— Остановись! Мы виновны оба, и теперь мне придется жить со своей частью вины.

Дариус скрипнул зубами.

— Пожалуйста, позволь мне вызвать его на дуэль, и пусть пуля излечит его испорченную мораль.

— Или убьет, — возразила она.

— В чем же здесь проблема?

— Он может убить тебя. — Кира покачала головой. — Пусть уж лучше все останется как есть.

— Но...

— Пожалуйста, я прошу.

Дариус вздохнул.

— Не знаю, удастся ли мне удержаться. Лори сказал, что этот негодяй снова приходил сегодня, чтобы увидеть тебя. Чего он хотел?

Кира пожала плечами. Господи, как она устала. Вся эта печальная история тяжелым грузом легла на нее. А еще грусть, и боль, и сожаление... К тому же она все еще любила Гевина...

Кира потерла усталые глаза.

— Я понятия не имею. Ты отказал ему вчера, а я отказала сегодня.

— Ты сказала ему, чтобы он не смел возвращаться?

— Дариус, пожалуйста! Скоро Гевин устанет от отказов и прекратит преследовать меня. Он не любит меня.

Кира пыталась закалить себя — свое сердце — против этой правды.

Дариус нахмурился и крепко обнял ее. Он был таким родным, таким близким, что Кира растаяла в его объятиях, и ей пришлось бороться с вновь подступившими слезами.

— Кроме того, что он распутник, он еще и идиот.

Кира усмехнулась сквозь слезы.

— Что ты знаешь о сердечных делах? Ты же никогда не влюблялся.

— И молю Бога, чтобы этого никогда не случилось.

Кира поцеловала брата в щеку.

— Обязательно случится. Однажды какая-нибудь сладкая девушка захватит тебя и уведет от меня.

— Сладкая? — Он поморщился. — Мы говорим о женщине, а не о пирожном.

Кира не могла удержаться от смеха.

— Вот и улыбка. — Он отпустил ее и начал собирать почту со стола. — Интересно, что нам пришло?

Кира искоса взглянула на него.

— Не думаю, что там есть что-то срочное.

— Тогда почему приглашений так много? — Дариус стал перебирать конверты. — Ты знаешь герцога и герцогиню Ладлоу?

— Нет. А ты?

— Никогда не встречал. — Он распечатал конверт и начал читать.

— Ну что там?

На лице Дариуса появилось недоверчивое выражение.

— Кажется, мы приглашены на ежегодный бал.

— Странно. Ты уверен, что это не ошибка?

Дариус внимательно осмотрел конверт.

— Вроде все точно. Вообще-то тут много и других приглашений. — Вдруг он запнулся. — А вот что-то от нашего дяди.

Со смешанными чувствами Кира смотрела, как Дариус распечатал письмо и стал читать. Она просто не знала, чего ожидать.

— Что именно? — Кира заглянула через плечо брата. Дариус сложил письмо и вздохнул, потом потер затылок, и Кира поняла, что он чем-то смущен.

— Наш дядя считает, что я герой, и хочет устроить в мою честь прием. Вот чертовщина!

Кира улыбнулась. Ради нее Дариус совершил нечто очень смелое и самоотверженное, и ей нравилось, что другие люди тоже высоко ценят это.

— Это же просто чудесно!

Дариус с укором взглянул на сестру.

— Я преследовал лорда Венса, чтобы доказать твою невиновность, а не чтобы стать героем.

— И все равно это героизм. Почему бы не позволить свету похвалить тебя за это?

Дариус нахмурился.

— Гораздо больше они гордятся сами собой. — Он покачал головой. — Мы не пойдем.

— А я думаю, мы должны пойти. Если прием в твою честь, как ты можешь отказаться?

Дариус пожал плечами и снова начал перебирать почту.

— Это из Персии, для тебя. — Он протянул ей конверт.

У Киры замерло сердце.

— Неужели от мамы? — Дрожащими руками она взяла письмо и открыла его. Мать несколько лет не имела с ними никаких контактов, и Кира уже решила, что они с Дариусом просто перестали быть частью ее жизни. Возможно, она ошиблась. Внутри у нее все затрепетало, когда она начала читать письмо.

Оно было очень длинным, больше десяти страниц. Мать писала о себе и спрашивала об их жизни. Когда Кира подняла голову, на бумагу, размывая чернила, капнула слеза.

— Что там говорится? — допытывался Дариус.

— Мама пишет, что скучает по нам. — Кира шмыгнула носом, стараясь, чтобы голос не подвел ее. Слишком много переживаний обрушилось на нее в последнее время. Она не получала от матери ни строчки почти пять лет, и это письмо явилось для нее очень желанным.

А вот Дариус выглядел равнодушным. Ему едва исполнилось семь, когда отец вернул их из Персии в Англию. Брат скорее всего мало что помнил о матери. Но Кира помнила.

— Мама считает, что самой большой ошибкой ее жизни было то, что она покинула нас.

— Жаль, что только теперь, когда мы выросли и больше не нуждаемся в ней, она это поняла.

Кира тронула брата за руку.

— Ну хватит! Я уйду в мою комнату, хочу немного подремать. Только бы дождь кончился до вечера. Меня уже тошнит от этого дождя.

Дариус кивнул, и Кира вышла из комнаты. Ей хотелось еще раз наедине перечитать то

место, которое тронуло ее больше всего. Мать писала:

“Много лет назад я говорила тебе, моя дорогая дочь, что невозможно смешать разные культуры, но годы и мудрость заставили меня усомниться в этих поспешных словах. Смешение культур может привести и к чему-то замечательному. Вы с Дариусом доказали это. Я сожалею, что покинула Англию раньше, чем поняла: ключ к признанию и пониманию находится в нас самих”.

Кира снова перечитала эти строки. Что мать имела в виду? И что значит: “ключ к признанию находится в нас самих”? Всем сердцем она хотела, чтобы мама была сейчас с ней — тогда она смогла бы сама спросить ее.

Чтобы не видеть дождь, Кира задернула шторы и легла на кровать, уютно свернувшись на белом стеганом покрывале. Запах влажной земли и сырого воздуха убаюкивал ее, и она закрыла глаза.

Несколько долгих минут она слушала свое дыхание. Обычно этого было достаточно, чтобы заснуть, но сегодня беспокойные мысли мешали ей расслабиться.

“Я никогда не буду настоящим английским денди. Ну и что такого? Что плохого в том, чтобы быть другим? Не позволяй никому говорить тебе, что это плохо”. Ей вспомнились слова брата. Какое счастье, что его происхождение ничуть не тревожит. На самом деле люди редко укоряли этим Дариуса, хотя ее они донимали постоянно. Почему? Неужели только потому, что он мужчина?

“Ключ к признанию лежит в нас самих”. Слова матери искрой вспыхнули в ее мозгу. Возможно, дело в том, что Дариус никогда не позволял себе тревожиться из-за персидской крови — он уже усвоил урок, который мать поняла через столько лет.

Кира с нежностью вспомнила время, проведенное в Персии. Они часто спали в шатрах, и красивый голос матери пел ей колыбельные песни. Каждую ночь они с Дариусом выглядывали наружу, чтобы полюбоваться на широко распахнутое небо и мерцающие над головой звезды. Утром они, переехав на новое место, начинали жизнь заново, но при этом Кира чувствовала уверенность, потому что ее всегда сопровождало пение матери и ее уроки музыки. Она видела вещи и встречала людей, которых обычные англичанки не увидят никогда. Тогда почему она должна чувствовать себя ниже этих людей из-за того, что выросла, понимая Восток и Запад и с радостью принимая все хорошее, что есть в них?

Кира нахмурилась. Действительно, почему? Если она принимает себя, свои отличия, с какой стати мнение других должно иметь для нее значение? Ее мать была из другой страны, а не с другой планеты. И даже если бы мама была с Луны, она все равно не смогла бы изменить этого.

Кира решительно встала и поспешила к стоящему в комнате небольшому секретеру, чтобы написать матери благодарное письмо. Ключ к признанию лежит в ней самой, и теперь она понимала это. Она не позволит миссис Бейклиф или этим леди Уэстленд, леди Литчфилд нарушить ее покой. Да, она наполовину персиянка, но в этом нет ничего плохого.

Он любит Киру? Боже, помоги ему! Сколько Гевин ни думал, он так и не смог прийти ни к какому другому выводу. Он думал о ней по меньшей мере десять раз в минуту, скучал по ней так, что боялся сойти без нее с ума. Он был готов пренебречь общественным мнением и всем, что ему дорого, лишь бы назвать ее своей.

Увы, теперь она не хочет разговаривать с ним, и что с этим делать, он просто не знал.

Гевин ходил взад-вперед по кабинету, периодически останавливаясь, чтобы глотнуть бренди. Кого волнует, что еще нет и двух часов пополудни? У него уже давно половина черт знает какого.

Он не мог больше уклоняться от правды: все дело в его упрямстве. Он обдумывал все негативные последствия женитьбы на Кире, прежде чем взвесить все хорошие, и был слишком надменным, считая, что наполовину персиянка не может стать женой английского герцога. Теперь это звучало для него просто глупо. К тому же Кира наполовину англичанка. Почему он не подумал об этом раньше? Она стала бы его прекрасной герцогиней. Проклятие, да будь она хоть наполовину зулуской — разве ему не все равно? Она была чудесной, и он любил ее.

Но теперь все шансы на счастье, похоже, ускользнули. Гевин тяжело вздохнул. В конце концов ему все же придется найти себе другую невесту. Он герцог, и это его долг перед семьей. Свой главный шанс он уже упустил и вряд ли мог надеяться, что когда-нибудь полюбит другую женщину так, как любил Киру.

Выругавшись, Гевин швырнул хрустальный бокал в камин, но это не помогло ему успокоиться. К счастью, в этот момент звук шагов в холле привлек его внимание. Он обернулся и увидел тетущку Кэролайн.

— Господи, Гевин! Ты не болен? Надеюсь, ты не поранился? — Голубые глаза тетущки с тревогой смотрели на него.

— Нет, тетя, со мной все в порядке.

Кэролайн некоторое время колебалась, потом медленно закрыла дверь и подошла к племяннику.

— Ты пьешь уже несколько дней.

Гевин старался не смотреть ей в глаза.

— Усталость, вероятно. Все пройдет.

— Я всегда учила тебя, что лучше не лгать мне. — Кэролайн неодобрительно нахмурилась. — Мы не разговаривали с того дня, как уехала мисс Мельбурн.

— Нам нет нужды говорить о ней сейчас. Я знаю, что вы думаете на этот счет.

— А я уверена, ты об этом и понятия не имеешь.

Его тетущка никогда не уйдет, пока не выскажет все, что накопилось у нее на душе; это Гевин очень быстро усвоил, но раз уж Кира никогда не будет его женой, он мог позволить себе горевать о своей утрате в одиночестве. Сейчас он чувствовал, что должен выпить еще...

Пройдя по зеленому пушистому ковру к небольшой горке, Гевин достал новый бокал, налил на палец бренди и повернулся к тете Кэролайн.

— Налакался? — Ее голос был не менее резким, чем выражение лица.

— Я готов выслушать ваше мнение.

— Я вижу. Ну хорошо. Так вот, когда Джеймс привез мисс Мельбурн в Норфилд, я была потрясена и, разумеется, не одобряла ее скандальную репутацию. Она не любила моего сына, и он не любил ее.

— Это правда.

— Джеймс счастлив, угождая другим, отдавая всего себя своему делу. Его репутация как священника, так же как и репутация жены, которую он выберет, должна быть безукоризненна.

— Согласен.

— У Джеймса не такая сильная натура, как у тебя, и довольно нежное сердце. Если бы

он женился на мисс Мельбурн, то очень скоро узнал бы, и очень жестоким способом, что общество не умеет ни понимать, ни прощать. Его стали бы сторониться, избегать его проповедей, и твой кузен был бы просто убит.

— Вероятно, да. — Гевин глотнул бренди и посмотрел на тетюшку мутным взглядом.

— С другой стороны, ты мог бы выдержать любопытные взгляды и пренебрежительное отношение, которое вызовет женитьба на такой женщине.

Только потому, что он любит ее. Если бы не проклятое наследие Даггетов, которое в конце концов принесло бы им обоим позор и страдания, он бы умолял ее сегодня же обвенчаться с ним. Но он все же должен думать о своей семье.

— Тетя Кэролайн, я ценю ваши чувства, но было бы несправедливо заставлять вас еще раз переживать скандал.

— Чепуха! Разумеется, мне могут не нравиться подобные обстоятельства, но чтобы видеть тебя счастливым, я сотню раз пережила бы их.

— Правда? — Гевин был приятно удивлен. Возможно, тетя больше не вспоминает об ужасных поступках его отца. — Это очень гуманно с вашей стороны, но я все равно не женюсь на мисс Мельбурн.

— Почему нет? Она любит тебя.

Она говорила, как если бы... Нет, это невозможно.

— Вы действительно хотите, чтобы я женился на ней по этой причине? Не потому, что я обесчестил ее?

Тетя улыбнулась:

— Я видела, как ты целовал ее. Нельзя ошибиться в том, как ты смотрел на нее, когда она уходила из гостиной в то утро. Я думаю, ты любишь ее, и в самом деле хочу, чтобы ты женился на ней.

Теперь Гевин верил, что действительно мог быть счастлив с Кирой, если бы проклятие Даггетов позволило это. Но...

— Ну так что? — настаивала Кэролайн.

Он нахмурился.

— То есть?

— Ты любишь ее?

Гевин вздохнул. Теперь уж что толку бороться с правдой и хранить секреты?

— Да. Тетя Кэролайн просияла.

— И ты уже сказал ей это?

— Нет. Я несколько раз пытался встретиться с ней, но она не хочет меня видеть.

Тетюшка на мгновение задумалась.

— Полагаю, мне не следовало говорить ей, что ты намеренно старался соблазнить ее, чтобы заставить разорвать их с Джеймсом помолвку.

— Что?

У Гевина словно оборвалось сердце. Неудивительно, что Кира отвергала все его попытки. Признание тети Кэролайн вбило последний гвоздь в гроб их любви.

Вздохнув, Гевин закрыл глаза.

— Зачем вы рассказали ей?

— Я пыталась извиниться — она помогла вернуть Джеймса домой, разорвав их помолвку. У многих женщин не хватило бы смелости пожертвовать своей репутацией и видами на будущее во имя любви.

Кэролайн была права, и Гевин почувствовал себя еще ужаснее перед лицом правды. А чем он пожертвовал ради любви?

Ничем.

Неудивительно, что Кира спрашивала, где его сердце. Она знала, что он не слушает его.

— С того самого дня, как вы рассказали ей это, Кира отказывается разговаривать со мной, — печально заметил он.

Кэролайн нахмурилась.

— Продолжай пытаться. Она смягчится. Правда, это может потребовать от тебя больше, чем коробку конфет или извинения.

— Бог свидетель, я и должен ей гораздо больше, — признался Гевин.

— Это точно, но ты ведь умный человек. Ты найдешь способ.

Гевин бросил рассеянный взгляд на белый лепной потолок. Он совсем не чувствовал себя умным, а вот Кира... Как женщина, на семь лет моложе его и почти без всякого жизненного опыта, могла понять нечто столь сложное, как любовь, когда он сам этого не смог?

Кира была особенной, и это еще одна причина, по которой он любил ее и не хотел видеть страдающей.

— С женитьбой на Кире все не так просто, — наконец признал он. — Тут дело в... моем отце.

Тетя Кэролайн нахмурилась.

— В твоём отце? Ты имеешь в виду его поведение?

— Да. — Гевин сглотнул. — Он не мог контролировать себя, когда дело касалось низменных наслаждений.

Кэролайн, прищурившись, смотрела на племянника, явно обдумывая его слова.

— Думаешь, ты такой же, как он?

Гевин кивнул. Было чертовски стыдно признаться женщине, которая заменила ему мать, что он не может найти ни одной разумной мысли, когда Кира рядом.

Неожиданно Кэролайн рассмеялась:

— О, Гевин, ты ничуть не похож на своего отца!

Возможно, она не поняла.

— Я боюсь, что вы ошибаетесь. Я соблазнил Кир... мисс Мельбурн, несмотря на ее помолвку с Джеймсом.

— Знаю.

— Несмотря на мой здравый смысл и рассудительность.

Она кивнула.

— Я... скомпрометировал ее, и не однажды.

Губы тетушки изогнулись в улыбке.

— Тогда тебе лучше поскорее повести ее к алтарю.

Нет, все же женщины иногда такие непонятливые...

— Вы не думаете, что это говорит об ужасном недостатке самоконтроля? Отец часто рассказывал мне в деталях о своих пьяных оргиях и о том, какое удовлетворение он находил в них. Во время этих... эпизодов он забывал все — время, место, нравственность, здравый смысл. Я никогда не понимал этого до Кире.

Кэролайн скрестила руки на груди.

— Боюсь, мой отказ говорить о скандалах твоего отца привел тебя к ужасным выводам

и забил тебе голову всякой чепухой.

Сердце Гевина учащенно забилося.

— Что вы имеете в виду?

— Ричард был моим братом, и я любила его, но у него никогда не было ни моральных устоев, ни здравого смысла. Возможно, ты был слишком юн, чтобы понять это. — Кэролайн вздохнула. — В пятнадцать лет его выгнали из Йтона за мошенничество и пьянство.

— Правда?

Неужели его отец проявил признаки беспутной жизни так рано?

— Да. Мистер Хит, тогдашний ректор Йтона, сказал, что Ричард был одним из самых буйных студентов. И это был только один из многих скандалов. В чем в чем, а в скандалах твой отец определенно преуспел, и в конце концов они привели его к смерти — в социальном смысле. Ты же никогда не проявлял никаких склонностей к бесчинствам. Я даже боялась, что ты проживешь свою жизнь слишком аскетично.

— Но отец всегда говорил, что извращенность у него в крови и что кровь обязательно проявится. Я знаю, он был не единственным предком, который...

— Да, таких у тебя в роду было несколько. — Тетя Кэролайн обняла Гевина за плечи. — Но, дорогой, в какой английской семье с такой долгой историей, как наша, в фамильной галерее не висят портреты одного-двух мошенников? Если бы респектабельность была необходима для ответственности, Георг Четвертый не был бы нашим королем и пяти минут.

Гевин нахмурился, стараясь осмыслить то, что сказала тетя.

— Значит... вы не думаете, что у меня дурная кровь и что я проклят?

Кэролайн спрятала улыбку.

— О Господи, конечно, нет! Твой отец хотел верить в такие вещи потому, что это было удобным оправданием его поведения. Если он уже проклят, зачем стараться сдерживать себя? — Она погладила его по плечу. — Правда в том, что он любил твою мать, а она вышла за него, потому что так приказала ее семья. Однако ходили слухи, что она любила лихого армейского офицера, а ее отец, очень чопорный граф, считал, что тот недостаточно хорош для его дочери. Офицер погиб в войне с Наполеоном, и сердце твоей матери было разбито. Потом она вышла за твоего отца, но он так и не смог завоевать ее, и как будто сошел с ума: его поведение вышло из-под контроля и стало абсолютно шокирующим.

— Почему? Я не понимаю. Он запятнал репутацию нашей семьи.

— Да, это так, но я думаю, в действительности он хотел, чтобы твоя мать страдала не меньше его. Ты знаешь, какой сдержанной она была. Думаешь, это совпадение, что она умерла всего через несколько недель после скандала?

Если честно, Гевин всегда так и считал.

— Вы хотите сказать, что она покончила с собой?

— Нет, Боже мой, нет! Она бы попала за это в ад. Но мне кажется, она хотела умереть. В ту зиму она постоянно занималась благотворительностью, проводила много времени в госпиталях, где подхватила крупозное воспаление легких. Думаю, она хотела, чтобы так случилось.

Гевин молчал, потрясенный. Неужели невоздержанность его отца была вызвана горем, а не безумием и это любовь без взаимности вынуждала его причинять боль себе и всем вокруг него? Теперь, когда Кира показала ему силу любви, Гевин начал понимать, каким мощным может быть этот стимул.

— Так, значит, вы не верите в существование проклятой крови Даггетов?

— Смотря что под этим понимать. В крови у Даггетов ум, сердечность и очарование. Твой отец использовал их неблагоразумно, почти так же, как лорд Венс. То, что ты будешь делать со своим “проклятием”, зависит от тебя, но я возлагаю на тебя большие надежды. После встречи с мисс Мельбурн ты очень изменился; думаю, ты стал лучше, полюбив ее.

— Она показала мне мое сердце, — признался он.

— Да, ты прав. — Кэролайн улыбнулась.

Гевин благодарно чмокнул ее в розовую щеку.

— Спасибо, тетушка.

— Пожалуйста, мой милый мальчик. — Она обняла его. — Кстати, хотя мисс Мельбурн “не было дома”, когда ты приходил к ней, я получила приглашение в ближайшую пятницу присутствовать на приеме лорда и леди Уэстленд, который устраивается в честь героических деяний мистера Дариуса Мельбурна. Я не представляю, чтобы Кира могла пропустить возможность увидеть, как ее брата чествуют в качестве героя. А ты?

С этими словами тетя Кэролайн подмигнула и вышла из комнаты.

Вероятно, она права. Не желая тратить ни минуты, Гевин тут же начал составлять план.

Наступила пятница и вместе с ней званый вечер у Уэстлендов в честь героизма Дариуса. Когда Кира с помощью брата вышла из кареты, она первым делом подняла глаза на светлый каменный дом, возвышающийся в молочном небе, а затем стала разглядывать мужчин и женщин в великолепных нарядах, которые чинно шли к дому лорда и леди Уэстленд, осторожно обходя грязь и лошадиный помет.

— Ты уверена, что мы непременно должны присутствовать здесь? — спросил Дариус.

— Да.

Он негромко выругался.

— Это же просто смешно. Я никакой не герой.

Улыбнувшись брату, Кира отметила, что он выглядит очень элегантно и даже немного таинственно в своем идеально черном сюртуке. Когда же он вырос? Казалось, только вчера она мазала ободранные коленки брата после бесчисленных падений с деревьев, а сейчас он выглядел совершенно взрослым мужчиной.

— Я не согласна и считаю, что ты настоящий герой.

Дариус фыркнул.

— Вот если бы ты позволила мне убить Кропторна...

Кира вздохнула.

— Мы все решили. Ты оставишь Гевина в покое, а он не станет беспокоить нас.

Действительно, Гевин, похоже, наконец сдался — он не приходил к ней уже три дня.

Вот только перестанет ли когда-нибудь любовь к нему приносить ей боль?

А может, он в конце концов поймет, что не проклят, и признает, что тоже любит ее?

Увы, она очень в этом сомневалась. Он действительно считал себя проклятым.

Оказавшись в фойе лорда и леди Уэстленд, Кира увидела море поднимающихся по лестнице людей, большинство из которых она не знала. Когда они с Дариусом достигли верха, лорд Уэстленд и его жена уже находились там, готовые приветствовать их. Хозяин дома выглядел очень элегантно в вечернем костюме; седеющие волосы выгодно оттеняли синеву его глаз. Он улыбался. Леди Уэстленд была очаровательна в желтом платье, с рыже-коричневыми волосами, убранными от лица и уложенными в сложный пучок локонов.

— А вот и вы! — Дядя, вне всякого сомнения, был очень горд.

— Как приятно видеть вас обоих, — приветствовала их леди Уэстленд с широкой, хотя и слегка холодной улыбкой.

Кира украдкой взглянула на Дариуса, и он посмотрел на нее так же недоуменно. Леди Уэстленд действительно рада их видеть? В высшей степени удивительно.

— Проходите, проходите! — Она подошла ближе к гостю. — Не каждый день мы принимаем у себя героя. Все просто умирают от желания познакомиться с вами.

Дариусу ничего не оставалось, как только предложить ей руку. Тем не менее он выглядел не слишком счастливым, услышав, что целая толпа ждет его одного.

Кире предложил руку стоявший рядом с ней лорд Уэстленд, после чего они пошли вслед за леди Уэстленд и Дариусом по ярко освещенному бальному залу.

— Как у вас дела? — Глаза дяди светились участием. Поскольку ей было трудно ответить честно, Кира солгала:

— Хорошо, благодарю. А у вас?

Он пожал плечами.

— Тоже неплохо. Я слышал, вы решили не выходить за мистера Хауленда...

— Мы просто не подходим друг другу, милорд, однако я уверена, что нам удастся остаться друзьями.

— Понимаю. — Уэстленд нахмурился. — И что вы теперь намерены делать?

Кира пожалала плечами.

— Полагаю, заботиться о Дариусе, пока он не найдет себе жену.

“И стараться забыть Гевина... как-нибудь”.

— После всех хвалебных статей в газетах здесь уже полно энергичных мамаш, так что этот день может наступить очень скоро.

Слова дяди вызвали в воображении Киры странный образ: толпа женщин, как стадо гогочущих гусей окруживших ее необщительного брата, и каждая в этой толпе пытается обратить на себя его внимание. Эта картина заставила ее рассмеяться, в первый раз за много дней.

— Уверена, Дариус будет заинтригован.

— Да, жена ему очень понадобится, и, возможно, скоро: у меня нет детей, и когда ваш отец и я умрем, он станет следующим графом Уэстлендом.

Поскольку ее брат никогда не хотел быть пэром, Кира решила, что пока не станет напоминать ему об этой возможности. Пусть наслаждается общением с интригующими мамашами и закаляет свою силу воли.

— Вашему брату так или иначе придется принять титул, — продолжал граф. — Я даже слышал, что за этот геройский поступок его могут посвятить в рыцари.

В рыцари? Но что, если Дариус от этого придет в ярость? У Киры не хватило смелости сказать дяде, что Дариусу не нравится весь этот избыток внимания. Что ж, наблюдение за тем, как брат отбивается от натиска назойливых женщин, развлечет ее сегодня вечером, а поговорить с ним о титулах и наградах она сможет и потом.

— В последнее время вы получали какие-нибудь известия от вашего отца? — услышала она неожиданный вопрос, и, взглянув на дядю, увидела в его глазах раскаяние.

— Как ни странно, да. Скоро он должен быть дома.

— Мы очень давно с ним не разговаривали, — признался граф. — Пора исправить это. Ни один из нас не молодеет.

Кира улыбнулась:

— Я искренне надеюсь, что вы помиритесь. Несмотря на все многолетние скитания отца, я уверена, он очень скучает по вам, милорд.

Граф отечески похлопал ее по руке.

— Мы же семья, моя дорогая. Зовите меня дядя Джордж.

В знак благодарности Кира склонила голову.

Когда они дошли до входа в бальный зал, он уже был полон нарядных дам и элегантных кавалеров. Газовые лампы сияли, наполняя все искрящимся светом. Окна были распахнуты, давая дорогу свежему июньскому ветерку. Танцоры выстраивались парами, светские сплетни распространялись за развешивающимися веерами.

Когда толпа заметила на вершине лестницы Дариуса, все разразилось одобрительными возгласами, отчего молодой человек словно окаменел на целых тридцать секунд. Потом он украдкой посмотрел через плечо на сестру.

— Завтра же уеду в другую страну...

Кира подавила смешок, и они стали спускаться в зал.

— Бьюсь об заклад, ты не сделаешь ничего подобного.

— Ему, кажется, несколько неловко. — Дядя озабоченно посмотрел на Дариуса.

— Просто Дариус не привык к такому вниманию. С ним все будет в порядке, — заверила Кира графа; она не сомневалась, что Дариус сумеет взять себя в руки... со временем.

— Что ж, тогда все превосходно, — произнес дядя, хотя не выглядел совершенно убежденным. — Мне, вероятно, следовало сообщить вам, что мы пригласили вашего бывшего жениха до того, как узнали, что вы больше не планируете жениться.

Теперь пришла очередь Киры смутиться. Она была бы рада поговорить с Джеймсом, но если пригласили его, то, вероятно, пригласили и всю семью. А если так, то...

О нет! Кира сделала глубокий вдох. Она не была готова встретиться с Гевином ни сегодня, ни когда-либо позже. Даже следующее тысячелетие было под вопросом.

Видеть его, зная, что он любит ее не настолько сильно, чтобы признать свои собственные чувства, — это слишком больно. Остается только молиться, что он не найдет ее в этой толпе.

Они спустились в зал как раз тогда, когда пары выстроились для нового танца. Кира оглядела толпу, ища темную голову Гевина, чтобы знать, в каком углу безопаснее спрятаться. Она наклонилась вперед, чтобы предупредить Дариуса, но он быстро пропал в кругу женщин, которые по мере приближения оценивающе оглядывали его.

— Я расстроил вас. — Лорд Уэстленд, маневрируя, ловко продвинулся вместе с ней к стене. — Мне казалось, что раз вы с мистером Хаулендом все еще в дружеских отношениях...

Он не сделал ничего плохого, и Кира не хотела, чтобы он беспокоился.

— Я уверена, все пройдет великолепно.

— А вот я в этом сомневаюсь, — сказала, подходя, леди Уэстленд; на ее лице не осталось и намека на улыбку. — Весь зал гудит, и причина тому — вы.

Кира внимательно посмотрела на хозяйку дома. Очевидно, ее приветливость распространялась только на героя этого вечера, но что тут удивительного?.. Быстрый взгляд в переполненный зал подтвердил, что на нее устремлены многие взгляды, и большинство из них выражает презрение.

Знакомая волна ярости, разочарования и неуверенности захлестнула Киру, и ей пришлось собрать всю силу воли, чтобы преодолеть стыд. Проклятие, почему она должна позволять этим мелким людишкам смущать ее и чувствовать себя ниже их? Ну нет, больше она этого не позволит.

— Пусть говорят. Я уже слышала о себе всю ложь, какую только можно вообразить, — и о моем брате тоже, причем некоторые наиболее позорные измышления исходили от вполне определенных лиц. — Кира многозначительно посмотрела на леди Уэстленд, и та поневоле отвела взгляд. — Так что их мнение вряд ли имеет значение, — победно закончила Кира.

— Что ж, тогда я вас оставляю, — примирительно сказала графиня. — Я просто хотела предупредить вас. Все эти сплетни о том, что вы якобы согласились выйти за мистера Хауленда, только чтобы добраться до герцога Кропторна...

— Какая чушь! — возмутилась Кира. — Я согласилась выйти за мистера Хауленда только потому, что он сделал мне предложение, и я очень уважаю его. К тому же он очень хороший друг. А моя персидская кровь вряд ли оставляет мне надежду выйти за герцога, вы

не согласны?

Под тяжестью пристального взгляда Киры леди Уэстленд сникла.

— Конечно, тут вы правы.

Однако Кира никак не могла успокоиться.

— И однако, персидская кровь не делает меня другой. Я такая же женщина, как и все, с чувствами, надеждами и мечтами, и меня уже тошнит, когда я слышу, что мать-иностранка — это чуть ли не чудовищно.

Она подбоченилась и с вызовом посмотрела на графиню. — Я живу так же, как все. Моя кожа может отличаться, но разве это когда-нибудь влияло на способность принимать решения?

— Никогда, по крайней мере на мой взгляд. — Лорд Уэстленд потер квадратный подбородок, очень схожий с подбородком Дариуса, и сделал вид, что глубоко задумался. — А что по этому поводу думаете вы, Клара?

Леди Уэстленд опустила глаза.

— Уверена, вы правы. Простите меня.

Хотя Кира не была уверена, что женщина извиняется искренне, теперь это вряд ли имело значение. Ее ничуть не волновало, что еще затаила в душе леди Уэстленд.

— По-моему, в данный момент его светлость ищет вас, — неожиданно сказала леди Уэстленд, прежде чем отвернуться и исчезнуть в толпе.

Гевин ищет ее?

У Киры сжалось сердце. Столкновения с ним ей хотелось меньше всего. Выдержать его гнев и обвинения трудно, но быть рядом с ним и знать, что он не разделяет любовь, которую она таила так глубоко в сердце... Волна острой боли прошла сквозь нее, и Кира закрыла глаза.

— Мисс Мельбурн? — произнес рядом знакомый голос.

Она открыла глаза и увидела Джеймса, стоящего прямо перед ней. Улыбаясь, он склонился над ее рукой.

Осторожно взглянув через его плечо, Кира одновременно с облегчением и разочарованием увидела, что Гевин не последовал за своим кузеном.

— Здравствуйте, мистер Хауленд, — приветливо произнесла она.

— Я рад видеть вас.

Кира сразу же поняла, что Джеймс говорит искренне.

— Я тоже очень рада. Однако боюсь, мне надо идти: леди Уэстленд сказала, что я вызвала гнев вашего кузена, а мне вовсе не хочется...

— Вы не так поняли. Это я навлек на себя его гнев.

— Вы? — Кира озадаченно посмотрела на бывшего жениха.

— Вот именно. Когда леди Литчфилд справлялась о разрыве нашей недавней помолвки, боюсь, я сказал нечто такое, что она неправильно поняла.

Кира сглотнула. Джеймс, хотя и такой милый, часто был слишком наивен насчет того, как свет может истолковать некоторые слова. Невеста Гевина наверняка очень огорчена.

— И в чем же дело?

Доброе лицо Джеймса выглядело совершенно расстроенным.

— Я просто упомянул про вашу привязанность к моему кузену и про то, что вы надеялись выйти за него замуж.

Так вот в чем дело! Естественно, леди Литчфилд тут же поверила в самое худшее о ней

и решила, что она неотвязно преследовала Гевина, словно какая-нибудь вымогательница — шлюха. Не слишком лестная картина и к тому же совершенно не соответствующая истине.

— Я пришел, чтобы умолять вас простить меня, — смущенно произнес Джеймс.

— Мистер Хаулэнд, вы не могли знать, что ваши слова вывернут наизнанку, а значит, тут нечего прощать.

— Но мне не следовало упоминать, что вы целовались. — Он поморщился.

Дело становилось все хуже и хуже. Кира вздохнула. Что еще ее ждет впереди?

— Это была просто ошибка, — попытался оправдаться Джеймс.

Бедный мальчик — он действительно не понимает, как жестоки люди. Джеймс честно ответил на вопрос леди Уэстленд, даже не догадываясь, что его слова будут неправильно истолкованы. Впрочем, какая разница: все и так считают ее шлюхой, и в этом нет ничего нового.

— Постараюсь как-нибудь пережить это. — Кира вздохнула. — Давайте лучше поговорим о чем-нибудь более приятном. Например, расскажите о ваших ближайших планах.

Джеймс с благодарностью улыбнулся ей.

— Через два дня я еду в Танбридж-Уэллс, чтобы начать работу в новом приходе, откуда недавно получил письмо. Несколько прихожан выражают радость по поводу моего приезда. Думаю, я действительно нужен там.

— Уверена, что это так.

— А вы... Что вы теперь будете делать?

— Ну, возможно...

— Не говорите ничего, мисс Мельбурн, пока мы с вами не обсудим кое-что, — прошептал ей на ухо женский голос.

Кира обернулась и с удивлением увидела, что рядом с ней стоит леди Литчфилд, как всегда царственная, невозмутимая, немного высокомерная. Она невольно вздрогнула. Что надо от неё женщине, которая только что распространяла о ней ложь?

— Сомневаюсь, что у нас с вами есть о чем говорить, миледи.

Блондинка невозмутимо улыбнулась.

— Я действительно могу возбудить небольшие сплетни, чтобы спровоцировать нерешительных поклонников, но могу также изменить их или прекратить ради блага тех, кто этого заслуживает, — словно угадав мысли собеседницы, спокойно произнесла она.

Сдвинув брови, Кира в недоумении посмотрела на соперницу. Что леди Литчфилд имеет в виду?

— Разумеется, вы могли бы хотеть прекратить такие сплетни ради вашего... — она сглотнула, заставляя себя выговорить это слово, — ...вашего жениха, но я сомневаюсь, что забота обо мне могла бы побудить вас...

— Вы правы. Я надеюсь изменить сплетни ради блага Гевина и заставить его действовать. — Тут она приблизила губы к уху Кире и прошептала: — Только он больше не мой жених.

Больше не жених? Кира была потрясена. Слова леди Литчфилд звучали в ней снова и снова, пока она не стала сомневаться, правильно ли вообще услышала их. Она снова взглянула на статную блондинку и сразу поняла, что растерянность соперницы ее только забавляет. Определенно она неправильно услышала леди Литчфилд — ведь Гевин, по его собственному признанию, уже несколько лет собирался жениться на ней.

— Но он сказал мне...

— Все это глупости. На прошлой неделе Гевин явился ко мне, и по обоюдному согласию мы расторгли нашу помолвку.

После этого заявления Кира могла только смотреть и моргать. Мысли крутились в ее голове быстрее, чем циклон. Гевин больше не обручен? Но почему? Что помешало ему жениться на леди Литчфилд? И если герцог больше не связан обязательствами, почему он не пришел к ней?

Стоп. Да он же приходил, и даже не единожды, но она каждый раз прогоняла его.

Возбуждение и надежда охватили Киру. Возможно ли? Впрочем, у нее нет никаких фактов. И все же надежда стремительно росла, и ее невозможно было изгнать из сердца. Может, Гевин приходил просто, чтобы извиниться, поболтать о погоде или... что-то еще? Кто знает? Из всего этого не следовало, что он любит ее.

— Видите ли, — продолжила леди Литчфилд, — просто я решила, что не хочу выходить за мужчину, чья любовь принадлежит другой.

При этих словах сердце Киры подпрыгнуло чуть не до горла. Впрочем, Гевин чувствовал к ней лишь привязанность, но он не позволит себе жениться на ней, пока верит в проклятие Даггетов.

— Думаю, все же вы что-то не так поняли.

Леди Литчфилд пожала плечами.

— Честно говоря, Гевин даже не смог толком поцеловать меня. А вот то, как он прямо сейчас смотрит на вас, говорит мне, что он поглощен только вами. — Она загадочно улыбнулась.

Смотрит прямо сейчас? Кира осторожно взглянула через плечо туда, куда был направлен взгляд леди Литчфилд.

Гевин стоял не больше чем в десяти футах; его темные глаза, не отрываясь, смотрели на нее. Настойчивый — подходящий эпитет для такого взгляда. В нем были жар и целеустремленность. Однако Кира не могла определить причину такого выражения его лица. Гнев? Желание?

Сердце ее бешено забилося, когда герцог неторопливыми шагами направился к ней. Толпа расступилась перед ним, как будто он был Моисей, пересекающий Красное море. В разом наступившей зловещей тишине все молча наблюдали разворачивающийся перед ними спектакль.

Кира судорожно вдохнула. Что за цель у Гевина? Может, он просто решил поздороваться с ней?

Она почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Гевин... Как это ни глупо, она все еще надеялась на его любовь и хотела ее больше всех сокровищ в мире.

Но в этот момент она почти не надеялась, что когда-нибудь это у нее действительно будет.

Гевин заставлял себя идти медленно, хотя ему хотелось лететь как на крыльях.

“Одна нога перед другой, — говорил он себе. — Осторожно, не надо спешить”.

Кира, замерев, смотрела, как Гевин приближается к ней.

Стоя позади нее, Корделия улыбалась все той же загадочной улыбкой, словно знала какой-то секрет.

Сам Гевин разрывался между яростью и предвкушением. Он приехал на этот вечер, желая только одного — найти Киру, извиниться, поговорить с ней, но за несколько минут до

приезда Киры, Брок и Мэдди рассказали ему все об отвратительных сплетнях, циркулирующих среди собравшихся. Все были уверены, что Кира использовала Джеймса, чтобы проникнуть в жизнь герцога, и применила все женские уловки, стараясь стать герцогиней Кропторн. Общество ни в коем случае не допускало, что у нее есть сердце, честь, верность, понимание того сокровища любви, которое является главным в отношениях между мужчиной и женщиной; но сегодня Гевин наконец, переменит сложившуюся ситуацию, чего бы ему это ни стоило.

Подойдя к Кире, Гевин остановился в нескольких шагах от нее, и следующий вдох, который он сделал, был наполнен запахами лунного света и ванили. У него тут же вновь появилось нестерпимое желание обнять ее.

— Мисс Мельбурн, — произнес он, протягивая руку.

Кира тоже протянула ему руку в бальной перчатке, и Гевин заметил, что ее рука дрожит.

— Ваша светлость. — Она сделала реверанс, и он поклонился в ответ. Но когда Кира попыталась высвободить руку, он сжал ее крепче, а потом притянул Киру ближе к себе.

Гости вокруг них тут же начали перешептываться.

— Я пришел, чтобы извиниться, — громко произнес Гевин, словно хотел, чтобы весь зал слышал это — все до последнего слова.

Кира густо покраснела.

— Ваша светлость, в этом нет необходимости...

— Не согласен. — Он улыбнулся. — Сегодня вечером я узнал о вас много вводных в заблуждение слухов и почувствовал, что мой долг извиниться перед вами и прояснить то, что кем-то неправильно понято.

Кира оглянулась на собравшихся вокруг. — Но я...

— Нет-нет, позвольте мне. Вопреки распространенному мнению при нашей первой встрече вы страстно желали выйти замуж за моего кузена, а после того как Джеймс познакомил нас, тут же стали избегать меня. Разве это не так?

Тревожный взгляд Киры заскользил по перешептывающимся матронам и светским щеголям.

— Тогда вы явно испытывали ко мне неприязнь...

— Вот тут вы ошибаетесь. — Гевин сжал ее руку. — Я не испытывал к вам неприязнь, я желал вас.

Нервное волнение пробежало по толпе; веера замахали быстрее, а мужчины стали с большим интересом наблюдать за происходящим.

Решительно выйдя вперед, Гевин продолжил еще более громким голосом:

— И не просто желал, а хотел, чтобы вы полностью принадлежали мне.

Шум слева от него заставил Гевина оторвать свой взгляд от Киры — там Дариус с грозным рыком прорвался сквозь толпу.

— Я предупреждал, чтобы ты оставил мою сестру в покое. Будь ты проклят! Сомневаюсь, что у тебя вообще есть честь, но если все-таки есть, давай выйдем, чтобы я смог набить тебе физиономию.

Еще одна волна приглушенных восклицаний прокатилась по залу, однако Гевин даже глазом не моргнул.

— Верно, Дариус, я преследовал твою сестру довольно долго.

Молодой человек угрожающе наклонился вперед и сжал кулаки.

— И ты использовал все коварные способы, чтобы взять ее, но больше я не позволю тебе трепать ее имя...

— Ладно, только сперва помолчи пару минут, а потом я буду полностью в твоём распоряжении.

На этот раз его слова сопровождались громкими восклицаниями присутствующих. Толпа приблизилась и замерла: все как по команде затаили дыхание, ожидая ответа Дариуса. К невероятному удивлению зрителей, герой вечера осторожно отступил.

— Что происходит? — Напряженный взгляд Киры тревожно метался от одного мужчины к другому.

Однако Дариус даже не повернулся, чтобы ответить сестре; вместо этого он лишь кивнул:

— Продолжай.

Гевин поблагодарил его легким поклоном, потом снова обратил взор на Киру, которая стояла неподвижно, бледная, словно привидение.

— Я преследовал вас, мисс Мельбурн, с намерением разлучить с моим кузеном.

— Я знаю, — прошептала она.

Герцог улыбнулся:

— Вы также знаете, что я неустанно преследовал вас, пока не отбил таки вас у кузена, не так ли?

За этими словами последовала новая волна восклицаний и перешептываний.

Кивнув, Кира смущенно взглянула на него. Неужели она все еще не догадывается, к чему он клонит?

— Я преследовал вас, пока не достиг цели, используя все мыслимые обходные пути, так как по глупости предположил, что женщина с персидской кровью будет легкой мишенью для искусного соблазнителя.

Кира прижала руку к дрожащим губам. Она вот-вот готова была разрыдаться.

— Вы негодяй!

— Да, — спокойно согласился герцог. — Долгое время я не знал, ваша ли это английская кровь так ловко разгадала во мне волка в овечьей шкуре, или это персидская природа позволила вам так полно отдать мне свое сердце. А потом я подумал, что, возможно, все было наоборот.

— Какое это имеет значение? Вы уже сделали свое презрение вполне явным. — Кира повернулась, намереваясь броситься прочь сквозь толпу, но Гевин успел схватить ее за руку.

— Не согласен — ведь я только недавно обнаружил, что ошибался. Это не ваша английская часть была умной, а персидская страстной. Это просто были вы.

— О, Гевин... — Кира прикусила губу, все еще боясь надеяться. — Что вы хотите сказать?

И тут герцог улыбнулся. Любовь: он видел ее в сиянии ее глаз, и это дало ему смелость продолжать:

— В день, когда мы впервые встретились, Джеймс выразил надежду, что я полюблю вас. И я люблю вас, Кира Мельбурн, клянусь, люблю каждым биением моего сердца.

Некоторое время Кира, замерев, изумленно смотрела на Гевина; затем она моргнула раз-другой, и ее глаза наполнились слезами.

— Но ведь вы... — Она сглотнула. — Вы сказали...

Гевин положил палец на ее губы, страстно желая, чтобы вместо пальца на этом месте

оказались его губы.

— Сейчас я должен задать вам очень важный вопрос.

Хотя это было абсолютно невозможно, глаза Киры словно стали еще больше; и тут же Гевин опустился перед ней на колени, как будто беря в свидетели и ее брата, и свою семью, и весь высший свет.

К черту последствия — он хотел Киру, хотел навсегда соединиться с ней. Это могло привести к новому скандалу; его семья могла возненавидеть их, а свет — отвергнуть. Но если бездонная пропасть в груди, открывшаяся при мысли, что Кира уйдет навсегда, не будет больше терзать его, он готов пойти на любой риск.

Дрожащая улыбка осветила лицо Киры; одна серебряная слезинка сбежала по ее щеке, за ней другая. Боже, она самая красивая женщина на земле, он всегда это знал. Она поразила его своей любовью, своей щедрой душой, своей кажущейся хрупкостью, соединенной с невероятной силой. И уж конечно, Кира не была похожа ни на одну женщину.

— Окажете ли вы мне великую честь, мисс Мельбурн, согласившись стать моей женой?

Кира молчала так долго, что Гевин даже начал беспокоиться. Она смотрела на него глазами, в которых отражалось ее сердце, а слезы все бежали одна за другой по ее лицу, и он испугался, что заставил Киру пройти через слишком многое, так что теперь она может отказать ему. Скорее всего, именно это он и заслужил.

Столпившиеся вокруг них люди замерли в молчаливом ожидании... Гевину даже показалось, что он слышит, как бьется сердце у него в груди...

“Пожалуйста, Господи, пусть она согласится...”

— Кира? — ласково прошептал он.

Всхлипнув, она бросилась к нему, и Гевин едва успел открыть ей объятия. Затем он крепко прижал ее к себе. Одно ее слово, и он сможет делать это каждый день всю оставшуюся жизнь.

“Господи, пусть она скажет это слово”.

— Это означает “да”?

Она снова всхлипнула и кивнула.

— Да. — Кира крепко обняла его. — Да!

Кто-то в толпе робко зааплодировал. Гевин поднял голову и увидел Брока Тейлора, медленно хлопающего в ладоши; в ту же минуту Мэдди последовала его примеру. Стоящие рядом Джеймс, тетя Кэролайн, Дариус и Корделия присоединились к ним. Через несколько мгновений весь зал аплодировал, и этот звук поглотил все страхи Гевина по поводу будущего.

— Они одобряют, — прошептал он. — Но даже если бы они и не одобрили, мне теперь все равно. Я люблю тебя. Я заставил тебя пройти через слишком многое, прежде чем понял это, и ужасно об этом сожалею. Пожалуйста, прости меня.

— А как же проклятие Даггетов?

Гевин покачал головой:

— Его не существует, и теперь я понимаю это. То, что я хочу тебя, вызвано только любовью. Если ты скажешь, что тоже любишь меня, мы сможем пожениться завтра же, чтобы я тут же начал доказывать тебе, насколько сильна моя любовь.

— О, Гевин! — Кира мило покраснела, однако лицо Гевина оставалось серьезным.

— Итак, я хочу знать, любишь ли ты меня?

Вздохнув, Кира кивнула:

— И моей персидской половинкой, и моей английской... Каждая частичка меня принадлежит тебе.

— Если так, это означает, что я самый счастливый человек на свете!

Гевин прильнул к ее губам долгим поцелуем, обещающим безмятежное будущее, полным бесконечной любви, переполняющей его сердце, и Кира — женщина его мечты — ответила ему со всей страстностью, на которую только была способна.

Больше книг на сайте - Knigolub.net